

Вольфганг Геншорек

**20 000 километров
по Сахаре и Судану**

Annotation

Автор из ГДР, историк, писатель и публицист, предлагает советскому читателю книгу о выдающемся немецком ученом и путешественнике прошлого века Генрихе Барте, о главном деле всей его жизни — Большой африканской экспедиции, а также о других путешествиях, в частности по странам Средиземноморья. Результаты исследований Барта по Африке до сих пор лежат в основе многих современных представлений о прошлом африканских народов, их культуре, языках и обычаях. Книга построена преимущественно на дневниках, которые Генрих Барт вел на протяжении всех своих путешествий

- [Вольфганг Геншорек](#)
  - [Предисловие к русскому изданию](#)
  - [Годы созревания](#)
    - [Родительский дом и школьные годы](#)
    - [Студенческие годы в Берлине](#)
    - [Первое научное путешествие к Средиземному морю](#)
    - [Несбывшиеся надежды](#)
  - [Большая африканская экспедиция](#)
    - [Ученый, а не торговый агент](#)
    - [Заманчивый трофей](#)
    - [Историческая земля](#)
    - [В знойной Сахаре](#)
    - [На краю гибели](#)
    - [Агадес — город мудрости](#)
    - [Богатое событиями прошлое](#)
    - [По разным маршрутам](#)
    - [В Кукаве — «африканской родине»](#)
    - [Во власти новых открытий](#)

-
- [В тупике](#)
- [По дороге в Томбукту](#)
- [Царица пустыни](#)
- [Возвращение](#)
- [Впереди времени](#)
  - [В поисках источника к существованию](#)
  - [Англия — выход из положения?](#)
  - [Снова в Малой Азии](#)
  - [Горькие разочарования](#)
  - [Наследие обязывает...](#)
- [Сочинения Г. Барта](#)
- [Литература о Г. Барте](#)
- [Л. Е. Куббель](#)
- [Иллюстрации](#)
-
-
-
-
-
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)

- [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
-

**Вольфганг Геншорек
20000 километров по Сахаре и
Судану**

Предисловие к русскому изданию

Борьба государств, добившихся национальной независимости, особенно тех из них, которые вступили на путь социалистической ориентации, национального суверенитета и социального прогресса, является частью мирового революционного процесса, в котором страны социалистического содружества под руководством Советского Союза играют решающую роль.

В одном из принятых на VII конференции неприсоединившихся государств на высшем уровне в Дели в марте 1983 г. документов говорится, что мир и мирное сосуществование, независимость, разоружение являются центральными проблемами современности. Участники конференции потребовали незамедлительного прекращения соскальзывания в ядерный конфликт, угрожающий благополучию человечества.

Антиимпериалистическая борьба народов, ведущаяся общими усилиями, направлена одновременно против тенденций завуалировать и теоретически оправдать эксплуатацию одних стран другими, против высокомерных реакционных буржуазных теорий, согласно которым африканская история начинается лишь после прибытия в Африку европейских «культуртрегеров», так как сами африканцы были якобы не способны к общественному и культурному прогрессу.

За несколько лет до провозглашения независимости Нигерии британский губернатор заявил: «Многие столетия, в течение которых развертывалась история человечества, африканцы продолжали пребывать в состоянии неподвижности и первобытной дикости». Профессор Моргентау из Йельского университета

утверждал, что политическая независимость вредно скажется на экономическом, социальном и культурном развитии африканских народов.

Особая заслуга буржуазного гуманиста Генриха Барта состояла в том, что он уже в середине прошлого века, ко времени начала колониального порабощения, разоблачил эту ложь научно доказал высокую степень культурного развития народов, населявших территорию южнее Сахары. Нередко в биографических работах ученых — специалистов в области исторической географии встречается неправомерное утверждение, что их герой якобы «открыл» ту или иную реку или горную цепь, хотя, как правило, коренные народы давным-давно уже обжили эти места. Так, например, в Заире по праву был разрушен памятник английскому исследователю Африки Стэнли, надпись на котором гласила, что он «открыл» реку Конго, веками служившую транспортной артерией для всех соседствующих с ней народов.

С творчества выдающегося немецкого исследователя Генриха Барта, биографию которого мы впервые предлагаем советскому читателю, началась новая эпоха в истории открытия Африки. В течение долгого времени ученый был почти предан забвению, даже в самой Германии, в чем немало были повинны так называемые ученые, которые были послушными орудиями полицейского государства, ибо Генрих Барт не вписывался в перечень эмиссаров раннего колониализма. Его труды отнюдь не оправдывали их теорию и практику.

Как участник, а после смерти Джеймса Ричардсона руководитель Большой британской африканской экспедиции (1849–1855), он пересек Сахару, осуществил исследования в районе озера Чад и в не изведанной до того времени области Адамава. В заключение он отправился в Томбукту — «царицу пустыни».

Где бы Барт ни находился — в степных просторах, в раскаленной Сахаре или у озера Чад, он в отличие от некоторых других путешественников того времени всегда поддерживал дружественные отношения с местными жителями. Ему удалось подружиться со многими представителями всех социальных слоев, начиная от простого носильщика и погонщика скота и кончая эмиром или султаном, стоявшими во главе крупных держав.

Близкий к отчаянию, забытый своими «щедрыми» кредиторами, Барт оказался в самом сердце Африки в безвыходном положении; но в этот трудный час его африканские друзья предложили ему материальную и моральную помощь, что позволило продолжить экспедицию. Эту помощь Барт никогда не забывал. По возвращении из путешествия он ни в Великобритании (а Барт находился на службе у Форин офис), ни в Пруссии не нашел постоянной должности.

За унижениями, которые он вынужден был терпеть, следовали горькие разочарования и бесконечные финансовые неурядицы. Его объемный труд о путешествии, стоивший невероятного напряжения всех сил, не был встречен с должным интересом. Слишком обстоятельное изложение материала, растянутые вставки по сугубо научным вопросам отпугивали широкую читательскую публику. Однако специалисту по Африке книга обеспечивала обилие новых фактических знаний.

Результатами исследований Барта были: выяснение особенностей ландшафтов Сахары, пересеченной им неизвестным до тех пор маршрутом; определение местоположения и протяженности возвышенности Мендип-Хилс; доказательство отсутствия связи реки Нигер с озером Чад; объяснение речной системы в районах Багирми и Адамава; исследование течения Нигера между Томбукту и Саем и открытие заново реки

Бенуэ. Сюда следует присовокупить геоморфологические, а также климатологические исследования и гидрологические изыскания, которые позволили судить о водном режиме и речных путях. Наконец, картографическая съемка населенных пунктов впервые дала объективную картину доколониального быта и культурного развития народов, по чьим землям проходила экспедиция.

Вершиной заслуг Генриха Барта был его новаторский труд в области исторической этнографии. Исследуя хронику «Тарих ас-Судан», Барт показал культурную традицию долины Нигера. Что касается лингвистики, то научные труды Барта, который мог изъясняться на арабском и семи африканских языках, легли в основу создания учебников по языкам хауса и канури.

Глубокая человеческая привязанность к своим африканским друзьям и объективные результаты его научных исследований позволили Барту сделать бесспорные выводы: народы Африки не нуждались ни в иностранных «протекциях», ни в «культуртрегерах». Напротив, «со времен открытий португальцами земель на африканском побережье европейцы только тем и занимались, что ускоряли распад этих стран...». Ученый-гуманист, придерживавшийся подобных взглядов, не мог, разумеется, рассчитывать на государственную службу.?

Современная наука отдает должное Генриху Барту как основателю классического исследования Африки, как представителю той плеяды ученых, которые служили мирным целям науки, располагая весьма скромными средствами, пребывая нередко в полном одиночестве и пускаясь в неведомые дали в сопровождении немногих спутников. У них не было ничего общего со следующими за ними «специалистами по Африке», состоящими на службе у колониальной политики.

Слова Барта, что географию следует рассматривать не как «чистую», а как объединяющую народы науку, лейтмотивом которых стала его же идея о том, «что в области науки и в гуманных целях всем нациям необходимо объединиться для достижения единой цели», в наше напряженное время особенно актуальны.

Вольфганг Геншорек

Годы созревания

Родительский дом и школьные годы

Только благодаря счастливому случаю, Иоганн Кристоф Барт избежал тяжкой доли сиротства. После ранней смерти родителей тюрингского крестьянского сына приютил его дядя. Хотя он и тосковал в большом городе Гамбурге — своем новом месте жительства — по любимым горам и лесам, он все же вновь обрел здесь родной дом. Окончив учение у мясника, он посвятил себя торговле, нажив значительное состояние старанием, бережливостью и неумолимой энергией. Жена его, происходившая из семьи ремесленника, была ему верной помощницей во всех его делах. Иоганн Барт полностью отдавал себя семье, отсутствие которой столь болезненно воспринимал в детстве. Помня собственную тяжелую юность, он готов был сделать все возможное, чтобы детям его жилось легче. 16 февраля 1821 года в семье родился третий ребенок — сын Генрих. Его рождение было отпраздновано как особо радостное событие, поскольку после рождения двух дочерей на свет появился наконец долгожданный продолжатель рода. Отныне родители все свое внимание сконцентрировали на Генрихе, на его воспитании, стараясь привить ему такие качества, как честность, любовь к порядку, чувство долга, бережливость, стремление к знаниям.

Поскольку отец из-за своего скудного образования не мог сам передать сыну достаточных знаний, он определил его, не пожалев на это средств, в частную школу. К великой радости отца, сын проявлял большой интерес к учению и немалое прилежание. Правда, следствием такого воспитания было известное тяготение к уединенности и оригинальничанию. Мальчик часто был предоставлен самому себе, общество

сверстников ему заменяли книги, вследствие чего он сделался индивидуалистом, а торговая предприимчивость, которой славился его родной город, пробуждала в нем мечты совсем иного рода — о неизведанных далях, о странствиях.

Когда Генриху исполнилось 12 лет, он поступил в гамбургский Иоханнеум — славившееся своими традициями учебное заведение, из которого вышло много будущих ученых. К сожалению, преподавание здесь математики и естественных наук далеко не соответствовало требованиям того времени, и в дальнейшем Барту это часто мешало. Большое прилежание, незаурядный ум и прежде всего выдающиеся способности к языкам сделали его вскоре любимцем учителей. Значительно хуже относились к нему одноклассники. У него не было школьных друзей и беззаботного детства. Один из его одноклассников писал, что Барт не был заурядным учеником. Он почти не общался ни с кем из класса. Во время перемен чаще всего стоял возле своей парты, храня важную отчужденность и обмениваясь словом лишь с тем или иным из более близких знакомых. Изредка можно было наблюдать на его лице еле заметную улыбку, но никогда он не хохотал от души. При этом Барт с удовольствием проделывал всякие упражнения для рук, любил их соединять на спине, выпячивая грудь вперед. Эту комнатную гимнастику он делал в перерывах между уроками, она должна была служить компенсацией за длительное неподвижное сидение на уроках и позволяла ему не участвовать в играх с одноклассниками на школьном дворе. От природы болезненный и слабый, он закаливал себя купанием в холодной воде и гимнастическими упражнениями. И все это он делал, вероятно, не столько ради удовольствия, сколько, как можно было заключить по серьезному, упрямому виду, который и здесь его не покидал, из

приверженности к некоей смутной, очевидно, даже ему самому неизвестной идее. Он отличался невероятным прилежанием и не ограничивался изучением только школьных предметов. Барт имел великолепную библиотеку и постоянно приобретал новые книги, не упуская из виду ни одного антикварного магазина ни в Гамбурге, ни в Берлине, ни в Лейпциге. Как сыну зажиточных родителей, ему это было вполне доступно. Он тщательно штудировал книги, а его блестящая память сослужила ему хорошую службу в их усвоении. Наряду с этим Барт постигал дисциплины, не имевшие отношения к школьной программе. Так, он изучал английский язык и овладел им в совершенстве к 14 годам; самостоятельно занялся арабским, что легкомысленным школьникам казалось верхом безумства. Возможно, Барт предчувствовал, что ему уготована судьба путешественника и первооткрывателя, однако его одноклассники не желали этого понимать и относились к нему без должного уважения.

В начале октября 1839 года он покинул Иоханнеум, правда не сдав экзаменов на аттестат зрелости. Школа, наверное, больше не могла удовлетворять его жажду знаний. Сам он писал об этом: «Нам вдалбливали... механические фразы; языки — этот непостижимый, удивительный голос человека способный выразить все его мысли, изобразить сострадание, любовь к ближнему, — преподносили нам как мертвую материю; их прямо-таки вколачивали в наши головы; самые прекрасные творения человеческого духа были нам преподаны в умерщвленном виде, а мы должны были, испытывая отвращение, их проглатывать. Я был не слишком молод, когда покинул школу, но если бы я еще хоть ненадолго остался в ней, то окончательно пропал бы, погиб духовно и физически, однако я еще не созрел для постижения свободного полета, начавшегося в

науке, так как был слишком оглушен бездуховным, пустым преподаванием»^[1].

Студенческие годы в Берлине

Освободившись от стеснявших его уз, Барт решил без промедления продолжать учебу и спустя две недели после ухода из школы приступил к занятиям в Берлинском университете. Правда, конечная цель была ему еще неясна. В сущности, он был прирожденным филологом, однако колебался между археологией и исторической географией. Поэтому в первом семестре, чтобы получить более полное представление об этих предметах, он стал ходить сразу на несколько платных курсов. Будущий ученый особенно высоко оценил преподавателя археологии Августа Бёка (1785–1867) и географии Карла Риттера (1779–1859), с которыми в дальнейшем был связан тесными узами дружбы.

Август Бёк был приглашен в Берлинский университет еще в 1810 году (год его основания). Выдающийся ученый и преподаватель, он не скрывал своего оппозиционного отношения к прусскому правительству. При его содействии начал возрождаться интерес к античной Греции. Он неустанно боролся за то, чтобы новое могло пробить себе дорогу. В этом друг Бёка Бартольд Георг Нибур (1776–1831), специалист по древнеримской истории, был до самой своей смерти его верным соратником. Им противостояла так называемая лейпцигская школа во главе с Готфридом Германом (1772–1848), считавшая, что в исследовании древнего мира главным должно быть изучение языков. Бёк же, напротив, последовательно утверждал равноправие языковедения с другими науками, а все они вместе, по его мнению, должны способствовать развитию общества. Изучение языков в то же время не должно стать самоцелью, а быть прежде всего средством научного познания исторических взаимосвязей.

Этими основными критериями руководствовался и студент Генрих Барт. Под влиянием Бёка его усвоение языков всегда было тесно связано с исследованием культурно-исторических условий носителей этих языков.

Подобным же стимулирующим образом на него воздействовал Карл Риттер. Он был первым профессором географии в Германии, возглавлявшим с 1820 года кафедру в Берлинском университете и внедрившим строго последовательный исторический и сравнительный методы в изучении своего предмета. Тем самым он возвысил географию — не без влияния Александра Гумбольдта (1769–1859) — от чисто описательного предмета до науки. Прежде в этой области ограничивались лишь описательным изложением более или менее случайных географических явлений. Если труд Риттера «Замечания по методическому преподаванию географии», вышедший в 1806 году, теоретически обосновал принципы нового метода изучения, то главная его работа «География и ее взаимодействие с природой и историей человечества» в 19 томах, которая издавалась с 1817 по 1859 год, создала практические предпосылки ее применения на примере развития отдельных народов и стран.

Существенное влияние на Барта оказали богатые берлинские коллекции произведений искусства. Он старался как можно чаще ходить в местные музеи и всегда восхищался памятниками античности, которые все настойчивее вызвали желание посетить места их происхождения, чтобы взглянуть на них с географически-исторической точки зрения, в согласии с научным методом Риттера.

Несмотря на то что Барт учился очень прилежно, его не покидало чувство боязни не оправдать надежд, которые возлагали на него родители. Желание не разочаровать их было для него наряду со свойственным ему честолюбием важным стимулом в занятиях.

После окончания второго семестра Барт при материальной поддержке отца предпринял — с лета 1840 по май 1841 года — долгожданное научное путешествие. Таким образом, непосредственное знакомство с памятниками культуры было призвано углубить приобретенные им теоретические знания и должно было в конце концов, как он надеялся, привести к окончательному выбору дальнейшего научного пути. Барт побывал в Венеции, Флоренции, Риме, Неаполе, Сицилии. Во время этого путешествия он продолжал интенсивно заниматься научными исследованиями, однако, чтобы посетить как можно больше мест, вынужден был считать каждый пфенниг и экономить даже на почтовых расходах.

В ноябре 1840 года он все же вынужден был потратиться, о чем писал родителям из Рима: «Неслыханно много надо трудиться, чтобы извлечь настоящую пользу из здешних богатств. Я работаю не покладая рук, чему способствуют многочисленные крупные библиотеки... С тех пор как я отправил отсюда свое второе письмо, мне, естественно, удалось увидеть неизмеримо больше, хотя для меня не столь важно видеть многое, сколь немногое, но более обстоятельно».

Эта точка зрения, хотя и способствовала более глубокому проникновению в детали, несколько сузила научный кругозор юного студента.

Красота природы и античные памятники культуры произвели на него глубокое впечатление. Особенно заметный след оставила встреча со Средиземным морем, «которое наподобие грандиозной рыночной площади между тремя странами как бы приглашает народы к мирному общению». И во имя будущих научных исследований он принял важное решение: по возможности совершить путешествие по этому бассейну и лично ознакомиться со всем его побережьем.

Когда он после четырехмесячного пребывания в Италии вернулся в университет, ему все еще не была окончательно ясна цель его исследований. Больше того, отныне тематическое многообразие посещаемых им семинаров и лекций расширилось. Он прослушал курс по археологии у Эрнста Курциуса (1814–1896), греческое стихосложение, латинский язык у Якоба Гримма (1785–1863) (здесь он впервые услышал о «Германии» Тацита). Барт начал изучать также юридические науки, но тут Август Бёк стал опасаться, что его студент может растратить себя по мелочам. Он пытался поэтому направить интерес Барта на географию и естественные науки, такие, как ботаника, геология и климатология. Известный ученый был для студентов не только хорошим учителем, но и благодаря своей сердечности великим примером для подражания. К молодому Барту Бёк относился с особой симпатией, и во всех вопросах, касающихся учебы, он всегда был готов прийти на помощь добрым советом.

Генрих Барт не участвовал в беззаботной, веселой студенческой жизни тех времен, у него не только не было потребности в этом, но и недоставало необходимых средств. Отец пожертвовал значительную часть своего состояния, чтобы дать сыну образование. Сын же, в свою очередь, был преисполнен признательности и любви к родительскому дому. «Мое отношение к вам, дорогие родители, — говорится в одном из писем, — действительно необычное. Вы с величайшей готовностью дали мне возможность учиться, предоставили полную свободу действий во всем, касающемся учения, многим для меня жертвовали».

Если долго не было письма из дома, Барт впадал в уныние, принимался старательно расследовать совершенные грехи, задаваясь вопросом, не обидел ли он чем-нибудь родителей. Как только наступали

каникулы, Барт торопился домой. Однако за годы учебы его тяготение к одиночеству еще больше усилилось, и жизнь в доме коммерсанта казалась ему слишком беспокойной. В письмах на случай приезда он ставил всевозможные «условия», лишний раз свидетельствующие о его склонности к педантству. «Если я приеду, — писал он, — то только ради вас, чтобы жить и общаться только с вами, для всех остальных я буду жить инкогнито, никого не буду навещать, чтобы иметь возможность ежедневно посвящать своим занятиям в среднем восемь часов. Если вы согласны выполнить эти условия, я приеду в конце августа и пробуду у вас до середины октября, хотя и сознаю, что причину тем самым некоторое беспокойство».

Посылки с пирогами, которые Барт получал от матери, а он был страстным любителем сладкого и мучного — стали для него особенно желанными весточками из родного дома и приятным дополнением к скудному студенческому рациону. Более чем скромная еда в Берлине приводила к тому, что он с вожделением начинал думать о всевозможных домашних яствах, которые с магической силой тянули его домой на каникулы, несмотря на величайшую потребность продолжать занятия.

Учение превращалось для Барта в истинную страсть. Приобретение знаний не только наполняло его чувством исполненного долга, но и служило источником радости. Ежедневно он работал по 12 часов (включая прослушивание лекций). Большое удовлетворение доставляло ему сознание того, что он с каждым часом, с каждым днем все глубже и осмысленнее овладевает науками. Он тщательнейшим образом прорабатывал самые узкие «специальные вопросы», но вместе с тем рассматривал их во взаимосвязи с другими вопросами данной науки, а также со всем дальнейшим ходом развития человеческого познания. «Чем активнее

человек проникает в науку, — говорил Барт, — в ее внутреннюю суть, тем больше она побуждает его действовать вовне, заставляет делиться духовной жизнью с другими, что укрепляет их дух, делает их более устойчивыми, чтобы они могли выдержать борьбу с иным, чувственным началом своего бытия. Такова цель настоящей науки. Если же подходить даже к самым прекрасным творениям человека, к его духовным проявлениям поверхностно, педантично — без убежденности, без души и чувств, молодежь неизбежно пропадает. Живое и полное задора подрастающее поколение желает либо свободно и необузданно скитаться по белу свету — в этом случае оно хотя бы физически окрепнет, станет естественнее и добрее, — либо устремится к овладению духовными богатствами, науками, насыщающими не только разум, но и сердце, душу. Если ему выпадет на долю последнее, оно станет не только сильным и бодрым, но и мыслящим, ученым, образованным».

Замкнутость Барта ни в коей мере не являлась выражением эгоцентризма или презрения к людям. Он считал, что счастье можно обрести, если быть в ладу с самим собой. Ему необходима была обособленность, он расстраивался только в том случае, если ему казалось, что его успехи в учении не так высоки, как хотелось бы, и что он не в силах исправить свои промахи. Со свойственной необщительным людям ранимостью он болезненно воспринимал любую критику в свой адрес, недооценку своих заслуг. Но вместе с тем он не придавал значения внешнему блеску и отнюдь не стремился к богатству. «Я хотел бы лишь идти по пути внутреннего совершенствования, — писал он, — внутренней основательности, чтобы принести людям как можно больше пользы... Только то, что заключено в самом человеке, надежно. Богатство? Через секунду оно может исчезнуть. Внешнее счастье? Оно разбивается

наподобие стекла. Только душевную стойкость и профессионализм нельзя отнять у человека, они исчезнут лишь с исчезновением самой личности, но тогда они будут уже и не нужны ей».

Благодаря помощи отца он смог использовать каникулы 1842 года, чтобы отправиться в поездку по Швейцарии вдоль Рейна.

В последующие семестры под влиянием Бёка Барт приступил к более глубокому изучению античного мира. Лекции философа Фридриха Вильгельма Шеллинга (1775–1854) и историка Леопольда Ранке (1795–1886) — прежде всего метод критического анализа источников Ранке — расширили познания Барта, так что был заложен основательный фундамент для подготовки его диссертации. Она называлась «Из истории торговых связей и торгового дела коринфян» и была посвящена торгово-политическим отношениям в древней Греции, крупнейшем центре мировой торговли.

28 июня 1844 года Барт закончил учение, ему была присвоена ученая степень. Преисполненный счастья, он в тот же день написал родителям: «Сдал экзамены! Отныне я свободен! Это великое событие произошло вчера вечером, я начал и кончил спокойно и в весьма приподнятом настроении, хорошо ответил, за некоторыми исключениями, на все вопросы. Моя работа получила оценку „doctrina conspicua“, что означает „отличается ученостью“. Так что это позади, и я бы очень хотел прилететь к вам на орлиных крыльях, хотя пока не смогу по праву называть себя доктором, так как у меня еще нет диплома. Я его получу, лишь когда мне удастся опубликовать хотя бы некоторые выдержки из моей диссертации».

Учась в университете, Генрих Барт все больше убеждался в том, что методика преподавания дисциплин, которые должны были служить делу обогащения человеческого познания, имеет некоторые

теневые стороны. Этот критический подход помог ему составить обоснованное представление о степени ответственности ученого, в особенности перед молодой научной сменой. Уже тогда его угнетало сознание того, что он в течение трех лет сидит на шее у родителей. Когда же он сможет сам зарабатывать себе на хлеб? И он старался оправдать затраты рвением в науках, обогащая себя знаниями, с тем чтобы, закончив образование, стать наконец самостоятельным.

Наука не была для него чем-то абстрактным, она, по его мнению, выполняла свое назначение лишь во взаимосвязи с обществом и служа обществу. «Вы могли бы убедиться в том, что я живу не только наукой, я скорее умею соединять науку с жизнью, так что одно без другого не может существовать», — писал он домой.

Накопление новых знаний во время учения и особенно критическая переработка уже полученных знаний способствовали тому, что он перешел от заучивания отдельных фактов к теоретическим обобщениям: «Только теперь я с любовью начал заниматься философией, пронизывающей все области знания общей мыслью, после чего они становятся науками». Барт не уточняет, какого рода философию он избрал: «Моя философия существует для этого мира и взята из него; сначала человек должен в этом мире создать что-то стоящее, а остальное появится само собой».

Первое научное путешествие к Средиземному морю

После напряженной научной работы Барт, казалось, заслужил хотя бы короткий отдых. Однако второе полугодие 1844 года, которое он провел дома, было заполнено исследовательской работой. Больше всего молодого ученого угнетало неопределенное будущее. Он стремился поскорее стать самостоятельным, зарабатывать себе на жизнь. Научная карьера едва ли была реальной целью, так как присвоение звания доцента, необходимого для преподавательской деятельности, как правило, становилось возможным лишь спустя три года после защиты диссертации. Все попытки получить место домашнего учителя, несмотря на прекрасные рекомендации, также были безуспешными.

Тогда отец снова протянул сыну руку помощи. Он готов был пожертвовать всеми сбережениями ради того, чтобы сын достиг заветной цели. Зная о его затаенной мечте поближе познакомиться со Средиземным морем, а также с центрами античного искусства, он сделал для него возможным первое многолетнее научное путешествие. Барт не искал легкой жизни и деньги отца решил потратить с пользой для науки. Он мечтал о научных исследованиях, а это требовало основательной подготовки. В конце января Барт отправился в Лондон и в течение двух месяцев овладел письменным и разговорным арабским языком. Кроме того, он сумел воспользоваться своим пребыванием в Лондоне, чтобы ознакомиться с сокровищами его музеев и завязать знакомство с английскими консулами, аккредитованными в странах Средиземноморья, чья поддержка могла быть для него весьма полезной.

Важное значение имел тот факт, что прусский посланник фон Бунзен (1791–1860) обратил внимание на одаренного молодого ученого. Бунзену, превосходному знатоку античности, суждено было стать влиятельным покровителем Барта.

Из Лондона Барт направился в Париж, а затем на юг Франции и в Испанию. 7 августа 1845 года началось наконец путешествие к Средиземному морю. Он пересек Гибралтар и достиг марокканского порта Танжер, впервые ступив на африканскую землю. Однако проникнуть в глубь страны на этот раз ему не удалось из-за происходивших тогда военных действий^[2]. Барт поспешно покинул страну и 29 августа отправился в Алжир. Он почти три недели прожил в относительно «безопасном» районе. Это предприятие стоило денег. И теперь ему было особенно трудно, так как еще в мае 1842 года отец потерял значительную часть состояния из-за большого пожара в Гамбурге, к тому же снизились прибыли от торговли. Но, несмотря ни на что, ему удалось покрыть расходы сына. Барт в полной мере оценил эту жертву и был за нее очень благодарен отцу.

Обстоятельное исследование культурно-исторического прошлого он смог впервые произвести в Тунисе. Барт изучал руины, храмы и архитектурные памятники на территории древнего Карфагена. После кратковременного пребывания на острове Мальта в январе 1846 года он возвратился в Тунис, однако 5 марта с тяжелым сердцем покинул эту страну, пересек Киренаику, славившуюся своей живописностью, и продолжил путешествие вдоль Средиземного моря по направлению к Египту. Вблизи расположенного на побережье Мармарики портового города Тобрук 7 июня 1846 года Барта постигло несчастье: преследовавшие его в течение двух дней бедуины напали на него и ограбили. Он лишился большей части имущества, но самое обидное — зарисовок и записей. Кроме того, был

дважды ранен в стычке. «Дальнейшее продвижение, — пишет об этом Барт в своих путевых заметках, — больше походило на бегство человека, стремящегося во что бы то ни стало оправдать цель своего путешествия, чем на научную экспедицию, во время которой принято обращать внимание на все детали, которые тебя окружают». Днем Барт был вынужден зачастую прятаться, и лишь с наступлением ночи ему удавалось продолжать путь. Ему было тяжело передвигаться из-за полученного ранения, и нередко его стоянки затягивались. Порой Барт становился таким беспомощным, что даже был не в состоянии писать свой путевой дневник. Поэтому записи, относящиеся к этому периоду, весьма скудны.

Мобилизовав остаток сил, он пробивается к Александрии и прибывает туда вечером 17 июня. Этим событием Барт заканчивает описание своего путешествия по Средиземноморью.

Залечив раны и отдохнув, он осенью продолжает путешествие. Поднявшись по Нилу, Барт высаживается близ Асуана и отправляется через пустыню к Красному морю, чтобы разыскать античные развалины Береники. 10 декабря Барт через порт Кусейр вернулся в Каир. Он охотно задержался бы здесь, однако вскоре понял, что не в состоянии охватить все. На берегах Нила было еще много древних памятников, да и сама река представляла для него немалый интерес. Однако ему все же удалось повидать самое значительное, а с остальным предстояло познакомиться лишь по книгам.

Из Каира его путь лежал через пустыни и полупустыни Синайского полуострова в Газу, где он остановился на месяц, чтобы продолжить изучение арабского языка. Далее Барт двинулся в глубь территории Палестины, посетил Дамаск, а также Баальбек с его величественными архитектурными памятниками времен Римской империи. Несмотря на то

что ему удалось сделать интересные научные разработки, его угнетала мысль о будущем, которое рисовалось ему весьма неопределенным. Барту необходима была должность, которая гарантировала бы наконец финансовую самостоятельность. В своих потребностях он был весьма скромнен и нетребователен, особенно после путешествия, во время которого привык во всем себе отказывать. «Что касается меня, то для моего благополучия требуется самая малость. Я сам себе могу испечь хлеб, сварить рис, а спать в поле, на камнях или на земле приятнее, чем под мягким пуховым одеялом».

Большие надежды относительно своего будущего он возлагал на члена гамбургского сената Карла Зивекинга, знакомого отца. Он регулярно посылал ему письма, в которых делился своими путевыми впечатлениями и умело привязывал к этим описаниям информацию, которая, как ему казалось, могла представить интерес для ганзейских деловых кругов. И наконец, 9 июля 1846 года он предложил учредить в Триполи торговую контору, так как оттуда возможно прямое сообщение с Суданом. Он советовал Зивекингу, какие лучше всего создавать предприятия, чтобы получать наибольшую прибыль от них, и предостерегал от рискованных дел. Так, он считал, что Бенгази для ганзейских городов не столь важен, поскольку торговля с ним ограничилась бы незначительным кругом товаров. Изучая на месте положение дел, он старался нарисовать объективную картину. «Древняя цветущая Киренаика, — писал он, например, — находится в настоящее время в ужасающем состоянии: население, насчитывающее не более 20 тыс. семей, почти вымирает от голода в этой плодородной стране... Правительство высосало из населения все соки». Возможно, ганзейцам не нравилась такая «внушающая подозрения» позиция. Как бы то ни было, Зивекинг ничего не сделал для своего земляка.

К концу 1846 года Барт собрался с духом и написал откровенное письмо: «Сын Гамбурга, я повидал много стран и городов, наблюдал жизнь не одного народа, их обычаи, однако все больше проникался любовью к своему родному городу. Я предпринял это трудное и длительное путешествие единственно из интереса к Великому и Прекрасному, и оно стало возможным только благодаря материальной поддержке безмерно любящего меня отца, жертвовавшего своими интересами ради осуществления моих планов. Не могу сказать, что мне уже удалось сделать и что мне еще удастся, но наверняка знаю, что могу принести пользу родному городу, и готов послужить ему верой и правдой. Если мне по возвращении будет предоставлено место, которое даст возможность, сохранив независимость, совершенствоваться в своих знаниях и завершить начатое на избранном поприще, то я все силы отдам Гамбургу — других желаний у меня нет. Но если меня думают водить за нос, ограничиваясь пустыми обещаниями, я буду вынужден проститься с родным городом и просить права гражданства в другой стране, где смогу с божьей помощью сделать почетную карьеру».

Ответ Зивекинга был однозначным — облеченный в любезную форму отказ. Барту советовали ехать в Берлин, который после ввода в действие железной дороги был отдален от Гамбурга лишь на расстояние восьми часов езды. Этот намек на новую железную дорогу был малоутешителен для не имевшего постоянной работы и ясных перспектив на будущее Генриха Барта.

В конце марта 1847 года он двинулся дальше — в Бейрут. Целью его путешествия теперь были древне-финикийские города. После Кипра он посетил расположенные на южном побережье Малой Азии Ликию и Памфилию. В Эгейском море он остановился на Родосе,

а оттуда направился в турецкий порт Смирну (Измир), где его на несколько недель приковал к постели приступ малярии. И только в начале сентября Барт смог продолжить путешествие. Он побывал в Лидии, которая вызвала у него особенный интерес из-за своей посреднической роли между древним Востоком и Грецией, а затем в районе Трои, в античной горной местности Мизии и бывшей римской провинции Вифинии, после чего прибыл в Стамбул. Барт стремился еще многое осмотреть «на финише». «Я все же хочу увидеть Афины, — писал он родителям. — Коринф и Аргос, Спарту и Дельфы на вершине Парнаса и Олимпию на реке Алфиос, а затем домой — на праздник рождества! Какая же это будет радость! А вы должны поставить мне на стол три елочки с маленькими восковыми свечами: одну — за этот год и две — за последние два года, прожитые без свечей и елок».

Он вернулся домой 27 декабря 1847 года с некоторым опозданием: рождественские праздники уже, к сожалению, прошли. Путешествие, длившееся почти три года и стоившее ему не менее 14 тысяч талеров, увенчалось успехом. Барт приобрел значительные познания в археологии, истории, этнографии и филологии, а по основной своей теме — античные торговые связи и средства сообщения — смог собрать много важных сведений. Кроме того, Барт окреп физически и духовно, заметно возросла его уверенность в своих силах, он наконец приобрел самостоятельность. Во время путешествия он выработал свой метод сбора материала, которого придерживался впоследствии. Передвигаясь верхом на лошади, на верблюде или покрывая расстояния пешком, он записывал в свой дневник все, что ему казалось важным, как, например, названия местностей; характер почв, длину пути, величину долин, рек, высоту гор, размеры развалин и т. д. А затем каждый вечер увязывал эти краткие

заметки между собой. Как только выдавалась свободная минута, он приступал к обобщению и систематическому описанию материала. Таким образом, дневник стал точным «меморандумом» всего увиденного им. К этому можно добавить подробные зарисовки и иногда, правда относительно редкие из-за требующего немалого времени и подготовки, дагерротипы, так что в общей сложности у него собралось достаточно материала, чтобы точно и наглядно описать весь маршрут путешествия.

Несбывшиеся надежды

По возвращении Барт надеялся на научно-педагогическую деятельность в Берлине. Однако Август Бёк в письме попытался отговорить его от этого: «При большом наплыве желающих получить доцентуру факультет в редких случаях относится благожелательно к новым кандидатурам; но у меня нет никаких сомнений, что у Вас в этом деле не будет затруднений, хотя Вам придется представить в рукописном или печатном виде еще одну публикацию по специальности, так как для получения доцентуры ссылка на диссертацию недостаточна. Я не хочу советовать Вам отказаться от Вашего намерения, но считаю своим долгом обратить Ваше внимание на тернии, встречающиеся на этом пути. При существующей ныне как в Пруссии, так и во всей Германии ситуации трудно сделать научную карьеру, для этого надо обладать колоссальным упорством и умением терпеливо ждать. Насколько счастливым было по сравнению с теперешним время моей молодости! Тогда искали профессоров для должности, сейчас ищут должность для профессоров (sic!), и только тот может рассчитывать на успех, кому ищет место влиятельное лицо. Не надейтесь поэтому, что хлопоты будут легкими и приятными. Подумайте прежде всего над тем, что хотя преподавание специальных дисциплин и было бы для Вас неплохим началом, однако ради успеха в будущем Вам не стоит на этом останавливаться, а лучше перейти к чтению лекций на общие темы... К сожалению, влияние двора на замещение должностей в университете довольно велико».

В этом письме Бёк дает понять, что является не только представителем нового в науке. В свое время он мужественно выступал в защиту уволенной из

университета «гёттингенской семерки», возражал против «Карлсбадских постановлений»^[3], оказав решительное сопротивление попечительству над наукой, учрежденному феодально-бюрократическим государством. И в политических вопросах он разделял точку зрения мелкобуржуазно-демократической оппозиции.

Разногласия между буржуазией и феодальной властью в 40-х годах обострились, так как последняя сопротивлялась стремлению экономически окрепшей буржуазии к политической власти. Выражением социально-экономического развития было возрастание революционного движения, созрела революционная ситуация, при которой весть о февральской революции во Франции подействовала словно искра в пороховой бочке. Барт, однако, полностью ушел в науку, был далек от политики и практически изолирован от общественных событий. Так что на него не оказали никакого влияния ни благожелательные предупреждения его покровителя, ни революционные события^[4].

Попытки прежних сокурсников Барта по университету Теодора Моммзена (1817–1884) и Юлиуса Фридлендера (1813–1854) привлечь его к участию в демократическом движении остались безуспешны. В то время Барт был слишком занят своими личными делами, в том числе попыткой создать семью. Отказ, полученный им от своей избранницы, сделал его еще более замкнутым и менее уверенным в себе. Он старался целиком уйти в научную работу, начав усиленно готовиться к получению звания доцента. Представив двухтомную рукопись готовившихся к публикации путевых заметок, он добился права участвовать в конкурсе на замещение должности. По теме его пробной лекции о торговых отношениях Карфагена с эллинами был организован коллоквиум под руководством Бёка и Риттера, которые представили свои заключения о

присвоении ему звания доцента. Классическое образование Барта, вне всякого сомнения, намного превосходило таковое у большинства его предшественников — специалистов по Средиземноморскому региону, и поэтому он более чем кто-либо из них в состоянии был прокомментировать и сравнить явления современности и средневековья с карфагено-пуническим периодом, с эпохой господства рода Барка, а также с эпохой Птолемеев, равно как с римским и византийским периодами истории. Он не только был знаком с греческим и латинским языками и литературой того времени, но и достаточно хорошо владел арабским языком и его местными диалектами, которые можно было изучить лишь при условии довольно длительного пребывания в арабоязычных странах. В Италии и Испании Барт приобрел глубокие знания в области искусства, основательно исследовав памятники, а также изучив стили каменных сооружений и орнаментов, созданных различными народами древней и последующих эпох.

По мнению Бёка, Барт заслужил признание не в области топографии, которую он считал «наименее научной в географической науке», а прежде всего своим умением увязывать локальные наблюдения с историческими явлениями как в единичных случаях, так и в плане общей культуры и цивилизации «не только древней, греческой, римской и варварской, но и всех последующих цивилизаций». «Автор, — продолжает Бёк, — тем самым предстает как ученый, который благодаря своему широкому кругозору в состоянии оказать благоприятное влияние на молодое поколение как преподаватель истории и географии».

В конце октября 1848 года Генрих Барт получил звание приват-доцента «географии и древней истории» при Берлинском университете. Он обратился к декану с просьбой не ограничивать его доцентуру историей и

географией древности, а позволить ему преподавать общую географию.

Барт поселился в Берлине в отдельной квартире на Луизенштрассе, 22. Для начала он считал необходимым установить тесный контакт со своими коллегами по работе, особенно с Бёком и Риттером. Археологическое и Географическое общества в Берлине приняли его в ряды своих членов, и он прочитал ряд лекций, в которых поделился впечатлениями, полученными во время путешествий.

В этот период Барт занялся прежде всего подготовкой публикации своей первой книги «Путешествия по странам Средиземноморья, имевшие место в 1845, 1846 и 1847 гг.»^[5]. Главной целью работы было описать страны данного региона в топографическом и этнографическом отношении, с тем чтобы наглядно «показать, что прошлое этих стран тесно связано с их традиционными особенностями».

Первый и единственный том появился в июне 1849 года. Работа отличалась большой информативностью, точностью в передаче деталей и достоверностью, за что и получила высокую оценку специалистов, однако для широкого круга читателей она не представляла интереса из-за утомительного многословия в описании частных деталей, хотя в противоположность последующим творениям Барта была лишена пространных рассуждений и отступлений. В дополнение к этому тому был издан ряд публицистических произведений Барта вместо предусмотренного ранее второго и последующих томов.

Дебют Барта в качестве доцента был неудачным. Его лекция по случаю вступления в должность называлась «О значении плаваний вокруг Африки для древней географии». На зимний семестр 1848/49 года он объявил следующие темы: древняя география, география Северной Африки, древняя этнография и хронология

(учение о распространении организмов), этнография и хронология и древней Италии. Возможно, в то время интерес к географии — науке молодой — был и без того невелик, да еще сам Барт отпугивал слушателей своим малоувлекательным, сухим изложением материала. Вскоре он понял, что вынужден отказаться от преподавательской деятельности.

Все эти неудачи угнетали Барта: будущее казалось ему весьма неопределенным.

Большая африканская экспедиция

Ученый, а не торговый агент

Выходом из затруднительного положения Барт оказался обязан Карлу Риттеру, своему заботливому учителю.

Прусский посланник в Лондоне Кристиан фон Бунзен, близкий знакомый Александра Гумбольдта, узнал, что по поручению британского правительства готовится экспедиция в Африку, в которой при известных условиях смогут участвовать и иностранцы. Он увидел в этом возможность способствовать включению в нее немецкого ученого и благодаря своим хорошим связям с Форин офис получил на то согласие. Август Петерман (1822–1878), астроном и картограф, работавший в Лондонской обсерватории, посоветовал Бунзену обратиться к Карлу Риттеру, лучше всех осведомленному об одаренных географах. Риттер не задумываясь назвал Генриха Барта, который, будучи ранее в Лондоне, произвел на Бунзена самое благоприятное впечатление. Посланник согласился с предложенной кандидатурой и доложил об этом намерении прусскому министру иностранных дел графу Шлайницу, а тот 6 ноября 1849 года обратился к министру по делам культов фон Ладенбергу, ходатайствуя о временном освобождении Барта от должности. При этом были упомянуты и опасения Барта, что многолетнее отсутствие может отрицательно сказаться на его научной карьере. В прошении, направленном Ладенбергу, Барт писал: «Я готов с радостью и уверенностью преодолевать все трудности и с большим энтузиазмом посвящу себя исследованию малоизвестных стран».

Так как ответ заставил себя ждать, Барт за два дня до предполагаемого отъезда в поспешно составленном

письме настойчиво напоминает: «Глубокоуважаемый г-н министр!.. В четверг утром, то есть не позже чем послезавтра, я должен отбыть отсюда, так как мне необходимо еще посетить Гамбург. Поэтому Ваше превосходительство безмерно меня осчастливит, если даст мне еще сегодня согласие на долгосрочный отпуск. Ваше превосходительство принесет предприятию огромную пользу, если добавит несколько слов о том, чтобы мне в качестве путешественника, преследующего исключительно научные цели, была оказана со стороны органов власти большая благосклонность, чем человеку, который появится перед ними просто с обыкновенным паспортом. Это было бы особенно важно для Парижа, где мне придется устанавливать деловые отношения в качестве английского путешественника».

За несколько часов до отправления министр удовлетворил просьбу Барта об отпуске и, чтобы его успокоить, дал ему в общих словах «дружеское заверение» в том, что после возвращения зачислит его на государственную службу.

Участие в экспедиции неожиданно предоставило Барту большие возможности и определило всю его дальнейшую судьбу.

Организованная по поручению британского правительства экспедиция в Африку, руководство которой было доверено Джеймсу Ричардсону, должна была служить колониальным устремлениям Великобритании, что не укрылось от глаз ученого и гуманиста Генриха Барта, который руководствовался совершенно иными соображениями. Поэтому конфликты были неизбежны.

С конца 40-х годов Великобритания заняла ведущее место в мировой экономике по промышленному производству. Так, уже к 1850 году около половины производства чугуна, добычи каменного угля и обработки хлопка в мире приходилось на британскую

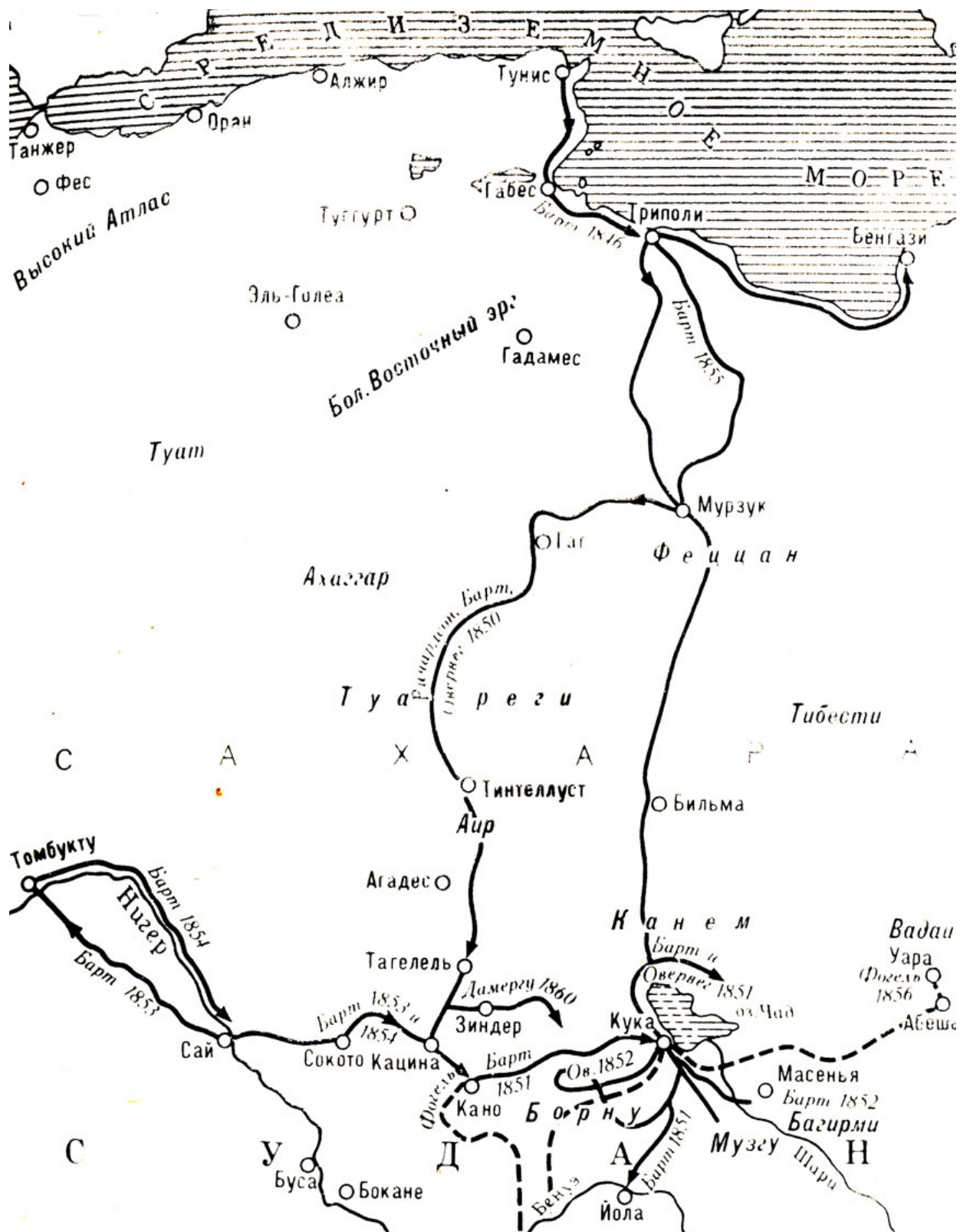
промышленность. Это привело к расширению внешней торговли, в которой Великобритания также заняла первое место. Оно обеспечивалось объемом экспорта продукции промышленности и импорта сырья и продуктов питания.

К середине XIX века Великобритании удалось пробить глубокие бреши в сферах влияния старых колониальных держав — Испании, Португалии и Голландии — и выйти на первое место в осуществлении колониальной политики. До 1800 года ее действия наряду с Другими методами характеризовались грабежом и разбоем, а решающее место занимала при этом работоторговля. Теперь промышленный подъем нуждался прежде всего в новых рынках сбыта и источниках сырья, требовал расширения океанического судоходства, а военный флот — баз во всем мире. Колониальные устремления первоначально были направлены на Азию. В Африке, где нельзя было рассчитывать на непосредственную выгоду, необходимо было прежде всего основать плацдарм, а с него уже предпринимать разведывательные походы в глубь континента. Таким целенаправленным исследованием некоторых районов Судана и поручили заняться возглавляемой Ричардсоном экспедиции. Поскольку существовала опасность вступить при этом в конфликт с французскими конкурентами ввиду того, что исходным пунктом экспедиции должна была быть Северная Африка, находившаяся тогда во французской сфере влияния, британский министр иностранных дел Пальмерстон считал необходимым участие французов в этом предприятии. Однако все усилия завербовать кого-нибудь в Париже остались безуспешными. Французское правительство проявляло мало рвения в предоставлении алиби предприятию, призванному ущемить его собственные колониальные интересы. Так как этот хитрый ход не достиг цели, Пальмерстон не возражал

против «интернационализации» и тем самым кажущейся «нейтрализации» предприятия при помощи участия в нем немцев; напротив, это вполне соответствовало его политике компромисса.

Слабая по сравнению со своими конкурентами, немецкая буржуазия не видела большой выгоды от колониальных завоеваний. Лишь с переходом к политике протекционизма в области пошлин и наконец после обнародования законов против социалистов^[6] колониальный вопрос в связи с возникшими экономическими и внутривнутриполитическими разногласиями стал существенным элементом германской внутренней и внешней политики, которая, чтобы не ударить лицом в грязь, велась с особой агрессивностью. Тогда немецкая буржуазия хорошо понимала, какую пользу можно приобрести от колониальной экспансии, если систематически заниматься географическим исследованием, поэтому выразила готовность предоставить необходимые для этого финансовые средства. Однако в начале 50-х годов дело обстояло совершенно иначе. Барт должен был еще быть доволен, что его «взяли с собой», хотя значительную часть расходов ему приходилось брать на себя. Финансовые тяготы поставили в конце концов под вопрос его участие в экспедиции.

Маршрут Большой Африканской экспедиции

5 октября 1849 года Карл Риттер сообщил ему, что у него есть шанс быть включенным в состав экспедиции. Как ни соответствовал Барт целям экспедиции (немалый опыт путешествий, солидная научная подготовка, знание как письменного, так и устного арабского языка), без денежного взноса в 200 фунтов стерлингов он не мог присоединиться к ней. Прусское правительство рассматривало это предприятие как «частное дело», которое должно финансироваться самим членом экспедиции. Против всякого ожидания отец Барта, до сих пор отличавшийся великодушием и щедростью, оказался несговорчивым. Раньше он не окупился на расходы, особенно когда дело касалось научной подготовки сына, однако раскошелиться ради английской африканской экспедиции — это уж слишком. К тому же его пугали связанные с таким путешествием опасности, и он сомневался (как покажет будущее, не без оснований), не явится ли длительное отсутствие сына помехой его научной карьере. Все попытки переубедить отца на этот раз остались безрезультатными, и Барт в конце концов вынужден был скрепя сердце отказаться от поездки. А правительство по-прежнему считало, что оно не в состоянии выплатить требуемые 200 фунтов. Итак, Географическое общество предложило вместо Барта геолога и астронома Адольфа Овервега (1822–1852). Однако английское правительство уже утвердило кандидатуру Барта. Поставленный перед фактом, отец изменил свое прежнее решение, и Бунзену удалось получить согласие на то, чтобы к экспедиции примкнул еще один немец. Таким образом, Генрих Барт и Адольф Овервег стали участниками Английской смешанной научной и торговой экспедиции.

Джеймс Ричардсон дважды — в 1845 и в 1846 годах — путешествовал из Триполи в Сахару, в оазисы Гадамес, Гат и Мурзук. Правда, научные результаты его

путешествий были крайне скудными. Для обширных научных изысканий у бывшего журналиста, который под влиянием религиозных кругов решил посвятить себя также миссионерской деятельности, не было достаточной научной подготовки, да и его личные интересы не отвечали таким целям. Ко всему прочему они не входили в круг его обязанностей.

Ричардсон предложил правительству новый маршрут, который он хотел дотянуть до Борну, чтобы изучить возможности для торговой политики Великобритании в Центральной Африке. Так уже в самом начале путешествия возникли два течения, преследующие принципиально разные цели. Руководитель экспедиции Джеймс Ричардсон представлял интересы Форин офис, на службе которой состоял, а Барт и Овервег отстаивали точку зрения исследователей и ученых. Это усугублялось разногласиями националистического характера, неизбежными в связи с «международным статусом» экспедиции. Барта решительно поддержали Карл Риттер и особенно Александр Гумбольдт, который с радостью откликнулся на просьбу Барта полечиться опытом и дал ему множество конкретных указаний в следующем письме: «Как мне с моим пристрастием к смелым решениям, с моим интересом к изучению таинственного мира Африки и при моем глубоком уважении к Вашим знаниям, Вашему опыту и к Вашей безграничной самоотверженности не радоваться! Одно дело — не найти оправдания тому, отчего то или иное не могло быть осуществлено, другое — судить о свободно принятом решении. Вы лишь в том случае возвысите значение экспедиции и прославите Германию, если разведаете расположенную восточнее озера Чад горную страну, раскроете взаимосвязь между этой горной цепью и землями Верхнего Нила и если мы благодаря Вам изучим населяющие эти места народности, а также

установим родственную близость языков отдаленных племен. Еще больший интерес, чем горные вершины, представляет местоположение пустыни, которая южнее Бискры, видимо, лежит ниже уровня моря... О барометре, вероятно, нечего и помышлять, но на всякий случай нужно приобрести аппарат, притом небьющийся, для определения температуры кипения. Он вовсе не должен указывать мельчайшие доли градуса по Фаренгейту. Без такого аппарата и нескольких термометров нельзя пускаться в странствие. Для определения географического местонахождения я все еще советую пользоваться секстантами, но ни в коем случае не теодолитами или гальваническим кругом^[7], при установке и коррекции показаний которых очень часто искажаются результаты. Наиважнейшее значение для Вашего исследования имеет искусственный горизонт с относящимся к нему уровнем. Следует употреблять черные стеклянные горизонты, а не ртутные аппараты, которые очень опасны во время путешествий. Неточные астрономические определения широт представляют для науки большую опасность, чем полное их отсутствие. Я с удовольствием усматриваю из Вашего письма, что Вас сопровождает геолог д-р Овервег. Я не осведомлен о том, какие средства правительство предоставило ему, в то время как оно всем отказывает в помощи. Очень надеюсь увидеть Вас перед Вашим отъездом.

С глубочайшим уважением

Ваш А. Ф. Гумбольдт»

Признание Барта выдающимся учёным несколько укрепило уверенность его в своих силах. Он преисполнился решимости отстаивать свою точку зрения на предстоящих переговорах в Лондоне. Чтобы защитить свои взгляды в спорах по вопросам субординации и обеспечить себе в научной работе

полную свободу действий, он не пожелал давать какие-либо обязательства при заключении договора.

В начале ноября 1845 года Барт и Овервег отправились в британскую столицу, где впервые встретились с Ричардсоном. Во время совместных совещаний они обсудили условия и цели экспедиции, уточнили права и обязанности каждого из ее участников. Барт последовательно изложил научные цели, которых он хотел достичь в этой экспедиции, и, наконец, потребовал, «чтобы были исследованы глубинные районы континента и чтобы этому было отведено значительно больше внимания, чем торговым союзам с вождями племен».

Договор, заключенный 30 ноября, определил правовое положение немецких участников экспедиции. Формально они были подчинены Ричардсону. В основу маршрута путешествия (до озера Чад) лег план Ричардсона, обещавшего по ходу дела советоваться с Бартом и Овервегом. По достижении Ричардсоном озера Чад предусматривалось возвращение его к Средиземному морю.

В случае, если Барт и Овервег решат продолжить экспедицию, Ричардсон должен был через вице-консула в Мурзуке получить для них задаток в 200 фунтов стерлингов. Далее, они имели право на дополнительные 200 фунтов от английского консула в Занзибаре или в Каире. Ричардсону было дано указание помогать Барту и Овервегу в их научной работе. О том, какое значение британское правительство придавало экспедиции, говорит инструкция, которую дал министр иностранных дел Пальмерстон Ричардсону: «Милостивый государь! Я уполномочен Вас уведомить... что, после того как Вы выразили желание предпринять повторное, более обширное путешествие в ту же часть Африки, правительство Ее величества решило одобрить это предприятие и предоставить Вам средства.

Мы сообщаем Вам, что правительство Его величества короля Пруссии предложило британскому правительству включить в Вашу африканскую экспедицию в качестве сопровождающих лиц г-на д-ра Барта, превосходного путешественника по Африке, доцента Берлинского университета, а также г-на д-ра Овервега, геолога и члена Берлинского географического общества, и что наше правительство с радостью приняло это прекрасное предложение, так как оно рассматривает участие этих выдающихся и замечательных мужей как важное преимущество в обеспечении исследований, возложенных на экспедицию.

Ваш опыт, приобретенный в прежних путешествиях в глубь Африки, и Ваше знание обычаев и нравов африканских арабов во многом облегчат Вам предстоящую поездку и явятся путеводной звездой в Ваших исследованиях. Страны, которые Вам предстоит посетить, настолько мало изучены европейцами, что любое их исследование представит интерес и окажется полезным.

Однако наряду с политическими и научными целями, на которые Вам следует обратить внимание, правительство высказывает пожелание узнать от Вас, какими средствами можно будет развить и расширить торговые отношения между Великобританией и Африкой, а именно: назовите районы, пути сообщения между наиболее пригодными для торговли пунктами, европейские товары, пользующиеся наибольшим спросом у местного населения, и, наконец, важнейшие африканские товары, которые можно приобрести по прямому обмену.

Вы не должны упускать ни одного удобного случая для разъяснения племенным вождям тех земель, которые посетите, больших преимуществ для них и для их государств от узаконенной торговли с нациями других частей света. Сообщите им также, что

правительство Ее величества приложит все усилия, чтобы положить конец работорговле, а также изыщет пути для процветания и поднятия всеобщего блага африканских народов.

Хотя на Вас и возложено общее руководство экспедицией, Ваш долг, который, очевидно, не расходится с Вашим личным желанием, поддерживать самые искренние и сердечные отношения с господами из Пруссии, удовлетворять их просьбы и учитывать их предложения, могущие принести пользу общему делу. Прошу Вас, как только позволят обстоятельства, поддерживать связь с королевскими консульскими агентами в Африке, а они, в свою очередь, уведомлены о том, чтобы оказывать Вам всевозможное содействие при исполнении возложенных на Вас заданий и при необходимости прийти Вам и Вашим спутникам на помощь».

Заманчивый трофей

Несмотря на то что со времен древности на Африканский континент было предпринято не одно путешествие, Африка южнее Сахары вплоть до конца XVIII века в значительной степени оставалась Terra incognita. Ранние исследователи ограничивались севером континента или едва выходили за пределы прибрежных областей. Некоторые сведения о землях, лежащих к югу от Сахары, содержались в военных сводках египтян, а также в описаниях карфагенян, греков и римлян. Хотя в период средневековья между государствами Средиземноморья и существовали торговые отношения, мусульманские государства старались удерживать свою монополию на торговлю с землями, расположенными к югу от побережья, так что для европейцев путь в глубь континента по экономическим и религиозным причинам был закрыт.

Европа узнала о них впервые от еврейских купцов. В XIV веке на Мальорке возникла знаменитая картографическая школа. Усовершенствованный Абрамом Крескесом атлас, хотя и включал в себя немало весьма сомнительных данных, впервые содержал информацию о континенте, которая была уточнена и расширена сообщениями арабских историков и географов, а также магрибинских коммерсантов. В середине XIV столетия Ибн Баттута (1304–1377) посетил земли, входившие в Малийское государство, а марокканец Лев Африканский (1492–1550) составил в 1526 году на основании своих путешествий по Судану «Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть». Сообщения арабских путешественников начиная с XVI века дополнялись сочинениями местных авторов — современников описываемых событий.

Особую ценность представляли суданские хроники, такие, как «Тарих ас-Судан» и «Тарих аль-Фетташ». Правда, эти произведения, написанные по-арабски, оставались в Европе неизвестными. Заслуга открытия для европейцев выдающегося труда «Тарих ас-Судан» принадлежит Генриху Барту.

Во времена Великих географических открытий знания о Черном континенте были расширены весьма незначительно. Европейские морские державы предпочитали отправлять своих исследователей и первооткрывателей в Америку и в Азию, где им мерещилась богатая добыча.

Африканские земли, куда устремились европейские корабли, были объектами не столько научных исследований, сколько грабежа. Путь колониальной экспансии открыли в XV веке португальцы. Генрих Мореплаватель (1394–1460), начиная с 1416 года, отправлял корабли к западному побережью Африки, где по его приказу были созданы опорные пункты. Васко да Гама (1469–1524) в поисках морского пути в Индию обнаружил торговые центры на восточноафриканском побережье, после чего там была создана сеть торговых опорных пунктов и морских баз.

Португалии, однако, не суждено было долго оставаться единственной страной, извлекающей выгоду из колониального грабежа. В Испании, Голландии и Англии общественные силы, связанные с ранним этапом капиталистического производства, также стремились к колониальной экспансии; приморское положение этих стран было ничуть не менее выигрышным, чем положение их португальского конкурента.

Англия и Голландия не просто добились передела колониальных сфер влияния: они создали также новые формы и методы колониальной политики. В отличие от позднефеодальной и раннебуржуазной португальско-испанской колонизации здесь наряду с неэквивалентной

торговлей вышли на первый план хищническая добыча сырья и борьба за рынки сбыта для развивающихся мануфактур. Поначалу, однако, не ставилась цель территориального раздела и образования замкнутых колониальных владений. Для этого необходимо было создать предпосылки, среди которых не последняя роль отводилась географической разведке внутриафриканских территорий. Таким образом, между географическим исследованием и дальнейшим освоением Африканского континента и колониальной экспансией на этот континент существовала взаимосвязь.

Когда Англия с завоеванием независимости Соединенными Штатами Америки лишилась в 1783 году одной из богатейших своих колоний, британские торгово-промышленные круги стали искать в Африке необходимую им компенсацию. По инициативе естествоиспытателя Джозефа Банкаса (1743–1820), сопровождавшего Джеймса Кука (1728–1779) в его первом кругосветном путешествии, при поддержке этих кругов 9 июня 1788 года в Лондоне было основано Общество содействия открытию внутренних областей Африки, с деятельности которого началось планомерное освоение Африки. «В то время как круг наших знаний по Азии и Америке, — говорится в учредительном документе, — постепенно расширяется, исследование Африки продвинулось вперед лишь в отдельных областях... Карта глубинных районов континента представляет собой обширное белое пятно, куда географ, опираясь на авторитет Льва Африканского и... Идриси, неуверенной рукой вносит отдельные названия неисследованных рек и неизвестных народностей».

Учрежденное Общество сразу же дало понять, что оно не будет служить исключительно научным целям и, более того, что оно создано прежде всего в интересах развивающейся торгово-промышленной буржуазии: «Из

всех преимуществ, которые удастся извлечь в результате лучшего ознакомления с глубинными районами Африканского континента, главными являются расширение торговли и развитие британской промышленности».

Снаряжавшиеся в Африку экспедиции в первую очередь должны были завязывать торговые отношения, искать торговые пути, особенно по судоходным рекам, и сообщать о политических и социальных условиях в землях, подлежащих покорению. Еще до Барта по поручению Африканского общества в Африку было послано несколько ученых из разных стран, например немецкий исследователь Сахары Конрад Хорнеман (1772–1801), родом из Хильдесхайма, получивший в 1796 году задание выяснить, действительно ли реки Нил и Нигер связаны между собой. Впервые в истории Хорнеман пересек Сахару и Судан. В 1806 году Общество послало в Африку швейцарца Иоганна Людвиг Буркхардта (1784–1817), чтобы завершить начатое Хорнеманом дело. Так что не было ничего необычного в том, что участниками английской экспедиции стали немцы Генрих Барт и Адольф Овервег.

До 60-х годов XIX века африканские экспедиции были в основном лишь одиночными мероприятиями, преследующими конкретные цели. С 1800 по 1820 год туда стали снаряжать по две весьма скромные экспедиции ежегодно. Их число возросло с 1821 по 1830 год до восьми, однако с 1831 по 1840 год снизилось до трех. Далее исследовательская деятельность расширялась: с 1851 по 1860 год — 27 экспедиций, с 1861 по 1870 год — 29 — и приобрела широкий размах в связи с разделом мира между империалистическими странами: до 47 экспедиций с 1871 по 1880 год и 84 — с 1881 по 1890 год.

Наряду с данными, служившими чисто колониальным интересам, эти экспедиции благодаря

путешественникам-ученым добывали сажные географические и историко-этнографические сведения. Их деятельность была особенно плодотворной в тех случаях, когда ученые, подобно Барту, сопротивлялись опеке своих хозяев и, охваченные истинным исследовательским пылом, самоотверженно трудились на благо науки. Изучая историю народов, населяющих земли южнее Сахары, они находили выдающиеся, самобытные историко-культурные произведения, на основании которых можно было доказать несостоятельность расистских теорий апологетов колониализма. Неудивительно поэтому, что результаты исследований этих первооткрывателей Африки игнорировались и отрицались, так же как и само экономическое, политическое и культурное развитие африканских народов. Так, район южнее Сахары, несмотря на то что в его изучении были достигнуты значительные успехи, и далее оставался «темным, лишенным истории континентом». Разные варианты фальсификации продолжают существовать и поныне, питая реакционные, расистские теории.

Итак, до середины XIX века исследование Сахары продвигалось очень медленно. Безлюдная пустыня не сулила никаких богатств, так что отсутствовал главный стимул оснащать туда экспедиции. Первые путешествия европейцев — например, французского коммерсанта д'Изгье, добравшегося в начале XV века до Нигера, или португальца Антонио Мальфанте, достигшего в 1447 году оазиса Туат, — долго оставались неизвестными.

Сообщения португальцев никого не вдохновляли на новые предприятия. А таковыми были, например, сведения Альвизе да Мосто, который, путешествуя вдоль побережий, убедился, что Сахара не что иное, как бесконечная, покрытая белым песком равнина. Это подтвердил и голландский мореплаватель Якоб Ле Мер (1585–1616). Первые путешественники, пытавшиеся

проникнуть в пустыню, не опровергали это ложное представление, и о многообразии ландшафтов Сахары (а лишь седьмая часть ее территории покрыта песком) никто тогда не имел представления.

При исследовании глубинных районов Африки предпочтение отдавалось прежде всего рекам как будущим водным магистралям. Таким образом, начало изучения Сахары было тесно связано с проблемой Нигера. Шотландский врач Мунго Парк (1771-1806) предпринял первую серьезную попытку решить этот вопрос. Он достиг Нигера от устья Гамбии и тем самым доказал, что тот течет в восточном направлении и не имеет никакой связи ни с Гамбией, ни с рекой Сенегал. Хорнеман, который хотел добраться до Нигера из Египта, умер, не достигнув цели. В 1830 году благодаря исследованиям Хью Клаппертона (1788-1827), Уолтера Аудни (умер в 1824 году) и Диксона Денэма (1786-1828) направление течения Нигера было определено.

В том же году Франция вторглась в Алжир и продолжала расширять свои колониальные завоевания, продвигаясь все дальше на юг. Это и побудило английского конкурента снарядить экспедицию во главе с Ричардсоном, чтобы активизировать свои до тех пор скромные и безуспешные попытки разведать Сахару. Все, что было до этого времени достигнуто в области исследования Сахары, явилось лишь частичным результатом других предприятий или ограничивалось информацией, собранной при пересечении пустыни отдельными лицами. Систематическое научное исследование территории Сахары началось третьей экспедицией Ричардсона, в которой участвовал Барт, и растянулось до 1960 года. В 1958-1960 годах Теодор Моно открыл последний неисследованный район на юге Западной Сахары.

В настоящее время изучение Сахары носит уже другой характер. Его цель: разведка нефти и других

полезных ископаемых. Когда в 1889 году британское и французское правительства поделили между собой Сахару, британский премьер-министр язвительно заметил: «Мы, не скупясь, дали галльскому петуху песок. Пусть он копается в нем сколько душе угодно».

Принципиально новый взгляд на геологическую структуру Сахары впервые высказал молодой француз Конрад Килиан, подавшийся в пустыню в поисках сокровищ. Он писал своему правительству: «Совершенно очевидно, что Сахара хранит мощный слой разложившихся морских животных прошедших эпох, которые в течение времени должны были естественным путем превратиться в нефть». Однако приложенные им план и схемы для более подробного истолкования были встречены лишь снисходительной улыбкой.

Когда после второй мировой войны приступили к систематической геологической разведке Сахары, сообщения Килиана полностью подтвердились. Началось соперничество нефтяных концернов. 6 января 1956 года в Эджеле была найдена первая нефть. Сегодня Сахара относится к наиболее нефтеносным районам мира.

Историческая земля

Вся прежняя научная деятельность Барта, в том числе его диссертация, была подготовкой к достижению главной цели, которую он сам перед собой поставил: ступить на землю стран, которые в ходе своей полной превратностей истории с ее богатейшими традициями внесли выдающийся вклад в прогресс всего человечества, и исследовать эти страны. До этого Барт направлял свои усилия главным образом на изучение прибрежных областей Северной Африки. Отныне же он с величайшим интересом обратился к их прошлому. Поэтому краткое ознакомление с историей этой территории представляется нам весьма целесообразным.

К началу I тысячелетия до нашей эры вся торговля Средиземноморья сосредоточилась в руках финикийских городов, а около 800 года до нашей эры финикийцы основали в Тунисской бухте в качестве своей фактории рабовладельческий город-государство Карфаген. Они назвали ее Карт-хадшт (Новый город) — в противоположность более древним финикийским колониям на североафриканском побережье. Карфаген вырос в могущественную торговую и морскую державу на Западном Средиземноморье и с 700 года до нашей эры распространил свое господство над всеми финикийскими факториями в этом районе.

Внешняя торговля, которую Барт решил сделать предметом основательного изучения, являлась наряду с плантационным хозяйством важнейшей экономической базой Карфагена. Обширная торговля, включавшая прежде всего вывоз рабов, слонов и слоновой кости из Западной Африки, тканей и ковров из стран Передней Азии, золота и серебра из Испании, олова из Британии,

воска с Корсики, вина с Балеарских островов и Сицилии, способствовала освоению карфагенянами Средиземного моря и Атлантического океана, а также проникновению их в глубь Африканского континента. Замысел исследовать историю их торговых путей был Генриху Барту значительным стимулом для участия в дальнейших экспедициях.

Чтобы удержать монополию на торговлю в своих руках, карфагеняне стремились вытеснить греков из Западного Средиземноморья, развязав войну, которая шла с переменным успехом.

Рабовладельческий город-государство Карфаген превратился в центр мировой торговли древнего мира. Его завоевательная политика неизбежно должна была столкнуться с захватническими устремлениями Рима, для которого Сицилия также была желанной добычей. Так разгорелась 1-я Пуническая война (римляне называли карфагенян пунийцами), в ходе которой Карфаген потерял все сицилийские владения и вынужден был уплатить большую контрибуцию. Однако он все еще сохранял абсолютное превосходство в Западном Средиземноморье. В счет компенсации потерь Карфаген решил захватить внутренние районы юга Испании, славившиеся своими богатыми серебряными копями. По плану Ганнибала завоеванные земли должны были одновременно служить стратегическим плацдармом в войне реванша против Рима. Ганнибал форсировал в 218 году до нашей эры Пиренеи и после тяжелых потерь, понесенных в связи с переходом через Альпы, предпринял наступление на Италию. Однако и 2-я Пуническая война окончилась поражением. Карфаген лишился всех своих иноземных владений, вынужден был отдать римлянам военные корабли и уплатить большие репарации. Отныне Рим стал неоспоримым гегемоном в Средиземном море. Однако полностью уничтожить

Карфаген не удался, он все еще был опасным потенциальным соперником.

В то время как Рим после одержанной победы начал ориентироваться на Восток и, глубоко вторгаясь в эллинистические государства, подчинил своей власти Македонию и Грецию, Карфаген стремился укрепить свою экономику. Так как в сравнении с прошлым ведение экспансионистской политики уже не поглощало огромных сумм и государство могло сосредоточить свои возможности на инвестировании капитала в торговые предприятия, экономика страны, к великой досаде римских соперников, достигла наивысшего расцвета. Крупная и влиятельная партия римских всадников и нобилей требовала поэтому полного уничтожения нежелательного конкурента. Так, Катон Старший, по свидетельству Плутарха, неизменно заканчивал свои выступления в сенате словами: «Вообще, я придерживаюсь того мнения, что Карфаген должен быть разрушен».

Повод для войны вскоре был найден. Рим воспользовался сопротивлением Карфагена нападению нумидийского царя Масиниссы и под этим предлогом развязал 3-ю Пуническую войну (149–146 годы до нашей эры), окончившуюся полным разгромом Карфагена, ставшего отныне римской Провинцией Африки. Вскоре Нумидия и Мавритания также попали в зависимость от Рима, так что и они были в I веке до нашей эры присоединены со статусом провинций к мировой Римской империи.

Провинция Африка была важнейшей житницей империи. Здесь в I веке до нашей эры в качестве переходной стадии от рабства к феодализму сложилась система колоната. Колоны обрабатывали земли владельцев латифундий и обязаны были отдавать своим хозяевам значительную часть урожая. Трудом сотен тысяч рабов и свободных ремесленников создавались

водохранилища, плотины, акведуки и каналы для орошения земель. Были возведены также величественные храмы, построены дороги и сооружения культурного назначения, которым Барт во время своей последующей экспедиции уделял большое внимание.

Римские проконсулы жестоко подавляли восстания рабов и подвластных им племен, жаждущих освободиться от ненавистного им ига. В период распада Римской империи Африка была охвачена всеобщим восстанием ливийских племен и рабов, в результате чего были разгромлены владения римских патрициев, провозглашена свобода рабов и уничтожены все долговые обязательства.

В первой половине V века в Северную Африку вторглись вандалы, а столетие спустя — византийцы. Эти завоевания носили преходящий характер и в истории Северной Африки почти не оставили следов ни в этническом составе, ни в культуре коренного населения. Напротив, большое влияние оказали арабы, изгнавшие в VII веке византийских завоевателей. Ко времени арабской экспансии часть коренного берберского населения уже была вовлечена в процесс классовой дифференциации. Однако в большинстве своем племена кочевников Сахары, а также земледельческое население недоступных горных районов находились еще в самом начале общественной дифференциации. Продвижение арабов шло поэтапно. Сначала они ограничивались побережьем с целью обложить данью богатые византийские города. В 681 году они дошли до Атлантического океана, а к началу VIII века завоевание Северной Африки было завершено.

Осевшие в странах Магриба арабы смешались с коренным населением. Этот процесс усилился особенно с XI столетия, что привело к арабизации многочисленных берберских племен.

Арабы принесли с собой в Северную Африку ислам. Эта провозглашенная Мухаммедом ибн Абдаллахом (около 570–632 годов) религия в VII веке явилась предпосылкой для объединения племен Аравийского полуострова в раннефеодальное государство и создания централизованной власти. Отсюда волны завоевателей — приверженцев Мухаммеда, предприняв несколько военных походов, расширили границы своих владений, дойдя и до Северной Африки. Ислам, охарактеризованный Фридрихом Энгельсом как «религия, приспособленная для жителей Востока, в особенности для арабов, следовательно, с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и ремеслами, а с другой — для кочевников-бедуинов»^[8], очень быстро распространился среди племен берберов-кочевников, в культуре и общественной структуре которых имелось много общего с арабскими завоевателями, а затем он постепенно охватывал также широкие массы берберов-землевладельцев. Их общественная структура соответствовала общественным отношениям арабов-земледельцев йеменских нагорий, прибрежных районов Сирии, тюркского и курдского населения пограничных областей Турции и Ирана.

После арабского завоевания страны Магриба были подчинены халифату, простиравшемуся от границ Средней Азии до Пиренейского полуострова. Этому огромному конгломерату земель недоставало, однако, объективных предпосылок для обеспечения его прочности. Вследствие этой нестабильности партикуляризм местных феодалов, а также стремление к независимости и народные повстанческие движения угнетенных масс привели к возникновению независимых владений. Уже в VIII веке на территории сегодняшнего Алжира было основано хариджитское княжество Тахерт, возглавляемое имамом. Несколько позднее от халифата

отпали территории, соответствующие по площади примерно сегодняшнему Марокко.

Провозглашенное равенство всех мусульман оказалось фикцией. Попытка приспособить к изменившимся условиям доктрину ислама, усилив его ортодоксальность и догматизм, чтобы тем самым укрепить политическую власть, равным образом не была в состоянии преодолеть социальные противоречия, приведшие, в свою очередь, также к упадку феодальных княжеств. Ожесточенная борьба между Меринидами, Ваттасидами, Хафсидами и Абдалвадидами облегчила начиная с XIV века вторжение испанских, португальских и, наконец, османских завоевателей^[9]. Трехсотлетнее господство турецкой феодальной деспотии, опиравшейся на союз с местной феодальной и племенной знатью, привело к застою общественной и культурной жизни.

По мере возрастания непрекращавшегося внутреннего и внешнего упадка Османской империи в арабских провинциях усиливалась повстанческая борьба, рождалось движение за национальное самоопределение. Однако одновременно началась борьба между великими европейскими державами за то, кто овладеет наследием «больного человека на Босфоре».

В знойной Сахаре

11 декабря 1849 года Генрих Барт и Адольф Овервег ступили на африканскую землю, а четыре дня спустя прибыли в Тунис. Барт был счастлив оттого, что находится поблизости от древнего Карфагена и может каждый день совершать прогулки в его окрестности верхом на лошади. Он бы охотно задержался здесь, но вынужден был выехать в Триполи — отправной пункт экспедиции — и встретиться с Ричардсоном. Новогоднюю ночь Барт и Овервег провели в седлах. «Я никогда не забуду эту ночь, которой начался новый, 1850 год, принеший нам так много тяжких испытаний, которые мы благодаря нашему упорству в конце концов с честью выдержали», — вспоминает позднее Барт в своем дневнике. Было довольно холодно, а одежда, которую они взяли с собой, была недостаточно теплой, чтобы защитить их от стужи. Они впервые поняли, что в Африке можно страдать не только от жары, но и от холода. Поэтому они решили купить в Триполи теплые вещи. В полночь спутники сошли с лошадей и поздравили друг друга с Новым годом. Что он им принесет?

А пока Барт радовался, что нашел в Овервеге надежного товарища, который — он был уверен — поможет ему в предстоящей работе. Далее друзья направились вдоль побережья, и Барт мог не спеша осмотреть руины древних поселений. Когда они прибыли в Триполи, Ричардсона там еще не было. Уже тогда Барт не питал никаких иллюзий относительно предстоящего сотрудничества с ним, о чем свидетельствует письмо Шуберту, свояку, от 2 февраля 1850 года: «Материально ответственный руководитель нашей экспедиции мистер Ричардсон отличается, к сожалению, не самым

благородным характером, и по всему его поведению видно, что он не очень-то горит желанием способствовать успеху предприятия. Что же касается меня, то я буду стремиться к цели и поэтому приступаю к делу с... глубокой убежденностью в успехе. Поле деятельности, которое нам предстоит освоить, огромно, это совершенно новый мир, и его мы можем завоевать для науки и, возможно, для всего человечества».

Так как приборы и другое оборудование еще не прибыли, Барт и Овервег решили заняться обследованием окрестностей. Прежде всего они отправились на запад вдоль побережья, так как Барт надеялся обнаружить здесь новые античные памятники. Овервег предложил идти несколько южнее, и они, минуя область степей, вышли к горной цепи Гарьян.

Эту поездку ни в коей мере нельзя рассматривать как просто прогулку ради того, чтобы убить время, — она была предпринята с научной целью. Уже тогда наметилось оправдавшее себя впоследствии разделение обязанностей между исследователями, ставшее определяющим в их дальнейшем плодотворном сотрудничестве. В то время как Барт занялся вопросами исторической географии и филологией, Овервег посвятил себя преимущественно физической географии. Правда, во время этой экскурсии они не открыли новых земель, однако многое сделали для топографии и геологии Гарьянских гор. Друг Барта опровергал широко распространенное мнение, что Сахара — обширная равнина, лежащая ниже уровня моря.

По возвращении в Триполи их ждало приятное известие: прибыло долгожданное оборудование, однако подготовительные работы, связанные с началом похода, еще не закончились. Не было палаток, оружия, проводников. Укомплектование каравана оказалось весьма сложным делом, отнявшим много времени. Необходимо было взять с собой не только аппаратуру и

материалы для научных изысканий, но и многое другое: домашнюю утварь, провиант, резиновые емкости для воды, медикаменты, одежду, книги, предметы для обмена и подарки. Для перевозки походной поклажи только Барта и Овервега потребовалось восемь верблюдов.

Караван Ричардсона состоял из такого же числа верблюдов. Среди прочих вещей он захватил с собой и пронес через всю пустыню большую разборную лодку для предстоящего исследования озера Чад. Это «сооружение» повсюду привлекало к себе внимание жителей и вызывало их немалый интерес.

Ученым был придан помощник Мухаммед эль-Гатрони, опытный проводник караванов, ставший верным спутником Барта на протяжении целых пяти лет. Следуя его совету, участники экспедиции для облегчения контакта с коренным населением взяли себе арабские имена. Так, Барта, который благодаря превосходному знанию арабского языка и Корана вполне мог сойти за марабута, называли Абд эль-Керимом (что значит «слуга Всемиловитового»), Овервегу, отличавшемуся знаниями в области медицины и всегда готовому прийти на помощь, было присвоено имя Табиб («врач»), а Ричардсон выбрал себе библейское имя Якуб.

В конце концов все было готово: можно и отправляться. Чтобы избежать резкого перехода от уютной городской жизни к полной трудностей кочевой, Барт предложил провести сначала несколько дней в палаточном лагере за городом. Здесь караван оставался до 29 марта, а затем взял курс на Сахару. Пройдя небольшой отрезок пути, он остановился, чтобы дожидаться Ричардсона, и днем окончательного выступления экспедиции стало 5 апреля.

В начале пути ландшафт отличался разнообразием — оливковые рощи чередовались с полями, — однако довольно скоро путешественники

почувствовали близость пустыни. Ряд полуразрушенных временем и погодой придорожных столбов свидетельствовал о том, что здесь когда-то пролегла римская дорога в глубь континента. После утомительного перехода 7 апреля караван достиг оазиса Мизда — вероятно, очень древнего поселения, которое уже упоминалось в описаниях александрийского ученого Птолемея (около 90–160). Искусно проложенная оросительная система позволила здесь возделывать поля и выращивать финиковую пальму.

Несколько дней спустя экспедиция двинулась дальше. Земля вокруг становилась голой и каменной. Разыгравшаяся песчаная буря затрудняла передвижение и не позволяла как следует осмотреть встречавшиеся на пути руины — крепости и надгробия, которые красноречиво свидетельствовали о том, что в древности здесь отнюдь не была безжизненная пустыня. От вади к вади, преодолевая узкие перевалы и осыпи, экспедиция медленно шла вперед. 15 апреля была достигнута северная граница страшной Хамады эль-Хамры (Красной пустыни), которую старались обойти все караваны. Перед походом в эту раскаленную, безводную пустыню караван остановился у колодца в Табоне, чтобы пополнить запасы воды, и 17 апреля отправился дальше на ют, впервые ступив на еще не исследованную землю — в скалистую пустыню, которую обычно старались миновать другие караваны. Ученые экспедиции, невзирая на невыносимую жару, не прекращали работу. Овервег был неутомим и с увлечением проводил свои астрономические и геологические наблюдения, но Барту, стороннику строгой систематизации, привыкшему добросовестно и скрупулезно записывать малейшие детали, при всем его дружеском отношении к товарищу была не по душе «небрежность» Овервега, который почти не пользовался записными книжками и полностью полагался на свою

память. Это относилось даже к названиям местностей, так как он знал, что Барт их запишет более точно.

Необитаемая пустыня получила свое имя от покрытой красноватой галькой поверхности («хамра» — «красная»). Она простирается приблизительно на 240 километров к югу. Это расстояние экспедиция решила преодолеть за шесть дней — невероятно смелый план, если учесть, что температура воздуха к полудню достигала 60 градусов по Цельсию. Больше всего от жары страдал Ричардсон, и поэтому он приказал передвигаться только ночью. Ночи, однако, были холодными настолько, что осыпи покрывались изморозью.

22 апреля, после крайне изнурительного похода, путешественники подошли наконец к долгожданному колодцу Эль-Хасси. Самое страшное осталось позади: они вошли в зону, где им чаще будут встречаться оазисы.

Однако привал был коротким, ибо до Мурзук а — первой цели их путешествия, центра находившейся еще под господством турок области Феццан, — путь предстоял немалый. И, совершив утомительный, обессиливающий переход через крупные песчаные холмы, 5 мая экспедиция наконец вышла к плоскогорью близ Мурзука.

«Мы подошли к стенам города, — писал Барт, — постройки которого были возведены из особой, мерцающей от солевых вкраплений глины. Мы решили обойти город с запада и с севера, но не нашли там ворот, через которые можно было бы провести караван, и остановились на восточной его стороне». Английский консул в Мурзуке провел их в конце концов в город. Ричардсон был уже там: он прибыл днем раньше.

Мурзук тех времен — сборный пункт всех караванов, отправлявшихся с побережья Средиземного моря через Сахару. На облике города сказалось влияние

посреднической торговли. Если в других населенных пунктах, расположенных на караванных путях, торговлей занимались преимущественно местные купцы, которые вкладывали полученную прибыль в новые торговые предприятия, в Мурзуке были торговцы, прибывшие из разных мест и увозившие выручку за проданные товары к себе домой, так что из города постоянно выкачивались средства. При сравнительно немногочисленном населении (2800 человек) Мурзук занимал весьма обширную территорию. Климат — повышенная сухость воздуха, изнуряющая жара — был почти непригодным для жизни, так что не одна экспедиция, начало которой было многообещающим, находила здесь свой преждевременный конец.

Расположенные на краю города соляные копи, в которых испарялась несвежая вода, отравляли воздух. Помимо прочего Мурзук слыл настоящим местом ужасов, поскольку был перевалочным пунктом работорговли, доходами от которой жило почти две трети населения. У Барта здесь было мало возможности для научной работы, поэтому он с удовольствием отправился бы дальше, но без охраны не мог на это решиться. В качестве проводников здесь были пригодны лишь властелины пустыни — гордые и воинственные туареги, и переговоры с ними отняли очень много времени.

По совету Барта было решено в дальнейшем продвигаться в западном направлении, к Гатской возвышенности, а оттуда опять на юг, в центральную часть Судана. К счастью, видный и влиятельный представитель туарегской знати Мухаммед Боро согласился за соответствующее вознаграждение довести караван до плато Аир, где была его родина. С возмущением Барт наблюдал, с какой бесцеремонностью Ричардсон обошелся с самоуверенным сыном пустыни и как ради экономии средств договаривался с другим, уже пожилым туарегом, поставившим более скромные

требования. Поступок Ричардсона свидетельствовал о полном незнании нравов и характера этого гордого, свободолюбивого народа.

Пустыня отпугивала незваных пришельцев и не обещала особых богатств, поэтому туареги долго оставались хозяевами своей территории. Их жизнь изменчива, беспокойна и окутана многочисленными легендами. Процесс этногенеза туарегов длился не одно столетие, был очень сложен и явился результатом нескольких миграционных волн.

Хотя основной территорией их расселения является нагорье Ахаггар, было бы, однако, неверно рассматривать туарегов исключительно как жителей пустыни. Они обитают и к северу от стран хауса, а также на землях, примыкающих к среднему течению Нигера западнее Гао и в степях Судана.

В противоположность другим берберским народам туареги не смешивались с арабами. У них господствует жесткая система рангов. Верховный властелин — аменокал, он же — владыка всей земли и недр. Иерархическая лестница туарегов свидетельствует о весьма сложной феодальной системе зависимости, во главе которой стоят представители знати. Главное их занятие — война. Ни один караван, ни один оазис из-за них не были в безопасности. Следующую ступень занимали те, кто был занят производительным трудом, они обязаны были платить дань. На низшей ступени находились домашние рабы, то есть захваченные в плен во время военных походов. Они выполняли всю черную работу.

Совершенно необоснованно окружен тайной тагельму́ст — покрывало для лица у мужчин. О нем упоминалось уже в римских хрониках. Это часть традиционной мужской одежды, им пользуются прежде всего из практических соображений: для защиты лица от песка и от палящих лучей. Тагельму́ст на лицах

туарегов почти всегда оказывал зловещее психологическое воздействие на жертвы, которые становились более податливыми, а нападающие оставались неузнанными, что уменьшало угрозу им в случае возможных акций возмездия. Самое страшное для туарега — затронуть его честь. Такое не могло остаться без последствий, и, зная это, Барт опасался, как бы в пути на них не напали.

Нанятый Ричардсоном туарег Хатита-ат-Худен был родом из Гата, расположенного от Мурзука лишь на расстоянии 400 километров. Он ничего не знал о более отдаленных территориях, которые следовало пересечь, не говоря уж о том, что не умел поддерживать контакт с населением этих территорий. Ко всему прочему он сообщил, что ему потребуется по меньшей мере месяц, чтобы закончить подготовку к путешествию. В конце концов Ричардсон после долгих переговоров решил направить караван Хатиты сначала до Гата. Он не спешил, поскольку хотел присутствовать на торжествах, которые устраивал турецкий наместник Мурзука в честь представителя британской короны. А Барт и Овервег решили отправиться в путь с головным отрядом.

Днем они совершали утомительные переходы по раскаленной солнцем каменистой пустыне, а по ночам занимались научной работой. В пути Барт вел постоянные наблюдения: определял маршрут, регистрировал высоту солнца и состояние воздуха. Овервег в соответствии с договоренностью производил геологические и астрономические изыскания. Ночью же они систематизировали материал, делали наброски дальнейшего маршрута и подготавливали программу на следующий День. Невзирая на постоянные напоминания, Овервег, к большому огорчению Барта, упорно не желал ничего записывать, полностью полагаясь на свою память. Для Барта же дневник был и главным орудием труда, и памятью. Сюда с прямо-таки протокольной

точностью он заносил все беседы, наблюдения, вопросы и ответы. Поэтому уже из Мурзука Барт смог отослать британскому поверенному в делах в Триполи немалый материал. Дневник был не только памятью Барта, но и его постоянным собеседником. Не углубляясь в субъективные проблемы и не выдвигая на первый план своего «я» и личной деятельности, он поверял дневнику сокровенные мысли и настроения. Эти размышления никогда не ограничивались кругом собственных забот, а были лишь средством самоконтроля, источником новых сил.

В поисках подходящего места для лагеря Барт сделал значительное культурно-историческое открытие. Он не поверил глазам своим, когда увидел созданное рукой художника тысячелетнее наскальное изображение стада крупного рогатого скота и даже группы пловцов. Сегодня в горах Центральной Сахары найдено большое число прекрасных наскальных и пещерных изображений, свидетельствующих о древней высокоразвитой культуре Африки. Для Барта же и его спутника они были откровениями, приподнявшими завесу над историей Сахары. Изображения, сделанные между 9000 и 3000 годом до нашей эры! Они были различной величины (от нескольких сантиметров до 8 метров) и достоверно отображали прошлое: флору и фауну тех времен, образ жизни людей и даже климатические условия. Впервые открытые европейцами в 1847 году, наскальные рисунки вызвали вначале всевозможные толки, пока их не признали историческими свидетельствами. Первые попытки трактовать и систематизировать петроглифы были предприняты (начиная с 1932 года) многими учеными, среди которых был и этнограф Лео Фробениус. Монументальный реализм ранних наскальных рисунков постепенно уступал место более стилизованному изображению. Изменялись со временем и сюжеты

рисунков. Изображения представителей крупной фауны охотничьего периода (слонов, бегемотов, жирафов) сменились воспроизведением быков, что характерно для периода кочевого скотоводства. Возможности интерпретации весьма широки. До сих пор в этом вопросе не пришли к единому мнению, однако можно утверждать, что толкование, в основе которого лежит версия об охотничьих ритуалах, ни в коей мере не может считаться единственно верным. Значительное число сюжетов позволяет, например, предположить, что они были созданы с целью обучения и информации.

Наряду с петроглифами дальнейшему раскрытию истории Сахары способствовали также и другие многочисленные археологические находки. Археологи, историки искусства и естествоиспытатели выдвигали различные гипотезы, среди которых преобладало мнение, что Сахара многие тысячелетия назад была покрыта тропическими девственными лесами. Сегодня мы знаем, что это не так, что через Сахару протекали мощные реки, которые брали начало в горах и берега которых окаймляли галерейные леса с богатейшей тропической флорой и фауной. За пределами речных регионов преобладали лесостепи. С VIII по III тысячелетие до нашей эры область Сахары в климатическом отношении представляла собой чрезвычайно благоприятную для земледелия и скотоводства густонаселенную зону. Как явствует из наскальных рисунков, в то время здесь возникли антропологические типы, которые впоследствии можно было чаще всего встретить на Африканском континенте.

С III тысячелетия до нашей эры начался геологический процесс обезвоживания, означавший конец влажного периода неолита^[10]. Земля стала бесплодной, реки начали иссыхать, дождей выпадало все меньше. В степях выпас скота способствовал дальнейшему уничтожению растительности.

Бессистемная обработка земли увеличила эрозию почвы, так что около 2000 года до нашей эры Сахара в конце концов приобрела сегодняшний облик. Этот процесс обезвоживания явился причиной возникновения обширного ненаселенного, пустынного пояса, ставшего разделительным барьером внутри Африканского континента.

Из населявших Сахару обитателей светлокожие скотоводы переселялись преимущественно в северные и восточные области или расширяли свои пастбища до расположенных южнее саванн, в то время как негроиды-земледельцы отступили в область Судана.

Экономическое, политическое и культурное развитие народов Северной Африки, поддерживавших тесные отношения со странами Среднего Востока и Средиземноморья, и народов, живущих южнее Сахары, шло отныне в историческом плане по разным путям. Приток населения Сахары в Судан вызвал к жизни длившееся вплоть до средневековья миграционное движение с севера на юг, в ходе которого народы искали новые земли для обработки, а также для скотоводства и охоты.

Эта миграция привела к распространению ценных растений, лежавших в основе питания населения, к применению новых методов в земледелии, прежде всего в орошении и устройстве террас, а также к более интенсивной добыче и использованию металлов. В результате дальнейшего общественно-культурного развития появились региональные центры: наступившая при этом социальная и экономическая дифференциация вытеснила древние общественные формы организации и привела на территории южнее Сахары к образованию классового общества. Все это и должно было стать предметом исследования Генриха Барта.

На краю гибели

Около середины июля караван подошел к западной границе нагорья Феццан. Перед взорами путешественников раскинулась живописная равнина, посреди которой высилась наподобие огромной каменной крепости исполинская скала. Много таинственного и страшного могли поведать проводники каравана об этой «заколдованной горе», где якобы обитали духи пустыни. Никто бы не отважился проникнуть в ее скальный лабиринт. Однако Барту, ученому, относившемуся к таким загадкам с большим интересом, казалось очень заманчивым опровергнуть подобное суеверие. 15 июля он записал в своем дневнике: «Мой dies ater (черный день) настал... и рано утром я решил отправиться в обиталище привидений, которое влекло меня как в геологическом, так и в археологическом отношении. Среди наших спутников мы так и не смогли найти провожатого, который согласился бы довести нас от горы до следующего колодца, куда в это время намеревался пройти по прямой дороге караван».

Когда все попытки договориться о проводнике (из-за чего они лишь потеряли много времени) окончательно провалились, Барт, захватив небольшой запас воды, отправился в путь один.

Вначале все шло хорошо. Он миновал несколько песчаных холмов и попал в большую, голую, покрытую черной галькой долину. Постепенно начался подъем, становившийся все круче и круче. Оказалось, путь был значительно длиннее, чем предполагал Барт. Непредвиденные препятствия заставляли неоднократно менять направление, что отнимало время и силы. Около 10 часов утра жара стала невыносимой, а тени, как он ни

искал, нигде не было. Обессиленный, Барт добрался наконец до узкого, стеноподобного гребня горы, склон которой состоял из осыпей скальных пород. О надписях или скульптурах здесь ничего не говорило, равно как и о привидениях, а также о пальмовых рощах, в которых они должны были бродить.

Хотя перед ним открылся прекрасный обзор, он не мог обнаружить каравана. Время шло, и Барт начал опасаться, как бы путешественники не предположили, что он от них оторвался, опередил их, и не решили во второй половине дня двинуться дальше. Так что пришлось, невзирая на страшную усталость, вернуться в лагерь. Жара все усиливалась, жажда мучила все нестерпимей, Барт, отчаявшись, выпил всю воду. Полдень был давно позади, но он еще никого не обнаружил. Выстрел из пистолета не дал никаких результатов: ветер отнес звук в другом направлении.

О дальнейших событиях расскажет сам Барт: «Я обдумал свое положение... Преодолев песчаные холмы, взобрался на бугор и выстрелил во второй раз. Убедившись, что поблизости никого нет, я все же решил, что наши люди еще не покинули лагерь, и взял курс, к несчастью, на восток, хотя до сих пор шел с востока на юг. В долине в изобилии росла трава, оглядевшись, я, к неописуемой радости, увидел в некотором отдалении маленькие круглые хижины, примкнувшие к деревьям... Спереди они были открыты. Я с надеждой ринулся к ним, но, увы, они оказались пустыми. Здесь не было ни живой души, ни капли воды.

Силы покинули меня. Я сел — передо мной раскинулась широкая равнина. Мне еще не было страшно, ибо я надеялся увидеть вскоре караван; на миг показалось даже, что вдали растянулась цепочка верблюдов, но, увы, это был мираж. Ничто в мире не наполнено столь иллюзорными образами, как раскаленные солнцем пустынные равнины. Это было

известно с незапамятных времен, особенно арабам, которые хорошо знали пустыню и фантазия которых, столкнувшись с миражем, населяла эти голые места всевозможными призраками, дезориентирующими одинокого странника и сбивающими его с пути. Наконец я вновь поднялся на ноги, чтобы оглядеться вокруг. Оказалось, что я настолько ослабел, что не смог стоять. Солнце клонилось к закату, и надо было подумать о ночлеге. У меня оставался выбор между одной из хижин и стоявшим поблизости Деревом, которое поначалу ввело в заблуждение мою жаждущую воды фантазию, показавшись мне коромыслом. Я выбрал дерево, так как оно стояло на некотором возвышении. Сбрав последние силы, я дополз до него. Оно было старым, с большими толстыми сучьями и без единого листочка. Я намеревался развести огонь, который мог бы послужить сигналом и принести верное спасение, но я был не в состоянии даже собрать хотя бы немного дров. Я полностью обессилел и почувствовал, что весь горю.

Отдохнув около двух часов, уже в полной темноте, я поднялся и посмотрел по сторонам и тут, к величайшей моей радости, увидел на юго-западе долины большой огонь. Блеснула надежда. Может быть, это сигнал разыскивающих меня спутников? Поднявшись во весь рост, я выстрелил из пистолета. Это было единственное оставшееся у меня средство для связи с ними, и оно, как мне казалось, должно было помочь. С верой в успех я внимал звуку выстрела, слушал, как он разносится по равнине, доходя до самого костра. Я долго прислушивался... но кругом по-прежнему стояла мертвая тишина. Лишь пламя от костра поднялось высоко в небо, поддерживая во мне надежду. Я долго, очень долго ждал... а потом опять выстрелил, но и на сей раз не услышал никакого ответа. Потеряв всякую надежду на спасение, я улегся на землю. О сне нельзя было и мечтать. Не находя покоя, я метался по земле в

ожидании следующего дня, мучимый сильнейшей лихорадкой и охваченный надеждой и страхом одновременно.

Наконец ночной мрак отступил, начало светать. Кругом тишина и покой. Будучи уверенным, что вновь настало время дать о себе знать своим друзьям, я собрал последние силы и зарядил пистолет. Я выстрелил, потом еще — казалось, эти звуки могли бы воскресить мертвых. Их громкое эхо скатилось в долину, но ответа я снова не услышал и не мог понять, как случилось, что расстояние между мной и моими спутниками стало таким большим, что они не слышали выстрелов.

Поднялось солнце; это событие я встретил, с одной стороны, с радостью, а с другой — со страхом и даже с ужасом. Все усиливающийся зной был для меня невыносим. Я пополз, пытаюсь попадать в ту скудную тень, которую давали голые ветки. Около полудня исчезла и она; ее не осталось даже столько, чтобы защитить мою разболевшуюся от лихорадки голову. Меня так терзала жажда, что я прибегнул к последнему средству, чтобы хоть немного утолить ее: высосал своей крови. В конце концов я почти потерял сознание, отдавшись во власть фантастических видений, и очнулся, лишь когда солнце зашло за горы. Немного приподнявшись, намереваясь уползти из-под дерева, я помутневшим взором окинул долину. Вдруг до моего уха донесся крик верблюда. Это был самый прекрасный звук, который мне когда-либо доводилось слышать. Я снова приподнялся и увидел медленно шедшего верблюда, верхом сидел туарег и озирался. Вот он обнаружил на песке мои следы, а затем, потеряв их на каменистой почве, нерешительно остановился, обдумывая, в каком направлении я мог податься. У меня только и оставалось сил, чтобы слабым голосом произнести: „аман, аман“ („воды, воды“). Как счастлив я был, когда услышал в

ответ успокаивающее: «ивуа, ивуа», что означало согласие. В мгновение ока он очутился около меня, быстро обрызгал мою голову водой, в то время как я непроизвольно без конца повторял: «Эль хамду лиллахи, эль хамду лиллахи!» («Хвала Аллаху!»).

Это было спасение на краю гибели. Овервег и Гатрони в сопровождении нескольких помощников самоотверженно бросились на розыск пропавшего друга. В конце концов один из туарегов обнаружил почти занесенные песком следы, которые привели его к пропавшему Барту, посадил его, совершенно обессиленного, на своего верблюда и помчался к палаткам. Здесь Барта уже сочли погибшим, и радость встречи была неопишуемой. Вначале Барт мог с трудом, нечленораздельно произнести несколько слов. Однако благодаря отменному здоровью кризис вскоре миновал, и уже на следующий день Барт был в состоянии справиться с трудностями дневного перехода. 18 июля караван прибыл в Гат — вторую большую стоянку экспедиции. С быстротой молнии распространилась весть, что Абд эль-Керим, великий белый человек, вторгнулся в обиталище духов и противостоял могуществу демонов. Участники экспедиции нашли дружественный прием в доме наместника Хадж Ахмеда, надеявшегося добиться определенных торговых выгод от прибывшей английской миссии. Менее сговорчивыми оказались, однако, туареги, с которыми Ричардсон намеревался заключить Договор, чтобы гарантировать безопасность торговых путей через Сахару.

25 июля караван снова отправился в путь. К нему примкнула группа, чей путь лежал до Агадеса, так что в объединенной кафле (караване) теперь насчитывалось примерно 60 верблюдов. Через несколько дней она, миновав ущелья и перевалы, вышла к нагорью, гребни которого возвышались на 1500 метров. Затем дорога опять пошла вниз, в обширную безводную равнину,

перешедшую наконец в пустыню, простиравшуюся до самых отрогов гор Аира. Эту овеянную преданиями местность караваны старались обходить стороной. Ни один европеец не смог еще туда проникнуть. Нужно было изучить эту совершенно неисследованную местность. И именно теперь, когда предстояли настоящие трудности, нанятые туареги начали приготовления, недвусмысленно говорившие, что они собираются в обратный путь. Лишь после долгих уговоров и благодаря дополнительной плате они согласились сопровождать караван дальше. А тут еще сказались результаты необдуманных действий Ричардсона, предпринятых им в целях экономии.

Неожиданно, явно не с лучшими намерениями, появился туарег Мухаммед Боро, чья гордость была в свое время ущемлена бесцеремонностью главы экспедиции. Он решил, что пробил час отмщения. Боро сопровождало множество отчаянных сынов пустыни, чье бряцание оружием и чьи боевые кличи не оставляли никакого сомнения в их намерениях. Бессмысленно было пытаться защищаться или нападать: слишком велико превосходство в силе. Ночью они увели верблюдов, что означало для каравана верную гибель. Пришлось дать выкуп в 50 фунтов стерлингов, чтобы их вернули. Однако через несколько дней последовало новое нападение. Воины потребовали выдачи им трех «неверных». Они должны были умереть или отречься от своей веры. Казалось, судьба экспедиции предрешена, тем более что поведение эскорта, сопровождавшего караван, не внушало никакого доверия. В то время как Ричардсон, отчаявшись, смирился и готов был уже перейти в мир иной, Барт и Овервег сочли, что еще не все потеряно. Барт бесстрашно вышел навстречу грабителям. Его решимость не осталась без последствий: возобновились многочасовые переговоры, в результате которых караван, передав туарегам

товаров на сумму 230 талеров, смог продолжить свой путь.

В бездорожной горной местности их поджидали новые опасности. Так, в одном из узких ущелий на них обрушился страшный ливень. Первая радость по поводу внезапно появившейся свежести уступила место ужасу, когда нескончаемые водяные потоки превратили равнину в бурную реку. Правда, расположившись на возвышенном месте лагерем, экспедиция несколько обезопасила себя, однако паводок нарастал с каждым часом. К счастью, ливень прекратился так же неожиданно, как и начался. Опасность миновала, но настроение у всех оставалось подавленным. Сколько бед еще поджидает на пути к Тингеллусту (Тинтеллуст) — следующей точке маршрута? Они возлагали большую надежду на шейха Аннура, который должен был выслать навстречу им конвой для охраны. В начале сентября ожидаемые конвоиры прибыли и потребовали немалую плату, не дав при этом гарантий обеспечить безопасность каравана. И все-таки экспедиция прибыла 4 сентября в Тингеллуст.

Агадес — город мудрости

Хотя правитель Тингеллуста шейх Аннур и находился в подчинении у султана Агадеса, он, как влиятельный вождь племени, безраздельно властвовал в Северном Азбине. Следует подчеркнуть, что он наделен был деловыми качествами торговца, скотовода и землевладельца. За тысячу долларов^[11] шейх согласился проводить экспедицию до царства Борну, расположенного примерно в тысяче километрах от Агадеса. Разумеется, пошутил он, караван смог бы и без провожатых, на собственный страх и риск продолжить путешествие через земли кочевников-грабителей. Но поскольку путешественники были по горло сыты приключениями, то предпочли принять предложение, хотя это значительно сократило их бюджет. Помимо всего прочего Аннур захотел объединить караван Ричардсона с караваном, направляющимся к крупным торговым центрам Судана с грузом соли, чтобы обменять это «белое золото» стоимостью около 60 тысяч долларов на другие товары или продать. Этот караван шейх только недавно отправил в 500-километровый путь к соляным копиям близ оазиса Бильма, и он должен был возвратиться лишь через несколько месяцев. Таким образом, время отправления экспедиции отодвигалось. Поскольку Барт не выносил бездеятельности, он воспользовался этим вынужденным перерывом и, не теряя времени, приступил к географическим и этнографическим исследованиям. У местных жителей — туарегов-кель-ови — он вскоре сделался желанным гостем. Тесный контакт с людьми способствовал глубокому изучению их нравов и обычаев, так что дневники и альбомы Барта быстро заполнились записями и рисунками. Не терял времени даром и

Овервег. Еще до его прибытия повсюду разнеслась весть, что приехал табиб (врач), и пациенты хлынули к нему толпой. Чрезвычайно жаловала его своим вниманием жена Аннура, которой «было бы очень приятно видеть большого табиба членом семьи», и она без устали восхваляла перед Овервегом достоинства своей племянницы в качестве кандидатуры ему в жены.

Особенно привлекал Барта знаменитый султанат Агадес, и он поставил себе целью посетить этот крупный культурный центр средневековья, слывший в течение длительного времени всемирно известным средоточием учености, а теперь преданный забвению. Никакие предостережения не удержали его от весьма опасного 200-километрового похода через глухую скалистую местность. Он надеялся, что рекомендательное письмо Аннура султану Абд эль-Кадиру в столице Аира Агадесе расчистит ему путь.

Около трех недель — с 10 по 30 октября — Барт находился в овеянном легендами городе мудрости. Он углубился во множество книг и документов времен бывшего величия, когда здесь процветали искусство и науки. Отношения его с султаном с самого начала были весьма дружественными. Население также проявило к первому европейцу, посетившему их город, доброжелательность. Правда, Барта несколько удручала царившая там, по его мнению, «легкость нравов». «Пять-шесть девушек или женщин, — пишет он, — пришли в наш дом с визитом и без обиняков предложили повеселиться с ними. Двое из них были довольно милостивы и хорошо сложены... Но грешницы в своем задоре зашли слишком далеко, что угрожало моим принципам быть крайне осторожным и сдержанным по отношению к женскому полу». Так что эти «шаловливые, однако отнюдь не отталкивающие особы» не смогли его сломить, В заключение Барт добавляет: «Для путешествующего по этим странам, несомненно, было

бы лучше иметь рядом спутницу. Это было бы удобно и для него самого, и для местного населения, которое лучше понимало бы его и больше уважало. А то оно по простоте своей не возьмет в толк, как может мужчина жить без женского общества».

Город, каким его увидел Барт, мало что сохранил от былого великолепия. Многие жилые дома превратились в руины, сохранилось только несколько мечетей. Число жителей сократилось с 30 тысяч (в пору расцвета) до 7 тысяч человек.

Любезный правитель Азбина Абд эль-Кадир вручил своему гостю перед отъездом рекомендательные письма наместникам Кано, Кацины и Даура, принесшие ему немало пользы. От имени английского правительства Барт заключил торговый договор с султаном и тем самым выполнил свою первую официальную миссию. Обратный путь занял около недели, и в начале ноября он возвратился в Тингеллуст, где его долгое отсутствие уже вызывало беспокойство.

Надежды Барта на то, что экспедиция теперь наконец-то двинется в путь, не оправдались. Караван с солью из Бильмы еще не вернулся. Новую стоянку устроили в долине Офайет, и Барт продолжил работу по систематизации собранного в Агадесе материала. Кроме того, он решил написать доклад английскому правительству, надеясь, что оно перешлет финансовые средства, которые были тогда крайне необходимы экспедиции.

В начале декабря прибыла часть каравана из Бильмы, и путешественники приступили к подготовке долгожданного выступления, а 12 декабря покинули лагерь. Барту казалось, что они двигаются слишком медленно, часто останавливаются. Движение караванов выглядело как настоящее переселение народов на юг. Одних только вьючных верблюдов, несших в специальных корзинах крупнозернистую соль,

насчитывалось свыше трех тысяч. «Целое племя, — пишет Барт в дневнике, — пришло в движение: мужчины шли пешком или восседали верхом на верблюдах, женщины — верхом на ослах или на волах со всей домашней утварью, даже с облегченными жилищами, циновками, жердями, горшками и ступами, мисками и чашами для питья — все это навешано на животных в пестром хаосе. Сопровождали караван стадо крупного рогатого скота, гурт дойных коз и множество верблюжат; последние затевали буйные игры, чем часто нарушали строгие ряды связанных друг с другом вьючных верблюдов. От всего этого в высшей степени увлекательного зрелища веяло жизнерадостностью и бодростью.

Земля, по которой мы шли, была суровой — каменистой и бесплодной; вначале, правда, можно было еще встретить травянистые растения, но затем песчаник сменился базальтом, и теперь весь ландшафт принял в высшей степени голый и затерянный вид».

Растянувшийся на несколько километров неуклюжий караван передвигался с большим трудом. Он был расчленен на 30 звеньев, каждое из которых состояло из представителей определенного племени. Общая стоимость груза составляла приблизительно 60 тысяч испанских талеров. Почти третья часть соли предназначалась для Зиндера, остальная же — для Кано — города посреднической торговли в Центральном Судане.

Первые дни 1851 года ознаменовались появлением растительности, которой по мере продвижения становилось все больше, — значит, караван вошел в новый регион, то есть перешел из зоны неплодородного плоскогорья в полосу степей, которая должна была на границе с Суданом вывести экспедицию в плодородную провинцию Дамергу. 6 января они увидели первые поля. «Это, несомненно, знаменательный момент в нашем

путешествии, — записал Барт в дневнике. — Наконец мы достигли глубин Африки, плодородного края, который не только мог прокормить собственное население, но и в настоящее время при малоразвитой промышленности был в состоянии производить достаточно продуктов, чтобы обеспечить и чужие страны. Меня охватила глубокая радость при виде этой земли, и я благодарил провидение, что оно так щедро вознаградило мои усилия, ибо здесь для нас раскрывалось обширное поле деятельности; это была область, которая в будущей истории человечества могла сыграть величайшую роль».

Деревенская застройка здесь была совсем иной, чем в местах, по которым они шли прежде. Почти все хижины были сделаны из просяной соломы, перевязанной волокнами ваточника. Между хижинами стояли маленькие сараи для хранения зерна. Изменившийся ландшафт, более плотно заселенные и богатые земли, щедрое гостеприимство жителей деревень сделали возможным продолжить путешествие отдельными группами, что значительно ускорило темп передвижения.

Богатое событиями прошлое

В странах южнее Сахары, куда прибыла теперь экспедиция, уже в I тысячелетии нашей эры первобытнообщинный строй сменился более высокой формой общественного развития. В процессе социальной и экономической дифференциации, результатом которой было образование раннеклассового общества, интенсификация внутриафриканских торговых отношений, в том числе и в Сахаре, была важным фактором.

На основе этих торговых связей сделались более оживленными и культурные контакты африканских средиземноморских стран со странами южнее Сахары.

Главными предметами торговли были золото и соль. Кроме того, из Судана экспортировались шкуры, слоновая кость, страусовые перья, полудрагоценные камни в обмен на полотно, изделия из хлопка, шелк, произведения ремесленников, предметы домашнего обихода, орудия труда и оружие. В конечных пунктах караванных путей и в местах их пересечений возникали городские центры, становившиеся одновременно центрами новых государств. Здесь была резиденция правящей верхушки, которая осуществляла контроль над торговлей, а так как это было связано с взиманием пошлин, то, кроме того, извлекала из нее значительную прибыль, укрепившую ее экономическое и тем самым политическое господство.

Существовало три транссахарских караванных пути: западный (из Марокко в Томбукту), средний (Триполи — Гадамес — Гат — Агадес — Кано), восточный (Триполи — Мурзук — Бильма — озеро Чад). Изучение экономической географии, включая торговые пути, относилось к главным задачам Барта. При посещении торговых

центров, в число которых входили важнейшие узлы пересечения караванных дорог, он пользовался малейшей возможностью для выяснения этих вопросов. Его записи содержат подробнейшее описание происхождения, сорта, количества, качества и цен предметов торговли. Не в последнюю очередь его интересовали традиционные порядки, принятые на рынках. С особой тщательностью он знакомился с торговлей солью и с текстильным производством, появившимся в некоторых городах. Однако его интерес не ограничивался лишь возможностью расширения и увеличения объема широко разветвленной суданской системы торговли — он занимался также ее историей.

Налог на соль был одной из самых прибыльных статей дохода аристократической верхушки и весьма привлекателен также для сборщика налогов, за деятельностью которого Барт с интересом наблюдал во время своего путешествия с караваном. «В его обязанности входило, — писал он, — ежегодно сопровождать караван туарегов кель-грес с добытой в Бильме солью, для западной части Центрального Судана, от Агадеса до Сокото, а также обеспечить как его безопасность на этом отрезке пути, так и защиту от чрезмерных вымогательств со стороны населения Сокото. За это он получает в среднем с каждого животного по „канту“, то есть стоимость восьмой части кладки соли, навьюченной на верблюда... а это означает для тех мест немалый доход, в общем, наверно, от 8 тысяч до 10 тысяч испанских талеров. Дело в том, что караван насчитывает, как правило, несколько тысяч верблюдов, во всяком случае не меньше 3 тысяч, куда, правда, входят и резервные животные; кроме того, не все животные одинаково загружены. За одно „канту“ соли в Судане дают от 5 тысяч до 7-8 тысяч ракушек „курди“, что равноценно 2-3 испанским талерам. При этих обстоятельствах само собой разумеется, что эти

чиновники, действующие подчас на свой страх и риск, накапливают значительные богатства».

В своем анализе путей сообщения и видов транспорта Барт, опираясь на многочисленные статистические данные, должен был по заданию британского правительства оценить возможности и целесообразность экономических связей. В результате он пришел к выводу, что для предусмотренного увеличения торгового объема сухопутные пути едва ли пригодны. Поэтому в своих дальнейших исследованиях он ориентировался главным образом на водные пути.

Открыв и обработав исторические материалы, которые до того времени были неизвестны, Генрих Барт внес большой вклад в исследование истории Африки. Он использовал в своей работе не только письменные источники, но и устные традиции, множество мифов и легенд. При этом Барт отступил от принципа, которого придерживались в своих работах европейские историки, концентрировавшие свое внимание вокруг того, что еще в античности было известно об Африке, следуя в своем толковании грекам, римлянам, финикийцам и карфагенянам. Барт же впервые использовал внутриафриканские источники, что привело его к отмежеванию от евроцентристской точки зрения на историографию ради признания самобытных историко-культурных достижений африканских народов.

Изменения социально-экономических и политических условий привели в результате довольно длительного периода распада первобытнообщинного строя к образованию государств также в зоне южнее Сахары. Самым ранним государственным образованием на исследованных Бартом землях было древнее государство Гана, основание которого относится к IV веку нашей эры. После тяжелых столкновений с западноафриканскими народностями сонинке и берберами оно достигло в IX-X веках вершины своего

расцвета, когда его территория простиралась от берегов Атлантики до Томбукту.

В 1076 году Гана была завоевана Альморавидами под водительством Абу-Бакра и обложена данью. Хотя Гана несколько лет спустя вернула свою независимость, она больше не смогла подняться до прежних высот и в конце концов в 1240 году была низведена легендарным «львом Мали» Сундьятой до положения одной из провинций его царства.

Своей вершины государство Мали достигло при правившем с 1307 по 1332 год мансе Мусе^[12]. Оно протянулось от Текрура на западе до Гао на востоке, от сахарского плато Аир на севере до девственных тропических лесов на юге. Современные ему летописцы и путешественники, как, например, знаменитый Ибн Баттута, который объездил Судан в середине XIV века, сообщают о значительных культурных достижениях древнего Мали. Особенно сильное впечатление вызвало пышное паломничество мансы Мусы в Мекку в 1324 году. Среди его бесчисленной свиты находилось 500 рабов, которые якобы несли огромное количество золота. Однако цель правителя не ограничивалась посещением могилы пророка. Он хотел продемонстрировать свое могущество и богатство, а также установить торговые связи с северными и восточными соседями в Египте и на Аравийском полуострове. Успех не заставил себя ждать. Благодаря наплыву торговцев и ученых города Гао, Томбукту и Дженне превратились в значительные экономические и культурные центры. В этот период Много строили, и особой роскошью отличались мечети и дворцы. Однако в громадном царстве в конце XIV века проявилось стремление к партикуляризму, приведшее к отпадению его вассалов.

В конце концов между 1465 и 1500 годами Сонгай — третье значительное государство средневекового Судана, которое до XIV столетия было еще вассалом

Мали, — овладело большей частью царства. Сонни Али Великий завоевал в 1468 году Томбукту и Дженне^[13]. Вершины политического могущества Сонгай достиг при аскии Мухаммеде Туре I (1493-1528), которому удалось на завоеванных его предшественниками землях создать сильную централизованную власть. При основании им новой династии аскиев границы государства были расширены, так что в него вошли еще города-государства хауса: Замфара, Кацина, Зариа и Кано^[14].

По среднему течению Нигера были расположены густонаселенные, цветущие земли с плотно примыкавшими друг к другу более чем семью тысячами деревень. С расширением границ государства в руки правителей Сонгай, торговавших до этого золотом, слоновой костью и рабами, попали новые богатства, и прежде всего соляные копи.

В консолидации великого царства решающую роль сыграл ислам, который получил распространение далеко за пределами племенных границ и стал объединяющим звеном, способствующим экономическому подъему и развитию торговых связей. С возникновением монотеистического государственного культа отношения эксплуатации укрепились.

Распространение ислама осуществлялось в основном вдоль торговых путей. Об этом позаботились начиная с VIII века торговцы, а также духовенство. Господствующий класс вскоре распознал выгоду ислама и всячески содействовал распространению его влияния. При этом меньшее значение придавалось теологической системе ислама, чем его институтам и выгодным для достижения экономических и политических целей методам, как, например, введению мусульманского судопроизводства и налогового законодательства. Была унифицирована система мер и весов, торговля и ремесло поощрялись путем предоставления привилегий, а земледелие было интенсифицировано внедрением новой

техники и оросительных систем. Главными сферами влияния ислама были городские центры торговли и ремесел. Здесь он достиг больших успехов, содействуя развитию культурной жизни. Он облегчил введение письменности, исламские школы и высшие учебные заведения стали очагами науки, в которых отнюдь не ограничивались изучением Корана; большое внимание уделялось преподаванию литературы, истории, географии, математики и астрономии. Суданский ученый Ахмед Баба создал труд об известных ученых Томбукту, в котором описал жизнь и деятельность свыше ста поэтов, юристов, математиков — авторов множества значительных хроник и научных трудов^[15].

В социально-экономической структуре государства Сонгай продолжали укрепляться отношения эксплуатации и зависимости. Знать и духовенство владели обширными землями, которые обрабатывались рабами.

Процветающая страна пробудила алчность у султанов Марокко. Уже в 1584 году им удалось захватить копи Тегаззы, а спустя семь лет Томбукту стал жертвой нападения войска под командованием Джудар-паши. Однако Марокко все же не удалось полностью покорить Сонгай. В ожесточенной партизанской войне местное население наносило марокканскому войску тяжелые потери. Султан был не в состоянии надолго удержать аннексированные земли. Однако Сонгай уже не смогло вернуть свое былое величие. Стремления вассалов к автономии привели к дальнейшему ослаблению пришедшего в упадок государства и сделали долину Нигера беззащитной перед нападением туарегов и фульбе.

Южнее излучины Нигера с XI века также появляются государственные образования. Обитающие здесь своей основали маленькие королевства Уагадугу и Ятенга, куда ислам не смог проникнуть. Предпринимая

нападения на города и торговые центры в районе реки Нигер, моси Seriously тормозили развитие исламизированных территорий.

Лучше, чем прошлое государств моси, нам известна история городов-государств народа хауса, бывших непосредственной целью путешествия Генриха Барта. Приблизительно с X века восточнее Сонгай возникло семь городов: Гобир, Даура, Вирам, Кано, Рано, Зариа и Кацина. Они стали экономическими центрами, возглавляемыми аристократическими династиями, в руках которых сконцентрировалась вся власть. В защищенных широкими насыпями и рвами городах процветало ремесло, в котором были заняты в основном рабы. Главными предметами экспорта служили изделия из металла и кожи, а также яркие хлопчатобумажные ткани.

После непродолжительного покорения правителем Сонгай аскием Мухаммедом I городов-государств хауса они в середине XVI века вновь добились независимости, а для более эффективной защиты от внешних врагов, несмотря на все внутренние разногласия, сплотились, что способствовало возникновению единого языка — хауса. Однако после развала грозного государства Сонгай сепаратистские интересы в экономике опять привели к расколу.

В древних культурных центрах, расположенных во круг озера Чад, в результате классового расслоения также появились государственные образования. Около VIII–IX веков возникло государство Канем, которое при господстве династии Сефува благодаря многочисленным завоеваниям непрерывно расширяло свои границы. С принятием ислама в качестве государственной религии во второй половине XI века произошла консолидация центральной государственной власти. При май (правителе) Дунаме Дибалами государство достигло наиболее обширных размеров. Оно граничило на севере

с Феццаном, на юге простерлось до сегодняшней Диквы, на востоке — до Вадаи, а на западе — до городов-государств хауса. Однако, подобно тому как это имело место в других государствах Центрального и Западного Судана, стремление вассалов к автономии подрывало единство Канема. Начавшийся упадок усугубился тем, что восстали некоторые племена. Так, булала создали в конце XIV века автономную область северо-восточнее озера Чад. Провинция Борну, бывшая прежде пограничной областью государства Канем, стала в связи с эмиграцией из этих земель его новым центром. Когда при Идрисе II (1504–1526) отпавшие от государства земли были снова объединены, резиденция династии Сефува оставалась в Борну. При управлении Идриса Алома (1571–1603) государство Канем вновь достигло расцвета, однако затем вследствие феодальных распрей распалось.

По разным маршрутам

С самого начала работы экспедиции между Бартом и Ричардсоном возникли разногласия. Они коренились в различии характеров, но прежде всего — взглядов на цели экспедиции. Если в первое время еще была хоть какая-то возможность сгладить противоречия, то с возрастом трудностей конфликт усиливался. Ричардсон проявлял все меньше интереса к научным исследованиям Барта и Овервега. Чтобы избежать неприятных и мешающих нормальной работе трений, которые рано или поздно должны были привести к разрыву, Барт принял решение после успешного перехода через Сахару идти какое-то время отдельно. У местечка Тагелель, заранее договорившись с Овервегом, он осуществил задуманное. Решение Барта мотивировалось, кроме того, тяжелым финансовым положением экспедиции. Деньги из английской «метрополии» заставляли себя ждать, и поэтому проще было продолжать путешествие небольшими группами, что требовало меньше издержек.

По плану Барта вся экспедиция на два-три месяца разбивалась на три группы. Ричардсону следовало отправиться в сопровождении Аннура в Зиндер, расположенный лишь в 100 километрах южнее, в сфере господства султана Борну. В то время как Аннур по достижении цели повернет обратно, Ричардсон продолжит свой путь до Кукавы — столицы государства Борну.

Труднее был маршрут Овервега. Он должен был из Тесавы — важного узла на пересечении караванных путей (юго-западнее Дамергу) — проникнуть в еще неизвестную область близ Маради, с тем чтобы заняться геологическим обследованием и астрономическими

съемками этой важной территории в Центральном Судане.

Однако самой сложной, без сомнения, была задача Барта: пройти через Кацину и достичь таинственного, неведомого большого города Кано в центральной части Судана.

11 января 1851 года настал день расставания с Ричардсоном. Договорились в начале апреля встретиться в отдаленной на 700 километров Кукаве на озере Чад. Барт был счастлив, что может теперь беспрепятственно, по собственному усмотрению руководить научной работой экспедиции. Он весьма оптимистически смотрел в будущее, надеясь обнаружить богатый научный материал. С интересом Барт отмечал, что растительности становилось все больше и все шире простирались сельскохозяйственные угодья. Вскоре показались первые хлопковые поля и встретилось в полном цвету тюльпановое дерево. 14 января сопровождавший Барта в течение нескольких дней Овервег отправился по другой дороге. Преданным и надежным спутником Барта стал отныне Элейджи, брат шейха Аннура, руководивший караваном до места, где его покинет экспедиция Барта.

Уже к середине месяца они дошли до Тесавы — первого довольно крупного населенного пункта Судана. Город, насчитывавший около 10 тыс. человек, понравился Барту, и он занялся изучением образа жизни его жителей. Их постройки были окружены изгородью из высоких тростниковых плетенок. Крытые тростниковой крышей мазанки, стоящие в глубине дворов, были очень симпатичны. Бросалось в глаза большое число детей, игравших рядом с домашними животными. Более зажиточные семьи кроме коз, кур и голубей держали быка или даже лошадь. Люди, как правило, были общительны и жизнерадостны. Барт отметил их пристрастие к пению и танцам. Полигамии здесь он не

нашел. Мало кто мог себе позволить взять вторую жену — помоложе первой. Большинство же мужчин, казалось, были счастливы с одной женой и кучей детей.

22 января Барт приблизился к значительному торговому центру Кацину, не дойдя до него несколько километров. Он находился теперь на земле народа фульбе. «Это был важный рубеж в моем путешествии, — отметил он в дневнике. — Здесь я проник на землю того удивительного племени, которое, согласно достоверным источникам, прибыло сюда небольшими потоками с запада, с берегов Сенегала, а затем расселилось по всей Центральной Африке; сначала оно мирно жило в лесах и на выгонах со своими стадами крупного рогатого скота, который был им завезен в эти места впервые; затем они вошли в силу и уже в XVI веке стали обращать на себя внимание соседей своей многочисленностью. Со времени распада государства Сонгай они начали вмешиваться в политическую жизнь, затем, поддавшись влиянию реформаторских начинаний ислама, победоносно основали новые государства на развалинах старых. Для успеха моей научной работы очень важно было то, какие у меня сложатся отношения с этим господствующим племенем. Здесь была первая область, входившая в обширное государство, здесь же находился первый почти независимый наместник».

На основании имевшихся в его распоряжении источников Барт со всей возможной объективностью исследовал историю фульбе, став первым европейцем, правдиво показавшим пути развития и распространения этого народа. В описаниях Барта нет и следа расистской теории превосходства одного народа над другим, которой заполняли свои объемистые труды позднейшие «исследователи».

Фульбе с их типично европеоидными чертами (тонкие нос и губы), вне всякого сомнения, занимают в антропологическом отношении^[16] особое место среди

народов, населяющих земли южнее Сахары. В противоположность негроидному типу они отличаются светло-коричневой кожей, стройностью, относительно высоким ростом и длинными черными волосами.

Народ скотоводов, фульбе, уже с XV века начал покидать свои родные места на западе Сахеля и переселяться на восток. Здесь, в стране, заселенной земледельческим народом хауса, они постепенно сделали господствующей прослойкой в уже существовавших или в нарождавшихся государствах. В период перехода части фульбе к оседлому образу жизни у них ускорился процесс социальной дифференциации. Но непосредственную выгоду из завоеваний извлекала лишь фульбская аристократия, основавшая для укрепления своей власти в течение XVIII века к западу от излучины Нигера, в Фута-Джаллоне (Гвинея), Фута-Торо (Сенегал) и Масине (Мали), мусульманские эмираты.

К востоку от излучины Нигера, в государствах хауса, куда Барт прибыл весной 1851 года, в результате победы возглавленного исламским странствующим проповедником Усманом дан Фодио (1754–1817) восстания против хаусанского правителя Гобира, одержавшего в конце XVIII века верх над соперничавшими городами-государствами хауса, в начале XIX века было основано государство Сокото. С 1805 по 1807 год было завоевано Кебби, в 1807 году — Кано и Кацина. С падением Гобира (1810 год) возникла наконец после объединения городов-государств великая держава.

В государствах хауса из переселявшихся туда с XV века фульбе образовалась зажиточная аристократия, возросшее и укрепившееся могущество которой пришло в противоречие с ее бесправным политическим положением. Восстание Усмана дан Фодио привело к желанному перераспределению политического соотношения сил в пользу аристократии фульбе.

Идеологической мотивировкой «священной войны» Усмана дан Фодио сделалась борьба за чистоту исламской веры, от которой языческая аристократия хауса якобы отступилась.

Правоверным фульбе весьма импонировала поставленная проповедником цель, поскольку они были уверены, что в случае победы смогут извлечь пользу в мирских делах. Идеи социального равенства нашли поддержку и среди угнетенных слоев народа хауса, который, однако, в результате смены власти ничего, разумеется, не получил. Все обещания были забыты. Это привело к тому, что разочарованные массы крестьян хауса отвернулись от победителей и переметнулись в лагерь хаусанской аристократии, неоднократно поднимавшей восстания с целью вернуть себе политическую власть.

Факт основания государства Сокото имел, несомненно, положительное общественное значение. Было покончено с постоянными кровопролитными столкновениями между соперничавшими друг с другом государствами хауса, что способствовало подъему земледелия, ремесел и торговли, которые благодаря налаженной феодальной системе управления получили новый стимул к дальнейшему росту. На базе развивавшейся экономики расцвела и разносторонняя духовная и культурная жизнь.

Султанат Сокото был расчленен на эмираты, границы которых соответствовали приблизительно прежним границам хаусанских городов-государств, однако султанат вышел за их пределы и распространил господство фульбе вплоть до озера Чад и плато Адамава. Назначенные султаном в качестве глав государств эмиры возглавляли высшую знать на подвластных им территориях. Они опирались на исполнительный совет, привилегированные члены

которого в качестве вассальных князей правили в провинциях эмиратов.

В процессе ассимиляции все больше стиралась выступавшая вначале на передний план этническая дифференциация между хауса и фульбе, в то время как противоречие между антагонистическими классами стало господствующим в общественных отношениях. Так, представитель какого-либо из древних знатных родов хауса при известной политической гибкости вполне мог занять высокий чиновничий пост со всеми вытекающими отсюда преимуществами, в то время как бедный кочевник-фульбе был так же порабощен, как и его братья по классу — хауса.

После смерти в 1817 году Усмана дан Фодио султанат подвергся разделу. Его сын Мухаммед Белло получил в наследство восточные области, включая Адамава, с резиденцией в Сокото — центре территории бывших городов-государств хауса. Брату его Абдаллаху — предводителю военной экспансии — отошли западные провинции со столицей в Гванду. Раздел, однако, положил начало процессу децентрализации, который несколько десятилетий спустя усилился и в конце концов благоприятствовал экспансии колониальных держав.

Итак, прибыв 22 января 1851 года в окрестности Кацины, 24 января Барт получил аудиенцию у султана Мухаммеда Белло. Это был мужчина средних лет, довольно просто одетый и весьма любезный. Несмотря на свое недоверие к чужестранцам, он все же разрешил Барту осмотреть город.

Кацина в XVII-XVIII веках была важным узловым пунктом на транссахарских караванных путях, процветающим городом, центром духовной жизни государств на юге от Сахары. После фульбского завоевания в начале XIX века положение изменилось. Иноземные торговцы переселились в Кано,

расположенный на юго-западе и ставший торговым центром, после того как Кацина пришла в упадок.

30 января Генрих Барт и несколько его спутников покинули Кацину и двинулись по направлению к Кано. Край, по которому они проходили, был, как Барт замечал впоследствии, «самым живописным и пленительным» из всех, какие он когда-либо встречал. Слегка холмистую местность покрывала богатая растительность. На деревьях, вспоминает Барт, обитало бесчисленное множество птиц, преимущественно яркого оперения. Чем ближе подходили к Кано, тем более впечатляющими становились рассказы спутников об «африканском Лондоне», так что Барт испытывал величайшее волнение, когда приближался к месту, которое давно с магической силой притягивало его.

Когда он в начале февраля прибыл в Кано, позади уже был год напряженной и полной лишений жизни в пустыне, но теперь, когда цель была достигнута, тягостные воспоминания растаяли.

Однако вызванная успехам радость не могла рассеять тревогу о будущем, усугубляющуюся крайне тяжелым финансовым положением экспедиции. Барт пишет: «Стоянка в Кано была для нас важна не только в научном, но и в материальном отношении. Вместо того чтобы снабдить наличными деньгами, в Мурзуке нам вручили товары, представив все так, будто для нас это не только безопаснее, но и несравненно выгоднее. Первое было правдой, однако второе не соответствовало истине... Вследствие постоянных вымогательств, которым мы подвергались на пути в Аир, и длительного пребывания в тех местах весь наш запас мелких изделий, за которые можно было при продаже или обмене легко и быстро приобрести то, что нам требовалось, иссяк. У меня сохранилось лишь немного не представляющих ценности товаров, посланных предварительно в Кано с Синглуной, торговым агентом

Аннура. Вся их стоимость при выгодном сбыте могла составить 500 тысяч курди, или 200 испанских талеров». Из этой суммы следовало оплатить долг в 112 300 курди за аренду помещения, транспортные расходы и приобретенные в кредит подарки, стоимость которых кредиторы требовали вернуть. Кроме того, согласно обычаям, наместнику Кано полагалось преподнести ценный подарок. Тем более ошеломляющим было сообщение, что цены на посланные с агентом товары резко упали.

«Мое положение было тем более неутешительным, — продолжает Барт, — что уже одно название этого места с давних пор волновало мое воображение и я с величайшим нетерпением ждал возможности посетить Кано. Я и в самом деле был несколько обескуражен, и отчасти из-за тревоги и забот, отчасти из-за недостатка движения (Барту не разрешалось до аудиенции у наместника покинуть свое жилье. — В. Г.) у меня через несколько дней начался сильнейший приступ лихорадки, приковавший меня к моей жесткой постели и лишивший за короткий период почти всех сил...

К счастью, я еще не растратил душевных сил и смог заставить себя подняться на ноги и последовать приглашению на аудиенцию, назначенную у наместника на 18 февраля. Пожертвовав немногими еще сохранившимися ценными вещами, я расчистил себе путь к дальнейшему продвижению. Кроме того, усилие, сделанное над собой, чтобы нанести визит, сыграло свою положительную роль, как это обычно со мной бывало, в преодолении слабости: я после этого начал выздоравливать. Расстояния между домами в Кано весьма значительны, что делает его похожим на крупнейшие европейские столицы, а церемониал, соблюдаемый при аудиенции, отнюдь не уступает европейскому своей утомительностью».

После аудиенции Барту было разрешено ознакомиться с городом. «Верхом, — говорит Барт, — мы изъездили вдоль и поперек все жилые кварталы; сидя в седле, я мог наблюдать самые разнообразные сцены из здешней жизни: спокойный уют и семейное счастье, тщеславное расточительство и отчаянную нищету, оживленную деятельность и вялую леность; здесь — кропотливый труд ремесленников, там — крайняя инертность.

Передо мной раскрывались все стороны жизни города — на улицах, рыночных площадях, в самих домах. Это была великолепная картина маленького, обособленного мира, внешне совершенно отличного от того, что мы привыкли наблюдать в европейских городах, и все же во многом очень на них похожего. Здесь можно было встретить ряды лавок, заваленных местными и иноземными товарами, а в них — покупателей и продавцов любого облика, всех оттенков кожи и в разнообразных одеждах. Все они преследовали одну цель: обманом получить хоть небольшую прибыль. Рядом в тени виднелась лачуга наподобие загона, набитая до отказа полуголыми и полуголодными рабами, оторванными от родины, жен или мужей, от родителей или детей; их, как скот, выстроили в ряд, а они в отчаянии уставились на покупателей, боязливо ожидая, в чьи руки попадут, куда занесет их судьба. Другая часть лавок была заполнена всякого рода предметами первой необходимости; богач мог найти здесь все, что душе угодно, а бедняк заглядывал сюда ненадолго, не сводя глаз с куска сухого хлеба, который мог бы утолить его голод».

В начале XIX века, после переселения торговцев из Кацины, Кано экономически окреп и ко времени прибытия Барта насчитывал около 30 тысяч жителей; это число в период самой оживленной торговли (с января по апрель) почти удваивалось. Кано приобрел

известность не только как торговый центр, но и как город развитого ремесла. Здесь осуществлялась переработка Местного сырья, но прежде всего изготавливались изделия из хлопка, которые затем окрашивались, по словам Барта, при помощи индиго собственного производства. Среди других видов готовой продукции, производимой в большом объеме, следует упомянуть сандалии и другие мелкие кожаные изделия.

Главной внутриафриканской статьей торговли была соль. Из Европы ввозились английский набивной ситец, французский шелк, саксонское красное сукно, венецианские стеклянные украшения, нюрнбергские игрушки и галантерея, золингенские лезвия и марсельский сахар.

Огромное значение имело производство продуктов сельского хозяйства. Земля в провинции Кано была чрезвычайно плодородна. Урожая зерновых культур хватало не только для собственных нужд, но и для вывоза за границу. Однако здесь, в этом крупном торговом центре, Барта поразила страшная нищета. Он не ограничился лишь констатацией противоречий между богатством и бедностью, а подверг это положение резкой критике. Господствующие классы Пруссии усмотрели в ней осуждение обстановки в собственной стране, и Барт впоследствии ощущал на себе их неудовольствие.

Экспедиция находилась в Кано немногим больше месяца, как раз время наибольшего подъема торговли, и у Барта было достаточно возможностей изучить эту сторону жизни города. От прибывавших со всех концов Судана торговцев он мог собрать важную информацию о состоянии дорог в стране, сослужившую большую службу в дальнейшей работе экспедиции. Дорога, ведущая из Сокото в легендарный город Томбукту, пробудила в нем особый интерес, и отныне намерение побывать также и в этом городе не давало ему покоя.

Однако необходимо было сначала решить текущие проблемы, из которых главной была денежная. Чтобы выплатить долги, ему пришлось продать последнее, что у него было. Но как осуществить запланированное путешествие в Борну без денег? Без них нельзя было ни купить необходимый провиант, ни нанять проводников и слуг. И тут, к величайшему его удивлению, пришла неожиданная помощь. Наместник Кано передал в его распоряжение 60 тысяч курди, что равнялось всего 24 испанским талерам и составляло лишь треть стоимости подарков, которые Барт собственноручно вручил в Кано, и тем не менее благодаря им экспедиция могла существовать. Были куплены верблюды, и 9 марта караван отправился в путь. Барт, страдавший от лихорадки, должен был собрать все силы, чтобы вновь пуститься в дорогу, в неизвестность. «Путешественнику, — писал он, — приходится не (раз сталкиваться с трудностями и множеством забот, если он решил покинуть место, где останавливался на более или менее длительное время, ибо все хлопоты, связанные с отбытием, ложатся тяжким бременем лишь на его собственные плечи и со всех сторон ему пытаются чинить бесконечные препятствия. Мое состояние, когда в воскресенье 9 марта 1851 года я собрался покинуть Кано, было особенно тревожным. Не было попутного каравана, а дорога была небезопасна из-за возможного нападения грабителей, у меня был лишь один слуга, на которого я мог положиться и который был мне по-настоящему предан. К тому же я за день до этого настолько плохо себя чувствовал, что не мог встать с постели. Однако уверенность в своих силах ломает все преграды на пути к цели, а у меня она была, и поэтому я торопился покинуть тесные, грязные глиняные стены и вырваться на волю с тем же восторгом, с каким улетает из клетки птица».

Дорога вела на восток через возделанные, плодородные земли. Караван был невелик: Барт, верный Гатрони и двое слуг с четырьмя верблюдами. Теперь они шли в Кукаву — резиденцию правителя Борну. Надо было осилить еще около 600 километров. 15 марта стало поистине счастливым днем: повстречавшийся араб, шедший из Мурзука с небольшим караваном, вручил Барту пакет. В нем оказались письма от друзей и родных — наконец-то восстановились прерванные связи с родиной, отсутствие которых воспринималось очень болезненно. Отрадно было знать, что тебя не забыли и что за экспедицией следят с большим интересом и доброжелательностью. С удовлетворением Барт готов был принять небольшое пособие от прусского короля. Для экспедиции выделялись также товары стоимостью 100 фунтов стерлингов, которые, однако, еще находились на пути в Кано. Барт воспрянул духом, и Дальнейшее путешествие проходило веселее. Но скоро его радость омрачилась: отряд всадников, который шел им навстречу из Кукавы, принес весть, что около 20 дней назад на расстоянии четырех дневных переходов от Кукавы, в Нгуру, от полного истощения скончался Ричардсон.

Барт немедленно отправился к месту кончины своего спутника, чтобы разузнать подробности и обеспечить сохранность экспедиционного имущества.

Нгуру пришла в полный упадок. Трудно было поверить, что на месте этих развалин находился когда-то цветущий город. Ричардсон прибыл сюда вечером 28 февраля, а на следующий день его не стало. Томимый невыносимой жарой, полностью его истощившей, он не мог и думать о предстоящих еще более тяжелых испытаниях, подстерегающих его в малярийных болотах у озера Чад. Ричардсон уже давно охотно вернулся бы в Триполи, но не было попутного каравана. Теперь его караван, лишившись руководителя, ушел дальше, в

Кукаву. При сложившихся обстоятельствах Барт вынужден был взять на себя руководство экспедицией и ответственность за нее. Он надеялся, что английское правительство не заставит слишком долго ждать с официальным утверждением его в этой должности.

В Кукаве — «африканской родине»

2 апреля Барт достиг столицы государства Борну — Кукавы. За последние почти 30 лет, с тех пор, когда Клаппертон, Денэм и Аудни, определяя направление течения Нигера, дошли до этих мест, ни один европеец не побывал в Кукаве.

Вазири, правитель, с которым Барт познакомился в день приезда, был настроен весьма дружелюбно, и шейх, давший ему вскоре аудиенцию, вел себя в высшей степени гостеприимно^[17]. Правда, Барта очень огорчило тогда, что участники экспедиции из группы Ричардсона потребовали жалованья. К счастью, сохранились записи самого Ричардсона о выплатах, а также его дневники.

Кукава была настоящей столицей, в которой жизнь была ключом. Со стороны казалось, что все ее сотысячное население постоянно в пути. Сборным пунктом служил рынок, где покупателей ждало изобилие товаров.

Под жильё Барту выделили вместительный, наподобие загородной виллы дом из сырцового кирпича. Хотя стены для защиты от паразитов хозяева совсем недавно обмазали коровьим навозом, недостатка в клопах и в блохах не было. Особенно мучили большие муравьи, прожорливость которых не знала границ. Овервег еще не прибыл, так что у Барта было время для обработки своих записей. Он почувствовал новый прилив сил. В Кукаву он пришел почти нищим и бесправным — не было ни денег, ни официальных полномочий, что ставило его прямо-таки в безвыходное положение. Неожиданно вазири предоставил ему большую ссуду, избавив тем самым от тягостных финансовых забот, что обеспечило возможность продолжить работы экспедиции. Хотя этот поступок в значительной мере

был проявлением личной симпатии вазири, все же здесь не последнюю роль сыграли сила убеждения и добрая слава о Барте, которая всюду шла впереди него.

Он не терял зря времени и прежде всего задался целью осуществить измерения на западном берегу Чада. Когда шейх Омар 23 апреля предпринял экскурсию в Нгорну и к берегам озера, Барт с радостью примкнул к его свите. У озера Чад он, однако, попал в край болот, и у него не было возможности не только двигаться дальше, но даже и взглянуть на открытый водоем, не говоря уж о том, чтобы начать намеченные работы. Волей-неволей, он вынужден был вернуться в Нгорну, найти знающих местность проводников, которые привели бы его в конце концов к цели.

Теперь перед ним простиралось огромное внутриматериковое море, куда устремлялись водные массы реки Шари, берущей начало в девственных лесах выше экватора, и воды реки Комадугу. Впечатление от зрелища огромного водного пространства и бесчисленного множества водоплавающей птицы было захватывающим. Сделав ряд набросков и записей, Барт 27 апреля вернулся в Кукаву, успев передать с уходящим караваном важные сообщения английскому правительству. Он внес предложение о передаче ему после смерти Ричардсона руководства экспедицией и просил не медля переслать ему деньги для уплаты долгов.

Овервег все еще не прибыл, и Барт продолжал лихорадочно работать. Он задумал подготовить экспедиции в южные области Судана, намереваясь посвятить в эти новые замыслы Овервега, и продолжал одновременно интенсивную научную деятельность по систематизации собранного материала. За эти недели появились географические схемы, материалы исторического Исследования государства Борну и наброски словаря языка канури — все это и по сей день

служит основой исторических знаний о развитии этого государства.

В то время как на западе Судана распалось великое государство Сонгай, Борну находилось на вершине расцвета. Даже когда в начале XIX века его западные соседи были разгромлены нападшими на них фульбе, Борну сумело остановить их победное шествие. Правда, это было заслугой не султана Ахмеда, а Факи Мухаммеда аль-Амина Эль-Канеми, одержавшего победу над завоевателями в битве при Нгорну и освободившего захваченные фульбе территории. После смерти султана в 1810 году на трон вступил его сын Дунама, однако власть была уже в руках предводителя войска Эль-Канеми, победившего в конце концов слабую династию Сефува и основавшего новую династию с резиденцией в Кукаве.

Когда шейх Эль-Канеми в 1835 году скончался, преемником стал его сын Омар, впоследствии покровитель Барта. К сожалению, сын Эль-Канеми не унаследовал сильной натуры своего родителя. Ему не доставало энергии отца, чтобы задержать распад великой державы. С подозрением следил его младший брат Абд ар-Рахман, как рвется к власти тщеславный вазири Хадж Бешир. Для сохранения династии он готов был совершить дворцовый переворот и свергнуть брата. Скрытый конфликт между братьями, правда, ко времени прибытия Барта был еще раз улажен, однако внутренняя неустойчивость ослабила внешние границы государства, в результате чего участились нападения извне.

7 мая Овервег наконец прибыл в Кукаву, так что Барт мог начать запланированное путешествие в не исследованное донныне Адамава, расположенное к юго-востоку. В 1817 году правитель фульбе Мухаммед Белло стал сюзереном и в этой отдаленной провинции. Его наместник Адама в 1841 году основал здесь столицу Иола и бдительно охранял ее границы, которым, как ему

казалось, угрожает соседствующее с Адамава Борну. Поэтому Барт, прибывший из страны его противника, не мог не вызвать подозрение у эмира. Барт знал, что идет на риск, но и это не удержало его от намерения направиться во главе небольшой группы на юг. Овервег тем временем должен был посвятить себя исследованию Чада.

Во власти новых открытий

29 мая, до того как вновь пуститься в путь, Барт решил предпринять еще одну попытку поправить финансовое положение экспедиции, переслав советнику Британского африканского общества д-ру Бику негодующий рапорт: «Смерть г-на Ричардсона вызвала резкий поворот в дальнейшей деятельности экспедиции. Мы, бедные немцы, вынужденные обходиться жалкими средствами (всего 200 фунтов стерлингов), которыми нас снабдило правительство, мы, жертвовавшие всем своим имуществом, не говоря уже о жизни, рассматривались не как полноправные члены экспедиции или хотя бы как люди определенного общественного положения, а почти как слуги. В довершение ко всему смерть г-на Ричардсона не только приостановила на некоторое время работу экспедиции, но и угрожала полным ее крахом... Члены экспедиции, вместо того чтобы заняться подготовкой к путешествию в район озера Чад, охвачены отчаянием, всем захотелось вернуться домой. Экспедиция не получила ожидаемого денежного пособия, а долги растут — уже накопилось 300 долларов (и это только жалованье прислуге). Поэтому, чтобы поддержать авторитет правительства, от имени которого мы путешествуем, я счел своим долгом пожертвовать личными деньгами, дабы расплатиться с частью долгов, которые числились за начальником экспедиции, хотя он и мне задолжал 91 доллар».

Путь Барта в Адамава пролегал через плодородные равнины и труднопроходимые кустарниковые заросли. Караван то и дело настигали ураганы, грозы и ливневые дожди, превратившие даже маленькие ручьи в бурные реки. После ливней наступала жара, и земля со всей

пышной растительностью превращалась в тропическую теплицу. Путешествовать через эти земли было отнюдь не безопасно. К счастью, шейх Омар дал им в провозятые хорошо знакомого с местностью офицера по имени Биллама, пользовавшегося у коренного населения большим авторитетом.

После четырехдневного похода Барт пересек пограничную зону между Яримари, последним пунктом государства Борну, и Убой, первым городом Адамава, и ступил на землю фульбе, на которой Иола, крайний южный провинциальный центр, и был его целью. Как ему сообщили, город расположен у многоводной реки. Барт терялся в догадках, что это за река: Чадда, которая, по сообщениям спутника Клаппертона Ричарда Лендера (1804–1834), связывала озеро Чад, откуда она берет начало, с Нигером, или же это Бенуэ, которую уже давно безуспешно искали? Барт поставил себе задачу по мере сил внести ясность в неизученную речную систему в зоне экватора.

Сначала необходимо было проложить дорогу дальше на юг. Здесь, в «районах, населенных язычниками», Барт столкнулся с беспощадным угнетением местных трудолюбивых народов, живших в постоянном страхе перед мусульманскими работоторговцами. В районе, населенном марги, он увидел опустошенные земли, «жители которых были насильно угнаны в рабство или обращены в ислам... Край этот, — писал Барт, — являл собой печальную картину разорения. Перед нами был густой лес, а в нем то тут, то там попадались поля, которые когда-то обрабатывались, а теперь были покинуты, разрушенные хижины... Небольшой изолированный клочок земли был расчищен от леса для посадок сельскохозяйственных культур — это свидетельствовало о том, что коренные жители были бы весьма трудолюбивы, если бы с ними обращались по-человечески...».

Увлеченный поисками водоемов, Барт быстро продвигался вперед. Все больше стало появляться признаков крупной речной системы. И было очевидно, что небольшие реки, вместо того чтобы течь на север, как это имело место до сих пор, направлялись на юг, к неизвестной Барту цели.

18 июня суждено было стать одним из самых счастливых дней в жизни ученого. Он поднялся очень рано. «Было прекрасное утро, — вспоминает Барт, — после бурной ночной грозы природа дышала свежестью. Настроение было приподнятое — я предавался восторженному предчувствию близкого триумфа. Ведь сегодня мне суждено увидеть реку, заветную цель моих исследований, о которой я был столько наслышан и к которой я так жадно стремился.

На близость величественной водной артерии указывало в первую очередь большое количество высоких муравейников, встречающихся обычно в соседстве с реками. Муравьи возводят здесь замечательные... сооружения или, скорее, непрерывную цепь сооружений».

Вскоре Генрих Барт был уже на берегу Бенуэ, а именно на месте слияния ее с рекой Фаро. Он открыл, таким образом, естественный путь, ведущий от Гвинейского залива в Центральную Африку. В дневнике этот счастливый час описан следующим образом: «Тот, кто когда-либо в своей жизни предавался безудержным фантазиям и юношеским мечтаниям, вынашивая грандиозные замыслы, без труда может себе представить, какими чувствами я был обуреваем, когда с берега реки окидывал взором раскинувшийся внизу ландшафт. Меня обуял восторг при виде этой щедрой земли. В первозданном величии, не тронутый рукой человека, предстал перед нами край изобилия — поле деятельности будущих поколений... Восхищенный, я еще

долго любовался рекой; это было одно из самых счастливых мгновений в моей жизни».

Через реку, ширина которой в этом месте составляла около 900 метров, переправлялись группами на маленьких лодках. Бенуэ течет с востока на запад и впадает в Нигер. Братья Лендер в 1826 году добрались как раз до этого места. Барт охотно задержался бы здесь, однако экспедиция звала к новым рубежам: надо было идти в Иолу — столицу Адамава, но там Барта ждало сильное разочарование.

Несговорчивый, деспотичный властелин этих мест отказал ему в приюте. Барт пробыл в городе всего несколько дней и вынужден был покинуть его (кстати, расположенный около 9 градусов северной широты, он стал самым южным пунктом экспедиции Барта). Здесь ученый пострадал из-за разногласий между Борну и Адамава. Наместник Адамава и прежде не выказывал особого дружелюбия, но, когда провожатый Барта Биллама, выполняя официальное поручение своего шейха, вручил ему послание, в котором тот требовал себе территорию в спорных пограничных районах, он пришел в бешенство. Возможно, Барту была отведена в этом деле определенная роль, поскольку он как представитель великой иностранной державы, поддерживавшей с Борну дружественные отношения, должен был придать требованию шейха еще большую силу. Поэтому он вынужден был покинуть Иолу и ее окрестности, так и не ознакомившись с ними. Об этом незнакомом регионе он узнал очень мало — лишь то, что Адамава относится к самым живописным и к самым плодородным землям Судана, а также и то, что здесь находился один из Центров работорговли, рабы были главной статьей экспорта и важнейшим источником дохода, в то время как ремесло было развито слабо.

Невзирая на возобновившуюся лихорадку, которая сопровождалась приступами слабости, 24 июня 1851

года Барт отправился в обратный путь и в середине июля, совершенно обессиленный, он прибыл в Борну, где на его «африканской родине» — в Кукаве — ему был устроен теплый прием. Впоследствии Кукава все чаще становилась отправным пунктом в его дальнейших научных путешествиях.

Тем временем наконец-то прибыли предназначенные для экспедиции товары на сумму 100 фунтов стерлингов. Однако, поскольку все товары не удалось сбыть по их реальной стоимости, полученные после реализации средства не смогли должным образом пополнить казну экспедиции. Но радость Барта от того, что он открыл реку Бенуэ, не давала ему впасть в уныние из-за неудачи с деньгами.

Оставалась нерешенной задача по изучению территории вокруг озера Чад, и для этого он наметил путешествие в расположенную севернее этого озера степную местность Канем. Тем временем после успешных изысканий вернулся Овервег. Передвигаясь на лодке по озеру Чад, он обнаружил там ряд островов и произвел важные обмеры и обследования. Отныне друзья решили проводить новые мероприятия сообща. Но сначала не мешало хотя бы месяц отдохнуть, ибо впереди их ждали не менее тяжкие, чем прежде, испытания и новые опасности. Населяющие к северу от озера Чад земли канембу, равно как и южные горные народы, враждовали между собой, и путешественникам грозила опасность быть втянутыми в военные столкновения.

11 сентября можно было снова трогаться в путь. Барт направился в Канем. Вначале, чтобы постепенно привыкнуть к перегрузкам, дневные переходы они делали относительно короткими: за пять дней прошли лишь 80 километров. Шаг за шагом, постепенно они проникали в тайны земель, лежащих вокруг озера Чад. Продвигаясь вдоль западного берега на север,

небольшая группа взяла курс на Канем. Все непроходимее становилась местность, все больше было неожиданностей и сильнее опасность нападения хищников. Однако путь их был не лишен и радости. Так, встречи ученых с канембу, трудолюбивой, дружелюбной) негритянской народностью, оказались очень сердечными. Жители этой несчастной земли, постоянно подвергавшиеся набегам, прекрасно отличали друзей от врагов. Превосходящей силе борнуанской знати, лишавшей их имущества и жизни, они сдались не без боя.

На земле кровавых столкновений! нет места ученому. Дальнейшее проникновение в Восточный Канем стало невозможным — экспедиция повернула обратно и 14 ноября 1851 года была уже в Кукаве. Барт и Овервег могли с удовлетворением подвести итоги проделанной работы. Были нанесены на карту обширные районы не исследованных ранее земель; описан ряд рек, вливающихся с севера и северо-востока в озеро Чад; собрана информация по истории земель, через которые они проходили; заложена основа для будущих словарей языков канембу и вадаи.

Ужасы работорговли

Генрих Барт не позволял себе отдыхать. Как только ему удавалось более или менее восстановить силы, он отправлялся в дорогу. Прошло лишь десять дней, как экспедиция вернулась в Кукаву, а Барт уже примкнул к военному походу борнуанцев в неисследованный район, населенный племенем музгу. У него установились хорошие отношения с шейхом и его вазирями, что давало ему в походе некоторые преимущества и удобства. Вечерами они собирались в узком кругу и обменивались впечатлениями, несмотря на то что «охотники за рабами» и ученые относились к противоположным слоям общества. Во время таких бесед Барт не упускал возможности убеждать властителей Борну отказаться от

работорговли — этого варварского ремесла. Если не согласны, уговаривал он их, оставить кровавые дела из соображений гуманности, надо сделать это хотя бы в интересах экономики. Транспортное использование реки Бенуэ позволит установить связь с Атлантическим океаном и Европой, и в итоге экономический подъем страны — а он зависит как раз от применения рабочей силы населения — принесет большую выгоду, чем работорговля. В приводимой, аргументации Барт выражал взгляды либеральной промышленной и торговой буржуазии викторианской эпохи, и, будучи гуманистом, он руководствовался в своих поступках человеколюбием.

С начала XIX века для передовых капиталистических государств работорговля потеряла свое экономическое значение, так что можно было бы позволить довольно громко и последовательно призывать к борьбе с рабством из «гуманных» побуждений.

В эпоху первоначального накопления капитала, разумеется, не отмечалось подобной щепетильности. Торговля людьми была в высшей степени прибыльна и служила интересам промышленной революции. Португалия положила начало работорговле уже в середине XV века. В 1562 году этим кровавым ремеслом занялась Англия и вскоре так преуспела в нем, что превзошла своих конкурентов. Главными покупателями «живого товара» были американские плантаторы. В одни лишь английские колонии с 1680 по 1780 год было насильно увезено не менее 2,5 миллионов человек. Беспощадная торговля людьми привела к истреблению населения и опустошению обширных районов Африканского континента, причем это относилось и к государствам, которые до вторжения колонизаторов отличались развитой самобытной культурой. По неточным данным, Африканский континент потерял вследствие работорговли и охоты за рабами около 75

миллионов человек^[18]. Эта цифра ложится страшной виной на европейские колониальные державы. Владельцы судов за перевозку «живого товара» получали высокие прибыли. Раб, купленный в Африке приблизительно за 50 долларов, в Европе стоил по меньшей мере в 8 раз дороже. Так что смерть раба на невольничьем корабле из-за бесчеловечного обращения не приносила большого урона. Убыток заранее включался в продажную стоимость оставшихся в живых рабов. О размерах торговли людьми можно судить хотя бы по следующим цифрам: в 1800 году только британских моряков, занимавшихся этим «ремеслом», насчитывалось 18 400 человек, 25 процентов всех кораблей, причаливавших в Ливерпуле, были невольничьими.

Рабство и рабовладение отнюдь нельзя считать «достижением» европейских стран, экспортированным ими на Африканский континент. Уже в древности воевавшие между собой африканские племена брали пленных для продажи. Арабы же, господствовавшие приблизительно с 800 года на обширных землях Северной Африки, усовершенствовали торговлю невольниками и невольницами, пользовавшимся большим спросом в качестве солдат, слуг и для пополнения гаремов. Были также случаи, когда рабы-негры насильно увозились в Западную Европу. Однако все это не шло ни в какое сравнение с практикой европейских колониальных держав. Лишь развивавшийся капиталистический рынок мог стать экономической основой для экстенсивной и интенсивной эксплуатации рабского труда. При этом, как и прежде, часто массы рабов привозились и в те районы, где капиталистический способ производства вообще отсутствовал или находился еще в зародыше, подвергаясь там жестокой эксплуатации. Так, сотни

тысяч африканцев были проданы в Египет, Южную Аравию, Ирак, Иран, Афганистан и другие страны.

С конца XVI века главным «предметом» торговли с Африкой было уже не золото, а «черная слоновая кость». Правда, европейские работорговцы не принимали непосредственного участия в опасной охоте за рабами в глубине континента. Для этого они нанимали вождей прибрежных племен, которые в качестве вознаграждения за пленников получали разные дешевые товары и спиртное. «Экспортерами» рабов «высокого класса» были властители обширных территорий в Западной Африке. Разграбление своих собственных государств, а также многочисленные военные походы против соседей приводили к тому, что в их руки попадало большое число пленных, продажа которых приносила им огромные прибыли.

С развитием капиталистической экономики работорговля перестала приносить желаемую прибыль и в конце концов превратилась в тормоз на пути ее дальнейшего развития, поэтому британское правительство ее сначала (1807 год) запретило на вест-индских плантациях, а потом (1834 год) и во всей империи. Ведущие европейские государства присоединились к запрету и договорились о принятии совместных соглашений, направленных против рабства. В основе этих изменений лежали не только законы экономического развития, но и факторы политического, идеологического и социального характера. Так, большую роль в ликвидации рабства сыграла французская буржуазная революция конца XVIII века. И хотя ни Декларация независимости, ни Конституция молодых Соединенных Штатов не провозглашали освобождение рабов-негров, они все же объективно положили начало тому движению, в котором демократические силы в борьбе против рабовладельческой системы эксплуатации одержали полную победу.

Теперь британский флот не жалел сил, чтобы завладеть на африканском побережье невольничьими кораблями, принадлежавшими малочисленным народностям, и тем самым укрепить британское владычество в Западной Африке. Если в XVIII веке работорговля была чрезвычайно прибыльным делом, то сделка, последовавшая за ее запретом, давала еще большую выгоду: до тех пор пока имела место торговля рабами, которых можно было добыть в прибрежных районах, не было необходимости проникать в глубь континента. Так с концом работорговли началась эпоха колониальных завоеваний и территориального раздела Африки.

Барт прекрасно сознавал трудность сложившейся ситуации, когда он волей-неволей должен был сохранять лояльность по отношению к местным работорговцам. «Позади интересный дневной переход, — записал он 28 декабря, — давший нам новые важные сведения о народе и земле этого региона, однако мы, к великому нашему огорчению, не могли пройти через эту прекрасную местность как мирные путешественники, каковыми мы на самом деле и являлись, а вынуждены были искать общества этих беспощадных и кровожадных охотников за рабами, проявлявших полное безразличие к красотам этой земли и к спокойному счастью его обитателей и пекшихся лишь о том, чтобы похитить последних и таким образом обогатиться».

Став свидетелем страшной жестокости во время охоты за людьми, Барт с содроганием отмечал: «Сегодня днем поймали много рабов, а вечером, после вооруженного столкновения, в котором пали трое борнуанских всадников, к ним еще добавили значительное число. В целом за этот день будто бы захватили 1000 рабов, во всяком случае, не менее 500 человек. Взрослые мужчины были беспощадно

истреблены, точнее, они истекли (Кровью после того, как им отрубили ногу». Особенно ужасно было вечером, когда начали делить добычу и маленьких детей безжалостно вырывали из материнских объятий.

Кровь, бедствия и опустошения — таковы были результаты военного похода, в котором участвовало около 10 тысяч человек. 1 февраля они вернулись в Кукаву с 3 тысячами несчастных рабов.

В тупике

Барт не находил себе места, поскольку район восточнее озера Чад все еще не был исследован. Полный решимости опять попытаться проникнуть в эти области, он наметил себе новую цель, а именно Масенью — столицу мусульманского государства Багирми. Местный султан, покорив на юге Судана племена, жившие еще родовым строем, укрепил тем самым свою власть. Исследование Багирми имело для Барта не только историческое и этнографическое, но и географическое значение. Он хотел разведать речную систему, дабы продвинуться в решении вопроса, существует ли связь между рекой Шари, ее притоком Логоне и рекой Бенуэ. Такой водный путь имел бы величайшее транспортно-географическое значение, так как соединил бы область озера Чад с Атлантикой.

Чтобы раздобыть для экспедиции необходимые средства, Барт продал из своего имущества все, без чего можно было обойтись. Отправившаяся 4 марта 1852 года группа являла собой жалкое зрелище. Барта сопровождали лишь двое слуг. Скромное оснащение везли лошадь и верблюды.

В середине марта группа достигла реки Логоне (ширина около 400 метров) — первое значительное препятствие на пути. Однако естественные преграды преодолеть было гораздо легче, чем те, что чинились местными властями.

Султан Багирми в это время находился в военном походе, а его наместники усмотрели в чужестранце опасность для осиротевшего трона. Без специального предписания из столицы они отказывались дать согласие на дальнейшее продвижение экспедиции. Эта и другие вынужденные задержки катастрофически

сказались на и без того скудной кассе. Все «имущество» Барта тогда состояло из 1 испанского талера, небольшого запаса стеклянных бус, нескольких зеркал и довольно большого набора швейных игл. Особенно его выручали иглы, пользовавшиеся большим спросом у населения. Они шли в обмен на еду, всевозможные услуги; благодаря им экспедиция с трудом, но все же сводила концы с концами.

Никакие ухищрения властей не в состоянии были удержать Барта на месте — он рвался дальше, вперед. Его даже связали и с 19 апреля в течение четырех дней держали в заточении в полном неведении о его дальнейшей судьбе. В конце концов ему разрешили переправиться через Шари. Здесь на память Барту пришли предостережения шейха Омара в том, что он не должен переходить эту естественную границу. Но неистовому исследователю страх был неведом, и уже 27 апреля 1852 года Барт стоял перед воротами Масеньи — столицы Багирми. И тут не обошлось без затруднений. «Мне не было суждено, — пишет он в дневнике, — беспрепятственно пройти через ворота в священной стене, опоясывающей пришедшую в полное запустение столицу: после того как я известил наместника о своем прибытии, мне пришлось ждать у ворот больше полутора часов, и это при полном отсутствии тени и нестерпимой жаре. Унизив меня таким образом, мне позволили наконец со своей скромной свитой вступить в город».

Свобода передвижения Барта была ограничена территорией города, но и в его пределах он подвергался постоянной слежке. Поскольку пребывание здесь вновь затянулось на несколько недель, а о возвращении султана ничего не было слышно, Барт решил не терять больше времени и отправиться в обратный путь. Однако и это ему не позволили. До возвращения султана ему запретили покидать Масенью. Так что волей-неволей

пришлось ждать. Каким опасным было для него это ожидание! О том, с какой недоверчивостью относились к нему местные власти, говорит следующий инцидент. Вследствие сильной засухи погибли травы и посевы. Надежды на дождь не оправдались. В рамках запланированных метеорологических исследований Барт около своего жилья вел наблюдения за погодой. Это вызвало страшные подозрения. 21 июня, когда он сидел дома, занятый научной работой, к нему явился посыльный и от лица наместника спросил, «правда ли, как утверждает молва в городе и как передают ему люди, что, когда собирается гроза и небо покрывается облаками, он выходит на улицу и приказывает облакам рассеиваться... люди не раз замечали, что стоит гостю взглянуть своим повелевающим оком на облака, как те проносятся мимо, не проронив ни капли...».

Барт просил передать наместнику, что «ни один человек не в силах никакими заклинаниями или молитвами вызвать дождь или отменить его», и, не удержавшись, добавил, что если наместник считает, будто его, Барта, присутствие в стране приносит несчастья, «то ему позволят удалиться, и тогда он будет днем и ночью непрерывно молиться о дожде», в то время как теперь он «никак не заинтересован в обильных осадках, поскольку опасается половодья, которое отрезало бы ему обратный путь».

Ответ не заставил себя долго ждать. Наместник недвусмысленно дал понять Барту, что по аналогичному поводу не так давно были казнены двое видных религиозных вождей из города Биддери и что его вполне может постигнуть та же участь. После этого Барт решил на время прекратить свои метеорологические наблюдения.

Однако сидеть без дела он не мог и постарался расширить круг знакомств, что способствовало углублению его знаний. Так, он встретился с Факи

Замбо — слепым стариком фульбе, отличным знатоком не только арабской литературы, но и античности. В прежних своих многочисленных путешествиях он приобрел весьма обширные знания, и его сведения были для Барта чрезвычайно интересны и полезны.

3 июля объявили, что прибывает султан. Барт описывает церемонию встречи: «Около 9 часов утра войско стало приближаться к южной части города. Бросались в глаза необыкновенная пышность и варварская роскошь, однако свиту никоим образом нельзя было назвать многочисленной; она ограничивалась лишь воинами, постоянно живущими в столице, — прочие уже разошлись во все стороны по домам. Вследствие этого войско насчитывало лишь 700–800 всадников, но мой друг, шериф Слиман, заверил меня, что после окончания военных действий их было по меньшей мере 2 тысячи.

Шествие возглавлял верхом на лошади кадаманге (высокопоставленный придворный чиновник. — В. Г.), окруженный всадниками. Перед султаном, также верхом, гарцевал военачальник — второе лицо в государстве. Султан в желтом бурнусе восседал на серой лошади. Голова его едва виднелась среди голов многочисленных окружавших его всадников. С двух сторон рабы несли два зонта. Шесть рабов, у которых на правой руке были железные наручи, обмахивали его лицо страусовыми перьями, закрепленными на длинных шестах; на некотором расстоянии от него верхом следовали вожди племен, в то время как гелетма^[19] и другие знатные люди страны находились справа от него. Вся группа двигалась в таком беспорядке, что невозможно было различить отдельные характерные детали. Непосредственно за этой группой двигался верхом на верблюде барабанщик, демонстрировавший свое мастерство на двух литаврах, прикрепленных к

обоим бокам животного; рядом с ним — трое музыкантов на лошадях.

Разумеется, свита султана выглядела очень эффектно, ярко, демонстрируя варварское величие и обычаи африканских дворов. Однако следовавшая за ними группа отличалась еще большей экзотичностью. Она состояла из 45 выстроенных в ряд любимых рабынь, или наложниц, султана, сидевших верхом на лошадях, в черных хлопчатобумажных одеяниях местного изготовления; к каждой из них слева и справа было приставлено по рабу.

Процессию замыкали 11 вьючных верблюдов. Число пехотинцев также было невелико, так как большая часть разошлась уже по домам. Встречать победоносное войско вышли почти все жители города».

Сразу же по прибытии султан передал Барту свои приветствия, что было добрым знаком. Но еще более важным для Барта, подающим надежду на изменение его дел к лучшему, было сообщение о том, что по дороге к нему скачет посыльный с двумя объемистыми пакетами. Прибыл он 6 июля и привез множество писем и новостей, но... никаких денег. Таким образом, долгожданная почта принесла Барту, с одной стороны, радость, так как в письмах выражалась признательность за его труд, а с другой — разочарование.

Во время поездки по Африке Барт старался не терять связь со своими друзьями и коллегами в Европе. Так, 13 августа 1851 года он послал письмо из Кукавы Александру Гумбольдту, которое тот получил лишь в начале 1852 года. Это письмо обсуждалось Гумбольдтом и географом Бергхаусом (1797-1884) в беседе, которая, с нашей точки зрения, заслуживает особого внимания не только потому, что в ходе ее была дана принципиальная оценка деятельности Барта, но и потому, что ученые, признавая его достижения, не скупилась на критику тех недостатков в работе Барта, которые были следствием

его слабой научной подготовки в точных науках, и особенно в астрономии. Г. Бергхаус писал об этой беседе: «Господин Гумбольдт был, как всегда, необычайно любезен. Мы проследили по карте путешествие Барта из Кукавы до Адамава и т. д. и радовались предприимчивости, железной воле, целенаправленности путешественника, его знанию людей, которое он приобрел, общаясь с представителями африканских народов, благодаря чему он смог завоевать доверие правителей, принадлежавших в силу их религиозных представлений к абсолютно другой, чем мы, сфере воззрений и образования. Мы желали ему и его спутнику Овервегу крепкого здоровья, перенести тропический климат и те опасности, которым постоянно подвергается европеец, находясь под вертикально падающими лучами экваториального солнца. „Что значит, — заметил Гумбольдт, — жить в течение многих месяцев при температуре, которая днем и ночью остается неизменной, я достаточно хорошо узнал, когда находился у реки Ориноко. А в глубине Африки жара еще страшнее. Жаль, очень жаль, — продолжал он после короткой паузы, — что Барт в самой важной предпосылке для всей описательной географии — определении мест — ничего не понимает. Из-за этого отсутствия позитивных фактов география Центральной Африки сильно страдает... Барту нужно было бы следовать моему примеру. При недостатке определений места маршруты Барта, как только с ним расстанется Овервег, повисают в воздухе. Если бы он хотя бы догадался вертикально вставлять в землю палку в полдень и измерять ее тень, как разумно делал малообразованный Кайе в Томбукту! Это могло бы стать исходными данными, пусть даже очень приблизительными, для измерения высоты полюса...

Моим жизненным правилом всегда было: сначала обзавестись изготовленной по достоверным наблюдениям картой для ориентирования. Какой толк в рассказах о царстве природы или о людях, если нельзя выявить место на земле, к которому они относятся, местоположение их в той или иной зоне! Я далек от отрицания заслуг Барта, что уже прежде неоднократно подчеркивал, тем не менее должен воздать хвалу его соратнику Овервегу, так как он умеет определить расстояние от места, где в данный момент находится, до экватора и от любого обозначенного меридиана. У Барта это, к сожалению, не получается. Если бы он хотя бы сделал точные измерения по компасу для наиболее верной ориентации в своих маршрутах и попытался бы определить средний шаг животных, предназначенных для верховой езды на заданном расстоянии, чтобы можно было по этим сведениям сконструировать более или менее точную карту!..“

Когда я заметил, что по скрупулезности исполнения и точности измерения компасом и определений расстояний первое место среди всех путешественников по Африке и Востоку занимает Людвиг Буркхардт и что Барт, вероятно, не был знаком с важными сообщениями о Восточном Судане, собранными этим путешественником, а до него Брауном и Зетценом и после него Лайоном, а также с подлинными первооткрывателями остававшихся очень долго не исследованными глубин Африки — Аудни, Дэнемом и Клаппертоном, ибо Барт в своем письме упоминает лишь Феснеля, Гумбольдт возразил: „То, что он не упоминает вышеназванные имена, вы не должны ставить ему в вину — он просто забыл их привести. Насколько мне известно, Барт перед своим отъездом весьма усердно изучал труды своих предшественников, все прочитал, сам делал или просил других делать для него конспекты и придерживался исторических и лингвистических

взглядов, которые нелегко было оспаривать. Если бы только его немецкий язык был менее тяжел, а периоды в его сложных предложениях менее запутанны (в этом отношении Барта можно сравнить с господином Людвигом Баварским^[20])!.. Вы правы, упомянутые вами трое англичан были первыми, кто открыл ворота в Нигрицию. Чернокожий друг Барта, вазири Борну, придерживается вполне здоровой точки зрения, которую я полностью разделяю: научная экспедиция для изучения глубин Африки должна состоять по меньшей мере из десяти человек. Однако где найти десять ученых, готовых поставить на карту свою жизнь ради цели, которую считает призрачной большая часть наших современников, видящих цель жизни лишь в удовлетворении материальных благ и не рискующих переступить порог собственного дома? Любой же, кто отважится очутиться под лучами африканского тропического солнца, подвергает свою жизнь опасности. Но если бы даже нашлось столько ученых, сколько предлагал вазири, кто из них возьмет на себя расходы по невероятно дорогостоящему снаряжению экспедиции? Для нас это неподъемно; деньги нужны для других, как говорят, более важных дел. Возможно, это и соответствует истине, особенно с тех пор, как четыре года назад ограниченные верноподданные, как выразился жизнелюбивый Рохов или от его имени один из господ действительных тайных советников, осмелились потребовать участия в обсуждении вопросов доходов и расходов демократического кошелька. Допустим, что короля и удалось бы склонить к идее необходимости посылки такой значительной экспедиции в глубь Африки... И вы думаете, что благоразумные палаты, если бы министр финансов предложил им ассигновать полмиллиона для путешествий к чернокожим, станут... благосклонно кивать головами?"

Я рассмеялся и высказал мнение, что подобная экспедиция могла бы быть предпринята только Англией, где стремятся к достижению общей цели — ознакомлению с человеческой цивилизацией — и не упускают из виду напрашивающиеся сами собой практические аспекты в отношении торговли, для осуществления которых по ту сторону канала не жалеют никаких средств. Предпринятая в настоящее время экспедиция Ричардсона, Барта и Овервега ведь тоже была вызвана к жизни этими соображениями».

Особенно важной среди корреспонденции, которую Барт получил в Масенье, была официальная бумага из министерства иностранных дел, в которой его уполномочивали возглавить экспедицию вместо умершего Ричардсона. В ней говорилось: «Вы, таким образом, можете считать себя уполномоченным в осуществлении на будущее руководства экспедиции и избрать тот путь, который Вам по зрелом размышлении покажется наиболее подходящим для достижения общих целей, которые имело в виду Королевское правительство, когда было принято решение об организации экспедиции в глубинные районы Африки. Подробнее об этих целях Вы можете прочесть в первоначальных инструкциях Ричардсону, копия с которых приложена для Вас в качестве руководства».

В данной ситуации у Барта не было другого выхода, как продолжать экспедицию, следуя указаниям британского правительства. Хотя он остался почти без средств, его официальный статус возрос, что в целом несколько облегчило его участь, Бунзен в письме от 5 января 1852 года подчеркнул это обстоятельство, так как знал, как тяжело приходилось Барту при его прежнем статусе: «Вы должны путешествовать по полномочию Англии, так как сможете продолжить и завершить экспедицию только под английской защитой. Я прошу Вас верить в то, что ни в коем случае не продам

Вас Англии и не допущу, чтобы Вам диктовали какие-либо обременительные условия».

Несмотря на красивые слова, Барт не получил от правительства ее величества ни гроша. Тем больше была его радость, когда его верный друг Овервег, который, хотя и испытывал финансовые затруднения, все же переслал ему из Кукавы скромную сумму в 10 туркеди, позволившую ему на некоторое время покончить с нищетой.

Надежда на то, что скоро можно будет двинуться в путь, к сожалению, не оправдалась. Лишь 10 августа он получил разрешение на отъезд и, воспрянув духом, мигом собрался в дорогу.

Шедший ему навстречу Овервег передал приятную весть: прибыл денежный перевод — 400 талеров — частью в немецкой, частью в английской валюте, а это значило, что дальнейшее существование экспедиции на определенное время будет обеспечено.

Правитель Борну и на сей раз был в высшей степени гостеприимен. Ему захотелось даже, чтобы Барт обосновался в Кукаве в качестве постоянного представителя английского правительства. Но поскольку Барт преследовал иные цели, шейх постарался помочь ему хоть чем-то, например снабдил его рекомендательными письмами. Барт, со своей стороны, воспользовавшись радушием правителя, склонил его к подписанию важного для английского правительства торгового договора.

После раздачи всех долгов казна экспедиции значительно сократилась, но зато теперь можно было продолжить путешествие. Как раз в это время судьба нанесла Барту еще один удар: он потерял Овервега. Заболел он 19 сентября, вымокнув до нитки во время охоты на водоплавающих птиц и забыв просушить одежду. Через несколько дней его не стало. Убитый горем и, пожалуй, впервые совершенно

обескураженный, Барт писал: «Я глубоко потрясен... Вечером, вернувшись в город, я нашел свое жилье, которое мой друг, пока я был в Багирми, подновил... опустевшим и крайне печальным. Если у меня и прежде было намерение сделать еще одну попытку добраться до восточного берега озера Чад, то отныне любая задержка в этом деле для меня настолько невыносима, что я решился на немедленный отъезд к великой западной реке, чтобы повидать новые страны и новых людей».

Со смертью Овервега Барт потерял не только преданного, самоотверженного друга, но и замечательного помощника. С ним успешно осуществлялось и оправдывалось разделение труда и обязанностей, наметившееся в самом начале работы экспедиции.

Вскоре Барта захватили новые замыслы, и, как свидетельствует письмо Бунзену (7 октября), он избавился наконец от чувства подавленности и отрешенности. «Вместо того чтобы в связи со смертью моего друга, — писал он, — чувствовать себя сломленным, я ощущаю новый прилив сил. От одного сознания, что вся дальнейшая деятельность здесь будет зависеть от меня, я ощутил в себе исполинскую силу и понял, что могу преодолеть любые преграды. Моим полем сражения станет запад и, если богу будет угодно, юго-запад, первой целью — Томбукту, а второй — Якоба и граничащие с ней на юге области, включая нижнее течение Бенуэ».

Перед отправлением из Кукавы необходимо было весьма скрупулезно, с учетом сложившейся обстановки, определить дальнейший путь экспедиции. Поручение английского правительства можно было считать выполненным: Сахара была пересечена неизвестным до тех пор маршрутом; область озера Чад исследована; желанный торговый договор с султаном Борну заключен;

достигнуто даже больше, чем предусматривалось: в районе Центрального Судана удалось проникнуть в неизвестную до тех пор область Адамава; снова открыть реку Бенуэ [\[21\]](#) и добыть ценные сведения о реках Логоне и Шари, средние течения которых Барт нанес на карту.

По дороге в Томбукту

Смерть товарища не позволила Барту еще раз вернуться на северный берег озера Чад. Как уже было сказано, он отказался от путешествия к восточному побережью Африки и принял решение направиться на запад, что соответствовало и желанию Пальмерстона исследовать области, расположенные по среднему течению Нигера, и завязать здесь при случае торговые отношения.

Текст торгового договора с Борну, а также описание произведенных до того исследований Барт в середине октября отослал английскому консулу в Триполи. Заодно он обратился с просьбой срочно передать ему с нарочным хоть какую-то сумму в Зиндер — следующую стоянку экспедиции.

Выход из Кукавы несколько задержался из-за вторжения туарегов на запад Борну. Когда путь вновь был свободен, 19 ноября 1852 года у шейха Омара состоялась прощальная аудиенция, во время которой Барт должен был сообщить своему гостеприимному хозяину, что ближайшей целью его путешествия будет область расселения фульбе, с которыми Борну поддерживало отнюдь не добрососедские отношения. Хотя ему и удалось убедить Омара, что это решение продиктовано лишь деловыми соображениями и ни в коей мере не должно быть истолковано как недружелюбная акция, Омар все же поставил условие, чтобы экспедиция миновала город Кано.

После 20-месячного пребывания в Кукаве Барт 25 ноября 1852 года простился со своей «африканской родиной». Экспедицию составляла теперь лишь малочисленная группа людей, отважно начинавших новую главу в истории открытия неизведанных земель.

Восемь человек с четырьмя лошадьми и столькими же верблюдами отправились на запад Африки. Особым доверием Барта пользовался уже упоминавшийся Гатрони Мухаммед, сопровождавший его из Мурзука в Кукаву. В караване были также двое молодых выкупленных Овервегом из рабства африканцев — Джеймс Генри Доругу и Фредерик Бертон Аббега. Позже Барт взял их с собой в Европу, что принесло ему немало неприятностей.

Денежная наличность экспедиции сократилась до 200 талеров, но в Зиндере она рассчитывала получить выделенные Барту средства, которые, как он надеялся, туда уже прибыли. После трехнедельного перехода караван подошел к столице западной провинции царства Борну. Уже третье рождество Барт проводил в Африке. Ожидаемые суммы еще не пришли, и ему пришлось около месяца провести в Зиндере перед дальнейшей дорогой в неведомое, хотя обстановка в Зиндере была отнюдь не благополучной.

Наместник Ибрагим под предлогом защиты своей граничащей с государством Сокото области от нападений решил укрепить свое могущество. Любое сопротивление он жестоко подавлял. Шейх Омар, чьим вассалом считался этот деспот, предпочел закрыть глаза на чинимые им акты насилия. Несмотря на господствующий в Зиндере режим террора, Барт должен был оставаться там, дожидаясь финансовой поддержки от британского правительства, которая все еще не поступила. Тем большей была радость, когда неожиданно пришло денежное пособие от Берлинского географического общества, позволившее Барту продолжить наконец путешествие.

1 февраля 1853 года он пересек западную границу Борну, а четыре дня спустя достиг Кацины. Поскольку однажды по дороге в Кукаву он был задержан здесь, воспоминания, связанные с этим городом, были

малоприятными, и он был рад примкнуть к каравану, направлявшемуся в Сокото — столицу государства, тем более что появились явные признаки приближавшегося периода дождей. Отправление, однако, задерживалось, так как войско хауса Гобира наметило военный поход в район, заселенный фульбе. Лишь в середине марта, когда выяснилось, какие области будут вовлечены в военные действия, можно было решиться избрать дальнейший, относительно безопасный путь. В В Кацине 10 февраля 1853 года Барт заключил с одним местным жителем следующее «трудовое соглашение»: «Сим свидетельствую, что взял сегодня на службу для задуманного мной путешествия в Томбукту, а также в Хамдаллаيه,^[22] Али Лаггерен эль-Меджебри в качестве драгомана и маклера и что его жалованье составит 6 долларов в месяц. Сверх того он получит 12 доллара на личные издержки и доллар на сожительницу, которая будет меня обстирывать и выполнять разные другие работы, и вышеупомянутый Али имеет право независимо от меня заключать разного рода сделки, однако не имеет права покупать или продавать рабов. Мое дело при этом должно всегда стоять на первом месте, и только после этого он может заниматься своим.

Я обязан предоставить в пользование Али лошадь и верховое животное для его жены, проживающей в Сокото. И Али должен во всех отношениях отстаивать мои интересы и прилагать все усилия к тому, чтобы мы достигли Томбукту, и, если, бог даст, мы целыми и невредимыми вернемся оттуда в страну, подвластную шейху Омару, я ему кроме жалованья сделаю еще подарок в 50 долларов...

...Данное соглашение с Али вступает в силу сегодня, и я выплатил ему жалованье за шесть месяцев вперед, за исключением ежемесячных издержек, которые я ему буду вручать ежемесячно... Если же со мной что-нибудь

случится, все агенты и консулы ее британского величества выполнят мои обязательства с честью».

Первым городом на пути экспедиции был Курайе, откуда Барт решил повернуть на запад. 1 апреля, после 26-часового форсированного перехода, совершенно обессиленный караван остановился вблизи деревни Гуассу, где должна была состояться встреча с повелителем верующих^[23] — правителем могущественного государства фульбе. Он раскинул здесь военный лагерь для выступления против войска Гобира. Барта очень волновала предстоящая встреча, так как дальнейшая его судьба в значительной мере зависела от доброжелательности султана. Последний оказался настроен в высшей степени дружелюбно. До сих пор он с симпатией следил за маршрутам экспедиции и выразил готовность по мере сил поддерживать ее в дальнейшем. Правда, он поставил условие: продолжить путешествие в Томбукту можно лишь после окончания его военного похода. Время ожидания Барт провел в Вурно, насчитывавшем тогда около 150 тысяч жителей. Оттуда он предпринял вылазку в расположенный на расстоянии 5 километров город Сокото. Султан вернулся в конце апреля, быстрее, чем его ожидали. Он не только удовлетворил просьбу Барта о скорейшем отправлении, но и предоставил ему небольшой эскорт.

17 мая караван достиг столицы эмирата Гванду. Нужно было добиться благосклонности местного эмира, так как экспедиции на пути в Томбукту предстояло пересечь обширные земли, которые находились под его господством. Эмир по имени Халилу жил в полном уединении и был равнодушен как к бедствиям своего народа, так и к надвигавшемуся распаду государства.

В Гванду Барт занялся поисками исторических памятников. Его неустанный труд увенчался успехом. Ему удалось обнаружить неизвестную до тех пор

арабскую рукопись, так называемую «Тарих», — до сего времени это древнейший письменный источник по истории Сонгаи и Томбукту.

Взяв курс на запад, экспедиция в быстром темпе приближалась к заветной мечте Барта — реке Нигер. И великий день настал. Это было 20 июня. «После тревожной, бессонной ночи, — писал Барт, — преисполненный самых возвышенных чувств, я с моими энергичными спутниками ранним утром отправился в дорогу и, преодолев скалистую, покрытую густыми зарослями местность, спустя два часа увидел серебристое мерцание воды. Вскоре могучая река полностью простерлась предо мной, и я отправился вдоль ее берегов. Еще через час я и мой конь стояли на пристани — как раз против города Сай». Так наконец был открыт знаменитый Нигер, таинственно витавший перед взорами и мыслями европейцев с самого начала эры исследований Африканского континента^[24].

Наместник Сая был очень рад прибытию экспедиции, так как надеялся с помощью уполномоченного английского правительства оживить торговлю.

Немного отдохнув в Сае, Барт решил продолжать путешествие в те районы, куда доныне еще не ступала нога европейца, но здоровье его оставляло желать лучшего, он был на грани истощения. Много неприятностей, особенно в это время, доставляли Барту карты, на которых обозначенные данные о расстояниях значительно расходились с действительностью. Территория вокруг излучины Нигера была самым опасным участком пути до Томбукту, поскольку населявшие ее фульбе, сонгаи и туареги постоянно воевали друг с другом, хотя природа здесь создала все условия для мирной и счастливой жизни. О пустыне, как свидетельствовали описания, здесь не было и речи. В поселках и деревнях жили трудолюбивые земледельцы, ремесленники и рыбаки, готовые оказать чужестранцу и

его спутникам радушное гостеприимство и в случае необходимости охотно предлагавшие помощь. Красота природы и сердечность жителей настраивали на то, чтобы задержаться в этих местах. Барт и впрямь с удовольствием позволил бы себе короткий отдых, однако перед ним лежал еще долгий, стокилометровый путь в Томбукту.

Этот поход отнюдь нельзя было (назвать идиллической прогулкой. Караван постоянно должен был находиться начеку, поскольку его могли внезапно атаковать конные отряды, которые терроризировали даже местных жителей. Однажды навстречу каравану попался путешествующий араб, хорошо знающий местность и предложивший свою помощь. Барт очень обрадовался, однако вскоре выяснилось, что этот араб (звали его Валати) — бессовестный вымогатель, ухитрявшийся извлекать выгоду из любого затруднительного положения. Правда, в дальнейшем его хитрость не раз выручала экспедицию.

Когда 25 июля около 200 местных жителей преградили каравану путь, Валати объявил им, что его спутник — шериф и близкий друг шейха Томбукту Эль-Баккаи, которому он якобы везет книги с Востока, после чего нападавшие успокоились и стали просить мнимого потомка Мухаммеда благословить их. Далее слава о высоком духовном звании Барта повсюду шла впереди него. Несдобровать бы ему, если бы. эта ложь раскрылась! Он вынужден был и впредь играть навязанную ему роль, а Валати за свое молчание требовал немалого вознаграждения. «Святого пророка», посланца Аллаха везде встречали с глубочайшим почтением. Тяжкие условия существования довели людей до того, что они с тоской ожидали предсказанного освобождения от Махди^[25]. «В течение всего путешествия от Сая меня то и дело расспрашивали, когда появится Махди, — сообщает

Барт, — ибо второго пришествия мессии, освободителя от всех земных бед, обрушивавшихся с такой беспощадностью на эти места, ожидают здесь с большим нетерпением; особенно пристально смотрели на пришедшего с Востока белого человека нищие жители деревень. Туареги почти отождествляли меня с этим страстно ожидаемым пророком».

Сомнения в пророческой силе великого Махди улетучились, когда жители одного маленького городка, упросившие Барта помолиться о ниспослании им дождя, стали свидетелями того, что после вечерней молитвы действительно разразился сильнейший ливень. Молва о свершившемся чуде распространилась с быстротой лесного пожара. Почтенные старцы склоняли перед мусульманским пророком головы, женщины протягивали ему своих детей, а Валати вымогал деньги за молчание.

Настало 27 августа — последний день путешествия Барта по суше. За девять месяцев, прошедших со времени выхода из Кукавы, позади осталось 2500 километров тяжелого пути. В городке Сараямо он мог теперь сесть в лодку и по одному из рукавов Нигера направиться к намеченной цели. «Моим читателям даже трудно себе представить, какое радостное, восторженное чувство владело мной, когда я плыл по этой реке и по ее притоку до гавани Томбукту», — писал Барт 1 сентября 1853 года. Сильнейшие ливневые дожди, вынуждавшие искать укрытия вблизи берегов, не могли испортить это счастливое состояние духа.

На четвертый день путешественники достигли широкого бассейна главной водной магистрали высадились близ Саньме. «Это было поистине изумительное зрелище: перед нами в сумерках величественно распростерлось зеркало реки, прямо напротив нас на небе показался серп луны, освещавшей серебристым светом ландшафт; то тут, то там сверкали зарницы, насквозь пронизывая горизонт. Я сидел на

сооруженной из циновок крыше нашего суденышка весь во власти этого грандиозного зрелища и рассматривал огромную водную поверхность на северо-востоке, где находилась цель нашего путешествия».

В Кабаре — гавани Томбукту — Барт сошел на берег. Здесь подтвердилась малоприятная весть: шейха Эль-Баккаи, на которого Барт возлагал все свои надежды, в городе не оказалось.

7 сентября 1853 года наступил наконец день, когда ценой огромных лишений и невероятных трудов была достигнута намеченная цель. Около 10 часов утра Барт со своими спутниками двинулись в путь. Непосредственно за Кабарой они вынуждены были то и дело взбираться на высокие песчаные дюны, и так до самого Томбукту.

Навстречу путешественникам с приветствиями вышла группа городских жителей. «...Если бы они возымели, — пишет Барт, — хотя бы малейшее подозрение относительно моей веры, они запретили бы мне войти в город. Даже жизнь моя подверглась бы крайней опасности».

Только благодаря своей решительности Барт добрался целым и невредимым до своего жилья, расположенного на той же улице, что и дом шейха Эль-Баккаи.

Царица пустыни

Овеянный легендами Томбукту входил тогда в государство фульбе Масину, бывшую до конца XV века вассалом государства Мали. В 1494 году Масина попала в зависимость от Сонгай и находилась в таком положении до начала XVII века, когда после жестокого подавления восстаний фульбе стала относительно самостоятельной.

В ходе религиозных движений фульбе, приведших в конце XVIII и начале XIX века к образованию в Судане ряда раннефеодальных государств, марабут Секу Хамаду, фульбе родом, создал свое теократическое государство, куда включил и торговый центр Томбукту. С помощью хорошо функционировавшей системы управления он сумел создать благоприятные условия для ремесленников и торговцев и оживить таким образом хозяйственную жизнь Масины. После его смерти эту тенденцию продолжал и его сын Ахмаду II. Провинциями страны управляли эмиры и духовные судьи — кади, назначавшиеся и смещавшиеся Ахмаду.

У Томбукту — не только торгового, но и духовного центра в Западном Судане — была весьма изменчивая история, в исследование которой Барт благодаря найденным им в Агадесе рукописям внес существенный вклад.

Еще в конце XI века племена туарегов основали у излучины Нигера поселение, из которого к 1087 году вырос Томбукту. В 1330 году манса Муса, во время правления которого государство Мали достигло внутренней стабильности и наибольших размеров, завоевал город, развившийся в значительный торговый и ремесленный центр и ставший средоточием культуры и учености. В 1434 году город был завоеван туарегами,

однако уже через три десятилетия они вынуждены были уступить его Сонни Али — правителю Сонгай. При нем и особенно при его преемниках экономическая и духовная жизнь достигла нового расцвета.

Арабский путешественник Лев Африканский писал о Томбукту, который он посетил дважды: «Название этого королевства современное. Оно дано по названию города, построенного королем по имени Манса Сулейман в 610 году хиджры примерно в 12 милях от одного рукава Нигера. Дома в Томбутто — это хижины, сделанные из столбов, обмазанных глиной, с соломенными крышами. В городе есть храм, построенный из камня и извести одним превосходным мастером из Гранады, а также большой дворец, построенный тем же художником, в котором живет король. В этом городе множество ремесленных и купеческих лавок, особенно лавок ткачей, изготавливающих хлопчатобумажные ткани. Поступают в Томбутто также ткани из Европы. Их привозят берберийские купцы. Женщины города все еще соблюдают обычай закрывать лицо, за исключением рабынь, которые занимаются продажей всего, что идет в пищу. Жители города очень богаты, особенно живущие там чужеземцы, так что нынешний король отдал двух из своих дочерей замуж за двух братьев-купцов по причине их богатства. В этом городе есть также много колодцев с пресной водой. Кроме того, когда разливается Нигер, его воды по каналам доходят до города. Зерно и скот есть там в большом изобилии, так что молока и мяса едят много. Однако очень не хватает соли, потому что ее привозят из Тегаззы, которая удалена от Томбутто на расстояние примерно 500 миль. Я оказался в Томбутто один раз, когда вьюк соли стоил там 80 дукатов. Король владеет многими сокровищами — как в пиастрах, так и в золотых слитках. Один из этих слитков весит 1300 либбр. Королевский двор хорошо устроен и великолепен. Когда король со своими придворными переезжает из

одного города в другой, он всадится на верблюда, а лошадей ведут стремянные. Если же нужно сражаться, то стремянные спутывают верблюдов, а все солдаты едут верхом на лошадях. Каждый раз, когда кто-либо хочет говорить с королем, он становится перед ним на колени, берет немного земли и сыплет ею голову и плечи; таков способ выражения почтения к нему. Но он требуется только от тех, кто прежде никогда не разговаривал с королем, или от каких-либо послов. Король держит около 3 тысяч всадников и бесконечное число пеших воинов, вооруженных луками, сделанными из дерева дикого укропа. Они стреляют обычно отравленными стрелами. Король часто ведет войну со своими соседями-врагами и с теми, кто не хочет платить ему подать. Когда он одерживает победу, он продает в Томбутто всех взятых в плен во время сражения, вплоть до детей.

В этой стране не водятся лошади, кроме маленьких иноходцев, на которых обычно ездят купцы во время своих путешествий, а также некоторые придворные для перемещения по городу. Но хороших лошадей доставляют из Берберии. Как только они прибывают с караваном из Берберии, король посылает человека записать их число, и, если оно достигает двенадцати, он сразу же выбирает ту лошадь, которая ему понравилась, и очень прилично за нее платит. Этот король — ярый враг евреев. Он не желает, чтобы хоть один из них жил в его городе. Если же он услышит, что какой-либо купец из Берберии навещает их или ведет с ними торговлю, он конфискует его имущество. В Томбутто много судей, Ученых, священнослужителей. Все они хорошо оплачиваются королем. Он очень почитает образованных людей. Продают также много рукописных книг, которые доставляют из Берберии. От этой продажи извлекают большие прибыли, чем от всех остальных товаров. Вместо чеканенной монеты употребляют куски чистого,

без примеси золота, а для небольших покупок — каури, или, скажем, раковины, привезенные из Персии, 400 штук которых стоят дукат. Шесть дукатов и две трети входят в одну римскую золотую унцию.

Жители Томбутто по природе любезны. У них в обычае прогуливаться по всему городу ночью, после двадцати двух часов до часу ночи, играя на музыкальных инструментах и танцуя. Горожане держат для своих нужд много рабынь и рабов.

Этот город очень подвержен опасности пожаров. Во время моего второго путешествия, когда я оказался там, половина города сгорела в течение пяти часов.

Вокруг Томбутто нет ни садов с цветами, ни плодовых садов»^[26].

Допустим, что та или иная деталь в порыве восторга могла быть преувеличена, но богатство и слава Томбукту все же сильно притягивали к себе завистников.

Однако пора экономического и культурного расцвета миновала. Войны и всякие бедствия привели город в упадок. Число жителей снизилось с 60 тысяч до 13 тысяч человек. И тем не менее за овладение городом фульбе и туареги затевали кровавые схватки. Таково было положение, когда в Томбукту прибыл Генрих Барт.

Легендарный город, как магнит, притягивал к себе европейских коммерсантов и исследователей^[27]. Одни рассчитывали на большие прибыли от торговли с ним, другие надеялись раскрыть тайны этого великого города. Согласно источникам того времени, первым европейцем, остановившимся ненадолго в Томбукту, был посланный флорентийским торговым домом Портинуари купец Бенедетто Деи, который открыл здесь филиалы фирмы по продаже тканей.

В 1483 году король Португалии послал туда делегацию, чтобы разведать возможности установления торговых отношений. Французский моряк Поль Эмбер

стал в 1630 году, правда отнюдь не добровольно, «гостем» города. После того как корабль, на котором он служил, потерпел крушение, он доплыл до берегов Атлантики, но был здесь взят в плен арабами и продан в Томбукту. В этом его судьба очень сходна с судьбой американского моряка Роберта Адамса. Однако эти контакты надолго были преданы забвению. А в конце XVIII века между европейскими путешественниками началось своего рода состязание, кто первым прибудет в Томбукту.

Во время двух путешествий (1795 и 1805 годов) Мунго Парка с целью исследования реки Нигер ему не суждено было дойти до города. Первым европейским ученым, достигшим цели, был шотландец Александр Гордон Лэнг (1793–1826), прибывший сюда в 1826 году по поручению британского правительства. В то время как Мунго Парк пытался продвинуться в Томбукту от Атлантического океана, идя на восток, Лэнг направился из Триполи через Гадамес по пустыне к югу. Однако его заподозрили в шпионаже и убили, а записи его пропали.

Первые описания быта древнего торгового центра дошли до нас от Рене Кайе (1799–1838). Сына пекаря из Вандеи манили неизведанные дали, а также обещанная французским географическим обществом награда в 10 тысяч франков. Без всяких средств, без должной подготовки он отправился к заманчивой цели один. В качестве мусульманского паломника, якобы похищенного французами, Кайе с западного побережья через Фута-Джаллон и верховья Нигера прибыл в 1828 году в Томбукту, где сумел сделать многочисленные записи. Однако из-за отсутствия исторического и географического образования он ограничивался описанием чисто внешних данных, не вдаваясь в суть явлений. Но его заметки разрушили миф о сказочном богатстве города. В составе марокканского каравана он пересек пустыню, а затем через Танжер вернулся во

Францию, где, к большому своему разочарованию, узнал, что к его сообщению о городе отнеслись весьма недоверчиво. Лишь Барту было дано подтвердить рассказы своего мужественного предшественника: «Мне было очень интересно здесь, на Нигере, очутиться в том месте, куда дошел заслуженный французский путешественник Рене Кайе во время своей славной и опасной поездки через всю западную часть Северной Африки, от Сьерра-Леоне до Марокко, и я считаю своим приятным долгом подтвердить абсолютную достоверность его описаний».

Упреки, выдвинутые против Барта Феликсом Дюбуа в его книге «Таинственный Томбукту»^[28], в том, что он не удостоил вниманием Рене Кайе, являются в такой же мере беспредметными, как и, впрочем, вся его критика научного труда, посвященного путешествию в целом.

Тяжелые условия перехода сказались на здоровье Барта. Ему необходим был отдых, но уже в первые дни пребывания в Томбукту он понял, что отдохнуть и подлечиться не придется. Вот что он записал об этом в дневнике: «Было решено, что, пока не прибыл шейх Эль-Баккаи, чьим личным гостем я себя рассматривал, мое жилище будет закрытым для всех, никому не будет позволено навещать меня. Тем не менее уже в тот момент, когда мою поклажу заносили в дом, а я сидел на ковре в коридоре, который вел к внешнему дворику, где находилось мое жилище, множество людей вошло в дом. Они пришли приветствовать меня. Так случилось, что, когда они рассматривали мои вещи, среди которых были для них непривычные, кое-кто начал сомневаться в моем (публично объявленном) происхождении. Однако дело обстояло так: сам я не имел ни малейшего желания убеждать этих людей в том, что я мусульманин, ведь на протяжении всего путешествия я не скрывал, что являюсь христианином... и был известен как таковой, поэтому истинное положение вещей могло в скором

будущем обнаружиться; нам и так повезло, что, несмотря на наше весьма медленное продвижение и в связи с тем, что мы вынуждены были избрать во время похода извилистый путь, эта весть не опередила нас».

Хаммади, противник его любезного хозяина, известил ортодоксально настроенных фульбе, что в городе находится христианин, который выдает себя за мусульманина. Жизнь Барта оказалась в опасности. Однако Барт не испугался и начал действовать в соответствии с обстоятельствами. 10 сентября ему сообщили, что фульбе готовятся напасть на его дом. С тем большим облегчением он воспринял письмо шейха Эль-Баккаи, в котором тот заверил Барта, что он может рассчитывать на его личную защиту.

26 сентября шейх прибыл в Томбукту и уже на следующий день пригласил гостя на аудиенцию, во время которой сказал Барту, что волнения фульбе по поводу вероисповедания ученого его совершенно не трогают. Будучи главой арабского племени кунта и одновременно высокопоставленным духовным лицом, шейх Эль-Баккаи был весьма влиятельной личностью, однако его врагов нельзя было недооценивать. В споре, возникшем вокруг Барта, на первом месте была не столько оценка личности чужестранца, сколько противоборство сторон. К подстрекаемым султаном фанатикам-фульбе присоединились богатые торговцы из Гадамеса и Марокко, ловко прикрывавшие свои корыстолюбивые интересы религиозными мотивами. Шейх Эль-Баккаи с его гуманными принципами представлял интересы исконных оседлых сонгаев, угнетаемых верхней прослойкой фульбе. На его стороне выступали такие туареги, которые, хотя и были приверженцами ислама, в противоположность фульбе не отличались религиозным фанатизмом.

Оказавшись между двумя группировками, Барт был особенно подавлен тем, что сам он ничего не мог

предпринять, чтобы изменить свою участь, — его будущее полностью зависело от шейха, который при всей его искренности и любезности не был человеком решительных действий. Если в сентябре благодаря здравомыслию авторитетных граждан нарастающая напряженность не кончилась открытыми столкновениями, то в октябре дело приняло опасный поворот. Султан настаивал на том, чтобы его приказ об изгнании чужестранца был выполнен, и послал в город группу вооруженных всадников. Противник Эль-Баккаи — Хаммади обратился к жителям Томбукту с призывом выполнить приказ султана. Обстановка обострилась настолько, что Эль-Баккаи вынужден был вместе со своим подзащитным в целях его безопасности покинуть город и 11 октября разбил лагерь на территории своих друзей-туарегов. Здесь в открытой полупустыне им было легче противостоять нападению.

Переход на лагерную жизнь для Барта, находившегося уже довольно длительное время (правда, в целях его же защиты) на положении арестованного, был приятной переменой. Однако уже 13 октября они вернулись в город. В то время как некоторые члены семьи шейха высказывали сомнение, стоит ли из-за чужестранца продолжать распри, Эль-Баккаи остался при своем мнении и даже предложил Барту показаться перед противникам во всеоружии, чтобы продемонстрировать ему свою готовность дать отпор.

Враждебность фульбе заставила шейха в октябре еще не раз разбивать лагерь. В такой обстановке об отъезде Барта не могло быть и речи. Ноябрь не принес никакого улучшения, а в конце месяца положение стало критическим, так как из столицы прибыл вооруженный отряд, который грозил расправиться со всеми, кто не послушается приказа задержать чужестранца «живым или мертвым».

Утром 1 декабря прискакавший из города гонец сообщил, что там готовятся к нападению на лагерь. Вскоре вдали показались всадники. Приблизившись, они передали шейху приказ султана выдать Барта, а заодно и его имущество. Напряжение в Томбукту нарастало с каждым часом, многие из друзей шейха советовали сдаться, но шейх решил обратиться за помощью к туарегам, и те прислали 100 вооруженных всадников, которые расположились вблизи жилья шейха и его резиденции для приема гостей. Соотношение сил вновь изменилось, обстановка разрядилась, и открытого нападения не произошло.

Барт понял, что тесный контакт с туарегами — залог его безопасности. Уходить из Томбукту можно было по трем дорогам: через область, населенную фульбе, — к западному побережью; вернуться к дороге вдоль Нигера, то есть так же, как он прибыл в Томбукту, и, наконец, на север, через районы, населенные туарегами, — к Средиземному морю. Несмотря на то что Барт мечтал завершить исследование Нигера, в данной ситуации он избрал третий путь, сочтя его наименее опасным.

После нескольких безуспешных воинственных выступлений противники шейха решили испробовать другую тактику: они пригрозили заблокировать Томбукту и взять под контроль верховье Нигера, откуда по воде поступало зерно для города, что привело бы к голоду и наверняка к смутам. Таким образом, свой четвертый год в Африке Барт вынужден был встретить в состоянии полной неопределенности.

Первые недели 1854 года прошли относительно спокойно. Барт, как и прежде, ограничивался обществом шейха и его ближайшего окружения. Он все более настойчиво говорил своему радушному хозяину о своем желании как можно скорее отправиться в обратный путь, однако Эль-Баккаи не хотел рисковать — и Барт

вынужден был запастись терпением. С конца февраля агрессивность фульбе усилилась. Вооруженное столкновение вновь казалось неизбежным, хотя сам Барт, из-за которого разгорелись распри, ничего так страстно не желал, как покинуть наконец Томбукту. Он умолял шейха сделать все возможное, чтобы мирно уладить конфликт. Мысль, что из-за него погибнут люди, была для Барта невыносимой. К счастью, удалось избежать военного столкновения и все обошлось мирным путем: фульбе обязались оттянуть свои вооруженные силы от Томбукту, а шейх обещал, что Барт больше не появится в городе, а впредь будет жить только в лагере.

Однако время выхода экспедиции все откладывалось из-за нерешительности шейха. Чтобы не сидеть без дела, Барт занялся систематизацией и описанием полученных в Томбукту научных материалов. Так, он отмечал в своих записях, что в Томбукту по сравнению с хаусанской столицей Кано почти отсутствовало местное производство и город представлял собой почти исключительно торговый центр, где товары севера обменивались на товары юга. Главными предметами торговли были золото, соль, орехи туро и кола.

Жившие в Томбукту купцы были, как правило, агентами крупных коммерсантов Марокко и Гадамеса. Разменной монетой служили раковины каури; как показали курганные погребения, это древнейшее платежное средство. Во времена Барта 3 тысячи каури приравнивались к 1 испанскому талеру. Главным поставщиком этих раковин были Мальдивские острова. В качестве платежного средства они получили распространение от озера Чад на востоке до государств мандинго на западе, от Томбукту на севере до устья Нигера на юге. О возможностях торговых связей этих территорий с европейскими государствами Генрих Барт писал: «Трудности свободной торговли с европейцами

таких мест, как Томбукту, несомненно, весьма велики. Расположение города на краю пустыни, а также на границе ареалов разных рас делает энергичное управление при нынешнем вырождении местных царств очень затруднительным, почти даже невозможным, к тому же отдаленность как от западного побережья, так и от устья Нигера весьма значительна. Однако большое значение имеет расположение этого города на северной излучине величественной реки, охватывающей огромной дугой всю южную половину Северной и Центральной Африки, включая густонаселенные, а также в высшей степени производительные страны, что делает весьма желательным открытие здесь европейской торговли, и эту задачу значительно облегчит сама река».

Барт понимал, что ревнивое соперничество колониальных держав — Англии и Франции — в Африке чрезвычайно осложняет развитие торгово-политических отношений. Коренное население, отмечал Барт, не нуждается «ни в каких иностранных протекциях для расширения торговых связей», и, более того, независимые африканские государства могли бы обеспечить себе такое хозяйственное развитие, при котором на началах равноправия европейские государства и для себя могли бы извлечь пользу. «Если бы городу Томбукту, — продолжал он, — было обеспечено либеральное правление путем учреждения здесь... Независимой власти, я открыл бы для европейской торговли и сношений широчайшее поле деятельности, и тогда весь этот район вновь мог бы быть включен в сферу влияния здорового, более крепкого объединения. Все правители и народности глубинных районов приветствуют мирные взаимоотношения с другими народами. Это распространится и на европейцев, как только они убедятся в их справедливости и надежности».

«...Однако, — требовал Барт, — торговые отношения между Европой и Африкой должны быть установлены на основе полного равноправия». Для этого он считал необходимым, чтобы родственников шейха пригласили в Европу. «Подобное посещение пробудившихся к активной деятельности коренных жителей могло бы привести к величайшим результатам, если по-настоящему, серьезно стремиться к установлению дружественных связей с этими странами. Но о таких далеко идущих планах правительства, способные пожертвовать лишь несколько сот талеров для научных экспедиций, цель которых только в том и состоит, чтобы козырнуть несколькими удачными результатами, обычно не думают».

Он также не скрывал своих мыслей по поводу «благодеяний» европейских культуртрегеров в Африке. «Со времен открытий, — замечал он, — сделанных португальцами на побережье Африканского континента, европейцы только и делали, что ускоряли распад этих стран, так что в настоящее время подъем невозможен; это относится даже к чисто утилитарным торговым отношениям».

Для той эпохи, когда поборники колониализма видели в африканцах только варваров, предложения Барта и его суждения были чрезвычайно гуманными и дальновидными.

К выдающимся заслугам Барта периода его пребывания в Томбукту следует отнести сделанные им выписки из «Тарих ас-Судан», хроники, полной интереснейших сведений и рисующей красочную картину богатой традициями истории страны.

Шейх Эль-Баккаи назначил день отъезда на 19 апреля 1854 года, и, к большой радости Барта, маленький караван во главе с самим шейхом около полудня действительно тронулся с места. Он направился к Нигеру, чтобы затем продолжить свой путь вдоль его

северного берега. Барту казалось, что караван шейха еле ползет по болотам, с трудом пробиваясь сквозь заросли. Он привык к другому темпу и намеревался за два месяца дойти до Сокото, чтобы оттуда по уже знакомому маршруту достичь Кано. Ему хотелось также перед отъездом домой посетить свою «африканскую родину» — столицу Кукава на Чаде. Он надеялся найти там столь необходимые ему деньги, которые должны были туда прибыть, пока он находился в Томбукту. А затем, обзаведясь хорошей экипировкой, он мечтал с караваном отправиться на север.

30 апреля все его мечты рассыпались в прах: прискакал гонец и принес весть, что старший брат шейха Сиди Мухаммед, которого он оставил вместо себя в Томбукту, находится в опасности. Прежние союзники — туареги — якобы объединились с фульбе. В такой обстановке Эль-Баккаи счел себя обязанным незамедлительно вернуться в Томбукту. Барт же при изменившемся положении дел никак не мог присоединиться к нему, поэтому попросил шейха, чтобы он позволил ему продолжить путешествие без него.

Однако в пути его могли поджидать опасности. Французы во время своего завоевательного похода в южные области Алжира вероломно напали на мужественное арабское племя шаамба, а затем, 4 декабря 1852 года, взяли штурмом оазис Лагуат, устроив там резню. Известие об этом зверстве распространилось по всему Судану. Мирные, свободолюбивые народы пустыни поднялись против захватчиков. Поэтому Барт, конечно, не решился пока идти в Триполи.

Эль-Баккаи, возмущенный агрессией французских колонизаторов, решил было дать им отпор, объединившись с туарегами среднего течения Нигера, но, к сожалению, из-за вражды между племенами он не смог осуществить свои замыслы. Поскольку

вооруженное наступление исключалось, шейх счел своим долгом хотя бы осудить нашествие и направил ноту протеста французскому правительству. Поразмыслив, Барт поставил свою подпись под этим документом.

До возвращения шейха из Томбукту Барт должен был с племянником Эль-Баккаи Мухаммедом бен Хоттаром стать лагерем близ Эрнессе, где они и простояли до середины мая, когда прискакавший из Томбукту гонец привез им разрешение шейха двигаться дальше и пакет с письмами, который находился в пути целых 15 месяцев. Среди них было сообщение из министерства иностранных дел от 19 февраля 1853 года о том, что в помощь Барту в Судан прибудет ассистент — молодой ученый Эдуард Фогель (1829-1856) — с деньгами и оборудованием, необходимым для дальнейшей научной работы, которую Барта уполномочивали довести до такого уровня, до какого он сам считает нужным, исходя из его знакомства с местными условиями. Британское правительство считало, что экспедиция продолжала двигаться от озера Чад в Занзибар. Из этого следовало, что министерство иностранных дел к 19 февраля 1853 года еще не получило извещения Барта о смерти Овервега и ничего не знало о походе экспедиции в Томбукту. Но когда в Лондоне получили письмо Барта, ему ответили следующим посланием министерства иностранных дел от 24 февраля за подписью Кларендона: «Сэр, с той же оказией, с какой Вы получите эту депешу, до Вас дойдет депеша моего предшественника, в которой правительство Ее величества выражает свое удовлетворение успехами, достигнутыми Вами и Вашим скончавшимся и оплакиваемым нами другом д-р Овервегом в раскрытии тайн Африканского континента. Едва эта депеша была отправлена из Лондона, как пришло Ваше сообщение из Куки от 10 октября, в котором Вы извещаете нас о

смерти д-ра Овервега. что налагает на меня печальную обязанность выразить Вам глубокую скорбь правительства Ее величества.

Одновременно мне приятно было узнать, что мой предшественник в какой-то мере предупредил пожелания и нужды экспедиции, решив направить к Вам помощника, а также предоставить дополнительные средства. Я, со своей стороны, уполномочен довести до Вашего сведения, что правительство Ее величества одобряет Ваши намерения попытаться достичь Томбукту, и я надеюсь, что наградой за Ваше бесстрашие будет удача. Правительство Ее величества не преминет принять во внимание Ваше предложение о создании консульского агентства в Куке, однако этот вопрос связан с особыми трудностями и требует серьезных размышлений».

После волнующих и в некоторой степени обескураживающих событий в Томбукту восстановление контакта с Европой придало Барту новые силы, тем более что к этому времени вернулся его друг и покровитель шейх Эль-Баккаи. Однако последний, к великому сожалению Барта, не пожелал ускорить темп похода. Караван двигался черепашьим шагом, в обход множества рек и болот, теряя драгоценное время.

25 мая они наконец достигли Бамбы — самой северной точки на Нигере. Отсюда пестрое сборище двинулось в восточном направлении, к излучине реки около Бурема. Барт по-прежнему много работал днем, а вечерние часы досуга нередко проводил в дружеской беседе со своим покровителем и с местными туарегами. В этом ему очень пригодилось знание языков, которое он рассматривал как непременную предпосылку успешной исследовательской деятельности. Как и прежде, сильное впечатление на Барта производили туареги, их гордый нрав. При более близком знакомстве, однако, они были очень гостеприимными и обходительными

людьми. Правда, поначалу требовалось войти к ним в доверие и устранить повышенную подозрительность, ибо туареги из племени тингеререф имели печальный опыт с Мунго Парком, который не задумываясь пускал в ход оружие. «Но когда они заметили, — писал Барт, — что я с некоторыми начинал оживленно беседовать, остальные убеждались, что я не принадлежу к категории диких зверей, ибо именно такое представление, кажется, сложилось у них обо всех европейцах после приема, устроенного им Мунго Парком».

Большие надежды Генрих Барт возлагал на Гао — древнюю столицу сонгаев. Если Томбукту получил известность как торговый и культурный центр, то Гао прославился как очаг крупных миграций и родина победоносных правителей.

Правда, от его былого величия мало что сохранилось. Дворцы лежали в руинах. Лишь остатки главной мечети и могила правителя и завоевателя аскии Мухаммеда еще напоминали о прежнем значении города. В период расцвета Гао достигал таких размеров, что пешеходу требовалось не менее трех часов, чтобы обойти его. Теперь в нем оставалось, самое большее, 400 жилищ. Три недели Барт посвятил изучению тех каменных свидетельств славного прошлого, которые ему посчастливилось здесь увидеть. В то же время он старался как можно больше общаться с жителями, расширяя словарь сонгайского языка и совершенствуя свои познания в области этнографии и истории.

День прощания с Эль-Баккай, проводившим Барта до Гао, настал. Далее он намеревался переправиться через Нигер, чтобы оттуда добраться до Сая.

9 июля Барт записал в своем дневнике: «Это был день, когда я должен был расстаться с человеком, которого я... ставил выше всех и, несмотря на его нерешительность и флегматичную индифферентность,

ценил как прекрасного, надежного человека. Я долго общался с ним, был рядом в самые беспокойные дни, делил с ним все трудности и невзгоды, так что расставаться было очень тяжело. Он напутствовал тех, кто должен был меня сопровождать дальше, никогда не перечить, а слушаться меня во всем, и особенно в том, что касается темпа нашего передвижения, так как ему было хорошо известно, с каким нетерпением я стремлюсь домой. Затем он благословил меня и заверил, что теперь я могу рассчитывать на благополучное возвращение. Это было поистине проявлением искренней дружбы между двумя весьма отдаленными ветвями рода человеческого!» Прощаясь, они обещали друг другу обмениваться письмами. Эль-Баккаи согласился даже отправить некоторых членов своей семьи в Европу с целью дальнейшего развития и укрепления культурных и экономических связей.

Расстояние до Сая — примерно 450 километров. Трехнедельное напряженное странствие закончилось 30 июля у того самого места, которое Барт покинул год назад, 24 июня 1853 года, чтобы отправиться в Томбукту. Если экспедиция по дороге туда, избрав кратчайший путь, пересекла большую излучину Нигера, то на обратном пути она шла по течению реки и тщательно обследовала ее на протяжении 800 километров. При этом впервые было установлено, что Нигер, начиная от Кабары, сперва течет больше чем на 2 градуса долготы в восточном направлении и лишь от Бурема отклоняется на юго-восток.

Таким образом, общее течение реки было положено на карту^[29], за исключением отрезка длиной примерно 350 километров между Саем и устьем реки Сокото, которое в 1826 году безуспешно пытался обследовать Ричард Лендер. Этот район окончательно открыл Э. Урст в 90-х годах XIX века.

Нельзя не сказать об уважении к Барту и о его популярности у жителей этих мест; десятилетия спустя его хорошо помнили в долине Нигера. Так что, когда пронесся слух, что Урст — племянник всеми любимого Абд эль-Керима, это сослужило французам хорошую службу. Урст в своих путевых заметках писал, что стоило ему упомянуть в разговоре о его родстве с Абд эль-Керимом, как немедленно появлялись продовольствие и проводники. Ему также разрешили направить гонцов к Мадиду с просьбой сделать для его племянника то же самое, что его отец сделал для Абд эль-Керима. Урсту при этом благоприятствовало предсказание шейха Эль-Баккаи, сделанное вскоре после отъезда Барта: кто-нибудь из его родственников в один прекрасный день вернется сюда с тремя судами, а так как у французского было как раз три судна, то не подлежало сомнению, что именно он и есть потомок Абд эль-Керима.

Первые разъяснения относительно течения реки Нигер дал в 1795 году шотландский врач и путешественник Мунго Парк. После многомесячной, труднейшей поездки верхом он первым из европейцев достиг Нигера около Сегу и, вопреки всем существовавшим до того времени представлениям, установил, что река течет на восток. Данные географических карт, на которых Нигер был показан текущим на запад, необходимо было исправить. Незадолго до этого открытия Британское африканское общество, основанное в 1790 году, усомнилось в том, является ли Нигер вообще самостоятельной рекой. Доказательством того, что Нигер течет на восток, одновременно опровергалась точка зрения о слиянии его с реками Сенегал или Гамбия, так как те впадают в Атлантический океан. Фридрих Конрад Хорнеман и Иоган Людвиг Буркхардт^[30] пытались в начале XIX века также решить загадку Нигера, поплатившись при этом жизнью во имя науки.

К новым научным выводам пришла экспедиция, возглавлявшаяся Хью Клаппертоном. Он установил, что эта величественная река течет не прямо на восток, а в юго-восточном направлении и в конце концов переходит в южное. В 1825 году ученый предпринял вторую поездку в Африку, передвигаясь на этот раз от устья Нигера вверх по течению, и совместно с Ричардом Лендером доказал достоверность своих прежних утверждений. Тем самым было окончательно определено направление течения Нигера.

Ричард Лендер во время плавания по нижнему Нигеру переправился через него в месте слияния его с рекой Бенуэ. Предположив, что это проток, впадающий в озеро Чад, он назвал его Чаддой. Эту ошибку Барт сумел исправить в 1852 году. Установив, что между Чаддой и озером Чад имеется водораздел, он опроверг тем самым предположение о слиянии Нигера с этим озером.

Пока Барт находился в Томбукту, британское правительство пыталось использовать его данные о Бенуэ в своих торговых и политических интересах. 24 мая 1854 года британская экспедиция под руководством капитана Бикрофта и Уильяма Бальфура Бейки отправилась вверх по Нигеру, чтобы выяснить будущие возможности установления судоходных связей с внутренними районами континента. О плане речной экспедиции Барту писали 10 июня 1853 года, однако Эдуард Фогель, которому поручили передать это сообщение, встретился с ним значительно позже. Согласно этой информации, британское правительство, находясь под впечатлением открытий Барта и Овервега, решило в дальнейшем внимательно следить за делами экспедиции. Оно намеревалось отправить специально оборудованное паровое судно, которое должно было подняться вверх по Нигеру до его слияния с Чаддой. Глава этой экспедиции получит указание проплыть дальше по Чадде, чтобы убедиться, является ли она, а

также описанная Бартом на юге озера Чад река, текущая на восток, одним и тем же, и, если это так, выяснить, до какого места можно будет установить судоходное сообщение с внутренними районами.

Об открытии Барта ко времени подготовки речной экспедиции в июне 1853 года в Лондоне еще ничего не знали, так что Бенуэ по-прежнему принимали за Чадду, и поэтому было отдано распоряжение начать пароходную кампанию. Барта информировали, что намеченная экспедиция направится из Англии лишь в следующем году, когда можно будет использовать паводки африканских рек, чтобы определить «их судоходность для прохождения пароходов наиболее легким способом и с наименьшими опасностями для здоровья их экипажей». Как только дальнейшие подготовительные работы экспедиции будут завершены, Барта поставят в известность, однако он тем временем должен принять меры, которые могли бы эффективно способствовать ее успеху. Барта просили послать навстречу экспедиции знакомого с местностью жителя и позаботиться о том, чтобы в различных опорных точках на берегу реки было подготовлено топливо для парового судна.

В Сае Барт с удовлетворением отметил, что многое здесь изменилось к лучшему. Он покинул его во время страшной засухи. Теперь же город окружала пышная тропическая растительность. Немного отдохнув, 2 августа маленький караван продолжил свой путь в направлении Сокото. Недалеко от Сая Барт измерил ширину Нигера (самого узкого его участка) — она составила чуть больше километра.

Следующий отрезок пути шел через граничащую с Сахарой зону Сахеля и был таким же нелегким, как и дорога в Томбукту. К тому же Барт страдал от последствий коварной тропической дизентерии. С большим трудом он дотащился до Сокото, где его

старый друг, почтенный фульбе Модибо Али, оказал ему радушный прием. «Таким образом, — вспоминал об этом Барт, — мои чернокожие мусульманские друзья проявили ко мне огромную любовь и дружелюбие и обращались со мной в высшей степени сердечно. Сказать то же о своих друзьях в Европе не могу, их поведение было малоободряющим и ни в коей мере не благоприятствовало поднятию моего упавшего духа».

Его крайне раздражало, в частности, то, что он лишь случайно узнал о готовящейся экспедиции, снаряжаемой якобы ему в помощь. Одна «вольнотпущенница из Константинополя» «между прочим» сообщила Барту о бесконечно важном для него обстоятельстве: «В Куку прибыли пять христиан, сопровождавших обоз из сорока верблюдов». «Лишь с величайшим трудом, — пишет Барт, — я смог связать участников экспедиции, как мне их описала эта женщина в своем, скажем прямо, неофициальном сообщении, с данными, упомянутыми в Депеше лорда Рассела, которую я получил в Томбукту и которая ставила меня в известность, что мне в помощь оснащена новая экспедиция, и привела некоторые подробности о входящих в нее лицах. В то время как меня таким способом известили, что экспедиция уже сравнительно давно благополучно прибыла в Борну, я был в высшей степени удивлен и неприятно задет, так как не получил ни одной строчки от этих господ, которые ведь могли по меньшей мере с такой же легкостью послать сюда письмо, с какой эта женщина нашла возможным пуститься в путь сюда. Исходя из этого, я уже тогда пришел к выводу: что-то не так. Однако до меня еще не дошел слух о моей предполагаемой гибели. Во всяком случае, г-н Фогель поступил не очень обдуманно, когда он не пытался на тот случай, если я все-таки еще жив, невзирая на слух, связаться со мной».

Барта тогда и в самом деле в Европе, а также и в Африке считали погибшим. 29 сентября 1853 года он сообщал о «полном своем истощении вследствие лихорадки», а письмо от 23 марта 1854 года из Томбукту домой, было последним. 18 июля Эдуард Фогель сообщил из Кукавы британскому консулу о смерти Барта, о чем тот 24 октября известил свое правительство. Очевидно, в Европе с передачей информации дело обстояло также не лучшим образом, ибо в Германии о мнимой смерти Барта стало известно лишь к концу года. И опять-таки из письма Эдуарда Фогеля своему отцу в Лейпциг. А тот, в свою очередь, сообщал 12 декабря 1854 года Александру Гумбольдту: «Поскольку мне известно, с каким искренним участием Вы всегда следили и все еще следите за работой английской экспедиции в Центральной Африке, я считаю своим долгом сообщить вам о тяжелой утрате, постигшей, согласно полученному мной сегодня письму от сына из Куки, датированному 18 июля, науку и человечество в связи со смертью достойнейшего д-ра Барта. Он умер, по довольно надежным сведениям, в Мераде, близ Сокото, на обратном пути из Томбукту в Борну».

Независимо от Фогеля о смерти Барта информировал свое министерство один британский солдат, и, наконец, официально известил королеву Викторию об этом султан Борну.

Однако никто не сообщал подробностей его гибели, и проходил месяц за месяцем, а их все не было, поэтому некоторые стали сомневаться в достоверности подобного известия и надеялись, что объявленный умершим Барт еще жив.

Но вот 15 ноября 1854 года Эдуард Фогель сообщил из Мурзука генеральному консулу в Триполи: «К счастью, мои надежды были не напрасны. Слух о смерти д-ра Барта не подтвердился». Но поскольку Барта живым еще никто не видел, в эту информацию поверили

не все. Окончательно подтвердилось то, что Барт жив, письмом Фогеля отцу от 7 декабря 1854 года, в котором он описал свою неожиданную встречу с Бартом 1 декабря. 4 апреля 1855 года письмо прибыло в Лейпциг, 26 апреля «Дойче альгемайне цайтунг» и «Шпенерше цайтунг» распространили эту радостную весть, а 30 апреля семья мнимоумершего получила его письма, датированные осенью 1854 года. Однако сообщения о смерти Барта были чреваты для него неприятными последствиями. Так, в Кукаве начали делить его оставленные на хранение вещи, а Эдуард Фогель ничего не предпринял, чтобы в соответствии с инструкцией разыскать экспедицию Барта. «Принятое Фогелем на веру сообщение о моей смерти, — писал Барт, — а также почти полностью прекратившиеся в 1854 году связи со странами, соседствующими с Нигером, побудили восторженных, но малоопытных путешественников отступить от полученной инструкции и оставаться в Борну».

Но мы на несколько месяцев опередили события. Барт, лишившись по описанным выше обстоятельствам помощи, на которую возлагал большие надежды, больной, 29 августа покинул Сокото и на следующий день прибыл в Вурно, где окончательно свалился.

Шесть недель местные врачеватели боролись за жизнь белого человека. Благодаря строжайшей диете (протертый рис и кислое молоко) он постепенно начал поправляться и 22 сентября был уже в состоянии совершить небольшую прогулку верхом, после чего дело пошло на лад. Но Барта удручало не только состояние своего здоровья, но и казна экспедиции, которая за длительное путешествие была в такой же степени истощена, как и его собственные силы, особенно после непредвиденной многонедельной стоянки и в связи с повышением цен на продовольственные товары. Его лошадь, которая верно служила ему в течение 22

месяцев, преодолев вместе с ним все трудности, пала от истощения и перегрузок. Кроме того, он вынужден был заменить нескольких вьючных верблюдов. Все это требовало значительно больших средств, чем те, которые имелись в его распоряжении. Волей-неволей Барт должен был обратиться за помощью к султану, который отнюдь не отличался щедростью.

5 октября 1854 года можно было продолжить путешествие, и в середине месяца они достигли оживленной торговой столицы Судана. Надежда застать здесь, в Кано, наконец деньги или товары, чтобы расплатиться с долгами и оплатить дальнейшие путевые издержки, не оправдалась. «Я не обнаружил ни одного письма, — отметил Барт в дневнике, — и на ожидаемое дополнительное подспорье также не было и намека. К тому же материально я оказался на нуле, а у меня в этом городе было много долгов; особенно я задолжал жалованье своим слугам: в течение всего путешествия из Куки в Томбукту и обратно я им еще ничего не заплатил. Я не мог найти этому объяснения, поскольку был уверен, что меня ожидает здесь все необходимое, и в первую очередь хорошие вести о предприятиях д-ра Фогеля и его спутников». Близкий к отчаянию, он решил использовать последний шанс, послав своего верного слугу Мухаммеда в Зиндер, чтобы тот привез немногие оставшиеся там вещи, а также товары или деньги, которые, как он рассчитывал, поступили на его имя.

В Кано от очевидца он впервые узнал о британской пароходной экспедиции к реке Бенуэ. В Кукаве — его «африканской родине», ближайшей цели экспедиции — обострились отношения между шейхом Омаром и его сводным братом Абд ар-Рахманом из-за растущего влияния вазири Хадж Бешира. Это привело, как сообщили Барту, к тому, что его друг шейх Омар лишился власти, а вазири был казнен. В такой ситуации о посещении города не могло быть и речи, поэтому Барт

решил направиться с экспедицией через Аир к побережью. Но события разворачивались вспять: летом 1854 года шейх Омар сверг своего брата и вновь стал властелином страны. И тогда Барт опять возвратился к первоначальному замыслу, но все еще медлил с выступлением, так как слухи пока что были самые противоречивые. Лишь 9 ноября в Кано прибыли личные посланцы Омара и подтвердили радостную весть. Дорога на Кукаву была открыта. Теперь все упиралось в средства, ибо посланный в Зиндер слуга вернулся с пустыми руками. Ящик с товарами был похищен, а оставленные на хранение вещи увез слуга Фогеля, сказав: «Ведь доктор Барт умер». Барт совсем растерялся. Оказалось, у него было меньше чем ничего, так как его подчиненные рассчитывали получить в конце концов причитавшееся им за много месяцев жалованье.

Ему пришлось занять денег под ростовщический процент, да еще с условием, что долг будет полностью погашен в течение четырех месяцев в Триполи.

23 ноября 1854 года путешественники, оснащенные только самым необходимым, смогли наконец отправиться дальше по Судану. В Борну они сразу же обнаружили следы опустошительной гражданской войны. Множество поселений было уничтожено, а их жители истреблены. На протяжении приблизительно 50 километров нельзя было найти ни одного человека. Тем неожиданнее было, когда маленький караван 1 декабря 1854 года недалеко от Бунди встретил д-ра Фогеля. «Что касается меня, — вспоминает об этом Барт, то я и не предполагал, что могу с ним встретиться. Он же лишь незадолго до этой встречи узнал, что я жив и благополучно вернулся с запада. Я написал ему из Кано письмо, которое ему вручили в пути, но его смутил адрес. Он решил, что письмо от араба, и спрятал его,

намереваясь распечатать, когда встретит кого-нибудь, кто сумеет его прочесть.

Это неожиданное событие было бесконечно радостным. Мы спешили в угрюмом лесу. Вскоре подошли верблюды. Мои спутники были очень удивлены, увидев моего соотечественника. Я достал мешочек с провиантом, попросил сварить нам кофе, и мы почувствовали себя как дома. Более двух лет я не слышал ни одного немецкого и вообще европейского слова, так что для меня было великим наслаждением говорить на родном языке. Однако в нашей беседе были затронуты темы, которые не назовешь приятными. Так, я ужаснулся, когда услышал от д-ра Фогеля, что в Куке нет никаких поступлений, а то, что он сам привез, уже израсходовано. „Узурпатор Абд ар-Рахман, — сказал мне Фогель, — очень плохо со мной обошелся и присвоил себе оставленную мной в Зиндере собственность“».

Их беседа длилась не более двух часов. Далее Фогель направился в Зиндер, а Барт со своим караваном — в Кукаву, пересекая места, уже пройденные им в 1851 году.

11 декабря караван приближался к столице Борну. Навстречу был выслан отряд из 30 всадников, чтобы сопровождать Барта до его «африканской родины». Так он во главе представительного, торжественного шествия вновь оказался в том месте, откуда более двух лет назад предпринял опасный путь на запад. «... Теперь, — писал Барт, — я мог быть уверен, что если мне удалось благополучно вернуться в Куку, то все препятствия, которые вставали на пути, мешая достижению полного успеха в моих предприятиях, преодолены и я могу, к большому моему удовольствию, задержаться еще на некоторое время в городе, откуда начал свои путешествия по Судану, прежде чем окончательно отправлюсь в обратный путь домой. Однако... мне было суждено провести в Куке целых

четыре месяца при весьма неприятных обстоятельствах. Я ожидал, что найду здесь достаточную сумму денег, и договорился вернуть долг в 200 талеров, которые в Кано дал мне займы феэцанский купец Хуэльди. Но, к великому ужасу, мой новый коллега сообщил мне уже в лесу около Бунди, что от его запасов и денег, которые он взял с собой, осталось лишь несколько талеров».

В конце декабря в Кукаву вернулся также д-р Фогель, так что Новый год они встретили вместе. Оба возлагали на наступающий, 1855 год большие надежды. 20 января Фогель отправился к среднему течению Бенуэ. Барт сопровождал его два дня, затем настал час прощания... и, как оказалось, навсегда.

По возвращении Барт записал в дневнике: «Нетрудно себе представить, что, вернувшись из похода после того, как я простился с моим жизнерадостным соотечественником, я почувствовал себя в Куке очень одиноким и покинутым. К этому еще следует добавить, что я ночью простудился и меня скрутил ревматизм, приковавший надолго к постели, а поскольку вследствие этого я начал страдать и бессонницей, ослабившей меня, то смог подняться лишь к концу месяца».

Возвращение

Как только Барт немного окреп, он настойчиво стал просить шейха отпустить его домой, сомневаясь, однако, будет ли он в состоянии выдержать тяжелейший путь к Средиземноморскому побережью, тем более если время ожидания, которое он, кстати сказать, заполнял исследованиями по истории государства Борну, еще продлится. И чтобы ускорить отъезд, он решил не ждать большого каравана, а присоединиться, если удастся, к маленькому. Эта возможность представилась с прибытием каравана торговца Коло из племени тиббу, направлявшегося в Бильму за солью.

С согласия шейха Генрих Барт в конце апреля заключил с торговцем контракт и 10 мая отправился в долгожданный путь к морю. Его свита состояла из преданного слуги Мухаммеда, который был рад в скором времени вернуться к себе домой, обоих вольноотпущенников Аббега и Доругу и капрала Черча. Барт избрал самый короткий путь на север — так называемую Дорогу тиббу, по которой Хью Клаппертон и Эдуард Фогель шли на юг. 19 мая они покинули город Йо и одновременно государство Борну. Пройдя по знакомому маршруту, они оставили позади Нгигми на северном берегу озера Чад и далее пошли напрямик на север, в Бильму. Район, который им предстояло пересечь, был неспокоен, поскольку там очень часто нападали на караваны туареги. «Эта нависшая угроза, — отмечает Барт, — а также нестерпимый полуденный зной в самое жаркое время года вынудили нас... для передвижения использовать большую часть ночи». Вследствие этого у Барта почти не было возможности внести коррективы в наблюдения, сделанные им во время предыдущей экспедиции.

Несмотря на то что местность, по которой они шли, была не очень холмистой, передвигаться было крайне тяжело. Дальше почва становилась все каменистей, а растительность — скудней. Давало о себе знать знойное дыхание пустыни, до которой караван дошел в конце мая. Самый тяжелый отрезок пути — песчаная пустыня — был впереди. В середине июня они достигли городка Аникимма, где Барт и его товарищи распростились с Коло. Отсюда нужно было пересечь зону пустынь шириной около 750 километров.

Если до этого караван мог хотя бы изредка делать остановки в небольших населенных пунктах, которые ему попадались на пути, то теперь он должен был пройти огромную необитаемую территорию. 6 июля экспедиция достигла Тегери — первого поселения в Феццане. Однако отдых был очень коротким, так как слуга Мухаммед торопил с выступлением: до родного селения Медруса, где его с нетерпением ожидала семья, было уже недалеко.

Барт охотно принял бы приглашение Мухаммеда погостить у него некоторое время, но ему хотелось домой. Особенно он стал торопиться, когда до него дошла весть, что вспыхнули народные восстания против турецкого господства, в связи с чем некоторые участки караванных путей перекрыты. Гатрони решил во что бы то ни стало проводить своего господина, резко опровергавшего те представления, которые сложились у него о европейцах, до Мурзука, куда они прибыли уже 14 июня. «Так я опять прибыл в город, где при нормальной обстановке всем опасностям и трудностям пришел бы конец, — отметил Барт в дневнике. — Однако в то время это было не так, ибо вследствие жестокого угнетения со стороны турецкого государства среди более независимых племен Триполитанского пашалыка вспыхнуло крупное восстание, распространившееся от Джебеля по всему Гарьяну, постоянно вовлекая в свою

орбиту все новые земли и перекрывая всякое передвижение по этой территории.

Зачинщиком восстания был племенной вождь Рома, взятый турками много лет назад в плен, но бежавший из своего заключения в Трабзоне во время военных событий в Крыму. Это обстоятельство явилось серьезным препятствием даже для нашей небольшой группы в прохождении через упомянутые земли, так что я вынужден был задержаться в Мурзуке дольше, чем позволил бы себе при других обстоятельствах, ибо был весьма заинтересован в том, чтобы по возможности ускорить свое возвращение».

По сравнению с предшествовавшими вынужденными остановками пребывание в Мурзуке было очень кратким — всего шесть дней. Но и они показались Барту бесконечными. Здесь, в Мурзуке, он и простился с верным слугой Мухаммедом, который в течение пяти лет самоотверженно работал с экспедицией в качестве провожатого. Предложение паши предоставить для защиты каравана отряд вооруженных всадников Барт отклонил, так как это могло вызвать недовольство у восставших, которые принимали Абд эль-Керима за своего.

20 июля с очень немногими провожатыми он отправился дальше. Ему оставалось пройти последний отрезок пути, пролежавший через Джабель-Сода (нагорье Сода). Теперь через ущелья и узкие перевалы они должны были выйти к вади Семсен, где в долине разместился один из лагерей повстанцев, которые, как и предполагал Барт, Абд эль-Кериму позволили беспрепятственно пройти дальше по направлению к побережью. Кончалась засушливая равнина, теперь все больше встречалось растительности. Степь постепенно уступала место тутовым лесам и финиковым рощам, предвещающим, что конечная цель похода — Триполи — не так уж и далека.

23 августа Барт прибыл в маленький оазис Айн-Сара и остановился там на несколько дней, чтобы заняться последними приготовлениями перед началом большого путешествия. И вот настал день, когда Барт со своим караваном отправился в самый последний переход по африканской земле, чтобы торжественно войти в Триполи.

«Когда мы приближались к городу, — вспоминает Барт в дневнике, — покинутому мною пять с половиной лет назад и казавшемуся теперь обителью покоя и безопасности, сердце переполнилось радостью, а каково было впечатление от пышной растительности и окружающих город садов после столь долгого путешествия по безлюдным, пустынным землям! Однако неизмеримо сильнее действовал на меня вид необъятной морской глади, которая при ярком солнечном свете была темно-синей. Это прекрасное внутриматериковое море древнего мира, колыбель европейского просвещения, с давних времен являлось целью моих заветнейших мечтаний и предметом самых ревностных исследований. Все вместе представляло в высшей степени волнующее, глубоко захватывающее зрелище: толпа, демонстрировавшая разные нравы и разные этнические группы людей, темно-синее безбрежное море, по которому плавали корабли, а вокруг густые пальмовые леса и белоснежные каменные стены города — все было освещено и согрето сверкающими солнечными лучами. Так я, потрясенный до глубины души, верхом на лошади въехал в город».

В Триполи Барт оставался лишь четыре дня, затем, сев на судно вместе с двумя сопровождающими, Аббегом и Доругу, направился к острову Мальта, где он задержался также ненадолго, и, чтобы добраться до Англии кратчайшим путем, сел на небольшой пароход, отправлявшийся в Марсель. С прибытием в Лондон 6 сентября Большая африканская экспедиция Генриха

Барта была завершена. «Так я заключил свою долгую и трудную карьеру в качестве исследователя Африки, — писал Барт в отчете о поездке, — о чем повествуют эти тома. Будучи подготовлен к подобному мероприятию душой и телом, полученным образованием, накопленным опытом, а также приученный к перенесению чрезмерных физических нагрузок прежними длительными путешествиями по Северной Африке и Передней Азии, предпринятыми мною на собственные средства, я присоединился к этому предприятию добровольно на крайне неблагоприятных для меня условиях.

Весь замысел организации экспедиции был с самого начала весьма ограничен, а выделенные средства незначительны. Лишь из-за несомненного успеха, сопутствовавшего нашему предприятию, оно смогло обрести столь широкий размах, и этот успех был опять-таки связан с моей поездкой к султану Агадеса, благодаря которой удалось восстановить подорванное обрушившимися несчастьями доверие друг другу. Когда затем первоначальный руководитель нашей экспедиции скончался, не выполнив всех сложных заданий, я, вместо того чтобы предаваться отчаянию, продолжал и расширял работу экспедиции и, невзирая на большие трудности, исследовал почти без всяких средств неизвестные донныне земли. После того как мне удалось таким путем кое-какое время перебиваться, английское правительство, проникшись ко мне доверием, передало мне руководство миссией, и, хотя ассигнованные мне средства ни в коей мере нельзя было назвать значительными, а реально полученные были и вовсе ничтожны и несмотря на то что я потерял именно тогда единственного европейского спутника, еще остававшегося у меня, я все же решил предпринять путешествие на дальний запад и попытаться достигнуть Томбукту, чтобы исследовать участок Нигера, который из-за преждевременной смерти Мунго Парка остался для

научного мира неизвестным. Это мероприятие сверх всяких ожиданий увенчалось успехом, и я не только вырвал таким образом из мрака неизвестности колоссальное пространство земли, которое было неведомо даже арабским торговцам, но и завоевал дружбу всех могущественных вождей племен, обитающих по берегам реки вплоть до таинственного города.

Все это, включая оплату долгов, оставленных после себя прежней экспедицией, я осуществил приблизительно с 10 тысячами талеров. Его величество король Пруссии внес 1 тысячу талеров, а я — 1400 талеров! Разумеется, я оставил на проложенном мною пути кое-что моим последователям для завершения и все же испытываю удовлетворение от сознания того, что открыл взорам научной европейской общественности весьма обширный участок земли до того времени закрытого африканского мира».

Впереди времени

В поисках источника к существованию

Возвращение Барта привлекло к себе огромный интерес во всей Европе. Первые слова приветствия прислал ему его покровитель Бунзен, который к тому времени удалился на покой и жил вблизи Гейдельберга: «Добро пожаловать, мой замечательный, увенчанный славой друг, в Европу и Англию! Это приветствие Вам вручат по возвращении, так как сам я не в состоянии сделать это. Я уверен, что Вам устроят заслуженный и достойный прием в Европе, и знаю, кроме того, что самой большой наградой явится для Вас осознание того, что Вы сумели с божьей помощью осуществить для Европы и всего человечества столь великое дело.

Я знаю, так думают и лорд Кларендон, и лорд Пальмерстон, а у нас — Географическое общество. Гумбольдт и сам король — все они не преминут принести Вам доказательства своего внимания и участия. Дай только бог, чтобы Ваше здоровье поправилось. Ваше мужество и упование на бога, я уверен, не ослабли.

Мой сын Эрнст и бравый, неутомимый друг Петерман расскажут Вам более подробно, что я об этом думаю.

Вам, несомненно, предложат пароход с целью посетить реки Чадду и Бенуэ. Если Вы прибудете в Германию, ни в коем случае не обойдите Гейдельберг. Все мои домочадцы передают Вам сердечные приветы. С глубочайшей преданностью и совершенным к Вам почтением

Ваш Бунзен».

Когда Барт доложил 19 сентября в Лондоне об успешном завершении экспедиции, лорд Кларендон писал ему: «Я поздравляю Вас со счастливым возвращением в страну, которая готова воздать

должное Вашим усилиям, и весьма счастлив сказать Вам, что королева выразила свое намерение посвятить Вас в кавалеры ордена Бани, что свидетельствует о высоком мнении, которого Ее величество придерживается в отношении Ваших заслуг перед наукой».

Однако вручение ему ордена Бани, высокой награды, учрежденной еще в 1399 году Генрихом IV, заставляло себя ждать. С материальным вознаграждением заслуженного исследователя за проделанный им труд британское правительство также не торопилось. Поскольку Барт путешествовал не как служащий британской короны, ему за все время работы в экспедиции, считавшейся его «личным делом», не утвердили жалованья. Полагалось возместить ему только расходы. Теперь, по возвращении Барта, подсчитали издержки с целью их компенсации. Бунзен, которого тем временем на посту прусского посланника сменил граф Бернсторф, представил на рассмотрение в интересах своего протеже и с учетом его заслуг смету на денежное вознаграждение. При этом он положил в ее основу ежегодное жалованье в размере 500 фунтов, а общую сумму расходов определил в 3 тысячи фунтов. За выпуск многотомного произведения, посвященного путешествию, издательство «Лонгман» должно было выплатить Барту гонорар в 2 тысячи фунтов.

Однако правительство проявило крайнюю мелочность: за основу расчета оно взяло 450 фунтов жалованья, и начисление его должно было начаться со дня смерти Ричардсона. Согласно этому расчету, общая сумма составляла 2020 фунтов. Гонорар за публикацию был также снижен на 340 фунтов.

Аналогичные расчеты Барту пришлось иметь с Пруссией. Географическое общество выступило с инициативой сбора средств, чтобы дать возможность заслуженному исследователю отдохнуть на курорте. В

то. время как Александр Гумбольдт всемерно поддержал это мероприятие, у короля Фридриха Вильгельма IV были «сомнения». Он счел более правильным, если «первую скрипку» в оказании помощи будет играть богатый ганзейский город Гамбург.

По предложению Риттера Барту (в соответствии с королевским указом от 17 декабря 1855 года) было наконец утверждено единовременное годовое пособие в размере 1 тысячи талеров (эта сумма была увеличена до 1500 талеров) из резервного королевского прусского фонда свободных средств, так что вместе с британскими выплатами и причитавшимся ему гонораром материальная обеспеченность была ему на ближайшее время создана, и Барт получил, таким образом, возможность завершить свои путевые заметки. В этом деле ему помогал известный географ Уильям Десборо Кули (умер в 1883 году), который, как показывает его письмо Барту, имел печальный опыт общения с консервативно настроенными членами Географического общества: «Применительно к африканской географии мудрость прошлого есть не что иное, как старческая немощь будущего; однако, к сожалению, самым большим влиянием в Обществе (здесь по меньшей мере) пользуются всегда те, кто меньше всего придерживается прогрессивных взглядов. Однако я надеюсь, что будущее поколение осознает, что географию, как и ее сестру историю, необходимо полностью очистить от устаревших и ошибочных гипотез».

В Генрихе Барте он увидел желанного соратника в борьбе за истину, обнародование которой «воспринимается с негодованием». Предпосылкой «восторжествования нового», по его мнению, служат научные результаты, в достижении которых Барт наряду с другими занимает одно из первых мест. «Вы уже очень много совершили в ходе Вашей миссии, — писал он

Барту, — и, бесспорно, способны сделать еще многое. Вы переслали домой гораздо больший объем информации, чем какой-либо другой путешественник по Африке сделал это до сих пор».

В начале октября Барт смог наконец уехать в Гамбург, к своей семье, которая с огромным нетерпением ожидала «умершего». Однако он почти не позволял себе тратить время на личные дела. Уже в середине октября он возвращается в Берлин и делает в Географическом обществе доклад о результатах своих исследований. Преодолев тяжелейший путь длиной почти 20 тысяч километров, он, по его собственным высказываниям, достиг значительных научных результатов. К ним относятся: уточнение особенностей Сахары; географическое определение места и протяженности Мендипского нагорья; доказательство того, что восточный приток Нигера — река Бенуэ — не связан с озером Чад; обследование речной системы от Багирми до Адамава; определение течения Нигера между Томбукту и Саем.

Из этих географических открытий вытекали дальнейшие научные выводы. Так, сделанные Бартом наблюдения геоморфологических форм поверхности оказались столь же значительными, как и его климатологические и гидрологические изыскания. Он все же провел в пустыне не меньше 11 месяцев, а в Судане — четыре с половиной года. За это время он смог досконально изучить, как влияет климат и погода на человека и животный мир. К сожалению, из-за отсутствия измерительных приборов у него не было возможностей определять атмосферное давление и влажность воздуха.

Особого внимания заслуживали гидрологические исследования, которые позволяли судить о режиме рек и водных путях изучаемых территорий. Данные Барта по географии населения впервые давали правдивую

дифференцированную картину доколониального общинного строя в странах, которые ему довелось посетить. В рамках экспедиции Барт внес свой вклад также в изучение флоры и фауны Африки. Поскольку он не был естествоиспытателем, то не смог дать точное определение видам или собрать обширную коллекцию, однако его описания помогли определить свыше 50 семейств диких и около 40 — культурных и технических растений.

Географические предприятия Барта сопровождались историко-этнографическими открытиями. Он опроверг ложное утверждение о том, что Африка не имеет исторического прошлого, особенно земли, расположенные южнее Сахары, и исследовал высокоразвитую культуру народов Судана. Более всего его интересовали фульбе. Немалую службу он сослужил лингвистике, овладев несколькими неизвестными языками и составив обширные словники.

Александр Гумбольдт сказал о заслугах Барта: «Он открыл нам целую часть света». Барт не только сделал крупнейшие открытия, но и оживил научно-исследовательскую жизнь в начале 50-х годов. Если задаться вопросом, как стало возможно, чтобы европейский ученый без всякой поддержки смог совершить такое великое дело в Африке, многое станет ясным, если вспомнить о той помощи, которую ему оказывали африканские друзья. Без них Барт не смог бы выжить в Африке, не говоря уже о том, что не был бы в состоянии плодотворно работать. Африканцы предоставили ему условия для существования и оказали помощь в качестве информаторов. Это, в свою очередь, стало возможным только благодаря теплоте отношения Барта к людям, будь то носильщики, проводники, шейхи или эмиры.

В Европе Барта со всех сторон осыпали почестями. Берлинская Академия наук возвела его в звание члена-

корреспондента, его родной город Гамбург присвоил ему звание почетного гражданина, а Йенский университет — степень почетного доктора, ряд научных обществ как у него на родине, так и за рубежом избрали Барта своим членом, представители древних аристократических родов и научные общества наградили его медалями. Однако все эти восторженные аплодисменты не могли заглушить отдельные голоса, критиковавшие Барта за руководство экспедицией и оспаривавшие его открытия. Поэтому Барт в своей речи 13 октября в Берлине обратился к тем кругам, рупором которых он считал прежде всего секретаря Лондонского географического общества Нортон Шоу: «Если в Англии некоторые мелкие душонки пытаются под видом обсуждения научных вопросов использовать в корыстных целях национальную вражду и позволяют себе пренебрежительные высказывания по поводу того, что руководство английской экспедицией было поручено немцу, то это обязывает меня как можно скорее представить результаты моего труда английской общественности, чтобы оправдать не только себя, но и уважаемых английских государственных деятелей, в особенности лорда Пальмерстона удостоивших немцев своего доверия».

Высказавшись с открытой трибуны, Барт не желал идти ни на какие компромиссы. Он резко отверг предложение контр-адмирала Смита, будущего президента Королевского Географического общества, выступить по этому вопросу в роли посредника, категорически отказался участвовать в качестве почетного гостя в торжественном открытии зимнего собрания Лондонского географического общества, а также решительно отклонил высшую награду Общества — большую золотую медаль. Здесь проявился характер Барта, о котором его свояк и биограф Густав Шуберт писал: «Генрих при свойственной ему

душевности слишком резок, слишком непреклонен и вместе с тем слишком скромнен, а кроме того, лишен жизненной мудрости. Его чувство собственного достоинства не позволяет ему в нужный момент покориться. Он относится к отважным и выносливым, но отнюдь не к умелым пловцам по жизненному морю».

Барт хотел как можно быстрее опубликовать материалы по результатам работы экспедиции. Весьма хорошим другом и опытным советником в этом деле оказался Август Петерман, переселившийся тем временем из Лондона в Готу и занявшийся подготовкой издания знаменитых «Географических сообщений», предложив взять на себя обработку карт для издания.

Необходимо было обеспечить Барту в будущем безбедное существование. Об этом заботились также его друзья и покровители — Бунзен, Риттер и прежде всего влиятельный Гумбольдт. По просьбе Риттера Барт 18 октября 1855 года изложил ему на бумаге личные пожелания и соображения: «Уважаемый профессор Риттер! Поразмыслив над тем, какие отношения я желал бы установить с местным университетом, чьим первейшим и ближайшим призванием все же является формирование взглядов молодежи посредством живых и ярких лекций, и, чтобы не быть в тягость до того времени, когда я буду в состоянии посвятить этой деятельности все свои силы, я вношу следующее предложение: пусть Его величество король ассигнует мне пособие в размере 4 тысяч или 5 тысяч талеров для издания моих научных трудов, а министерство с согласия палат даст твердое обещание предоставить мне к летнему или зимнему семестру 1857 года должность ординарного профессора по географии с жалованьем в 1,5 тысячи талеров. Университет, таким образом, не лишился бы столь необходимых ему средств, а я оказался бы одновременно по отношению к английской общественности и к английскому

правительству в более или менее независимом положении, что будет способствовать лучшему применению моих сил в дальнейших научных изысканиях».

Спустя несколько дней Риттер передал это письмо Барта философскому факультету, сопроводив его запиской, в которой сказано: «Я только позволю себе привести заслуживающие внимания слова ветерана всего научного мира (по всей вероятности, А. Гумбольдта. — В. Г.), который пишет: „Курциус — для Греции и изучения эпохи эллинизма, Барт — для целой части света и заново открытых им народов — какой прекрасный дар, способный прославить любой университет“.

После специального ознакомления и в соответствии с моей точкой зрения я счел лишь своим долгом высказать глубочайшее убеждение в пользу реализации кажущейся мне ясной цели и выгоды для всеобщего блага человечества от имени той науки, слабым представителем которой я до сих пор числился». Риттер сослался на преклонный возраст и выразил пожелание увидеть Барта преемником на своем посту.

Во время обсуждения ходатайства Риттера на заседаниях факультета 22 октября и 15 ноября 1855 года сам он отсутствовал. Факультет поддержал ходатайство о предоставлении Барту пособия, чтобы таким образом обеспечить ему дальнейшую работу над научными трудами, однако высказался против назначения его в ближайшее время ординарным профессором, так как тем самым «без надобности предрешается будущее и могут быть задеты многие заслуженные лица».

Министр по делам культов фон Раумер поддержал это заключение факультета, заявив: «По окончании труда можно будет более точно судить о том, в какой мере за Бартом можно будет признать наряду с его

достижениями как путешественника и его выдающиеся дарования как ученого и преподавателя университета».

4 февраля 1856 года он передал Барту, что вопрос о поступлении его на государственную службу будет решен только после окончания им научного труда, посвященного результатам экспедиции.

Англия — выход из положения?

В противовес Риттеру и Гумбольдту, хлопотавшим о предоставлении Барту должности в Берлине, Бунзен, весьма хорошо знавший прусские нравы, стремился добиться для него должности в Англии. Хотя Барт, без сомнения, с большим удовольствием остался бы на родине, он все же согласился с доводами Бунзена, который ходатайствовал перед английским правительством о переезде Барта в Англию. «Вы путешествовали от имени английского правительства в качестве его уполномоченного, — писал он Барту, — и ни в коем случае не должны испортить отношения с Англией и английским народом».

«Чем больше я задумываюсь над Вашим положением, — пишет Бунзен в следующем письме, — тем яснее становится то обстоятельство, что Англия должна, во всяком случае в настоящее время, стать центром Вашей Деятельности и в некотором отношении оставаться им в будущем. Во-первых, как только Вы появитесь в Великобритании в качестве прусского профессора, Вы лишитесь трех четвертей симпатий правительства и народа, а о компенсации наподобие той, которую я Вам предложил, даже и думать нечего.

Во-вторых, Вы не можете с полной отдачей посвятить себя работе на кафедре всеобщей географии, притом что от Вас очень много ожидают, и одновременно быстро завершить свой научный труд. Первое потребует всех Ваших сил в течение нескольких лет. Наконец, подумайте, не является ли признание путешественника самым главным для Вас. Вы способны создать сейчас с легкостью нечто выдающееся, однако с работой на кафедре это несовместимо...

...Итак, сохраните свою свободу, она — высшее благо. Берлин от Вас не уйдет, как не уйдет и кафедра».

Следуя совету Бунзена, Барт в конце ноября 1855 года переехал в Лондон и поселился в уютном маленьком загородном доме с садом. Здесь он нашел необходимый покой для работы, которой занялся с большим энтузиазмом. Несмотря на то что у него не было ни времени, ни склонности к общению, он поддерживал дружеские связи с несколькими коллегами по профессии, чаще всего с учеными-африканистами. Среди них был и контр-адмирал Генри Смит, с которым он в недалеком прошлом враждовал.

Барту к этому времени исполнилось 34 года, и он стал подумывать о женитьбе. После первой неудачи он долгое время сторонился женщин, однако теперь все больше мечтал о супружестве и домашнем уюте.

«Да благословит бог Ваш домашний очаг, — писал Барт сестре из Африки, — который мне не был предопределен в молодые годы, хотя я весьма расположен к тому, чтобы, увенчанный лаврами и обремененный знаниями... а также состоя на почетной службе, привести в дом любезную девицу, а затем, если мне это будет суждено, полностью посвятить себя спокойной жизни».

Когда по приезду на родину он узнал, что семья сестры увеличилась, он заметил: «С появлением на свет еще одного маленького племянника у меня будто камень с души свалился, так как сам я до сих пор ничего еще не сделал для физического бессмертия нашей семьи». И Барт решает как можно скорее жениться. «Спутница, если выбор будет счастливым, смогла бы преобразить всю мою жизнь. Я истосковался по сердечному участию и дружбе». Правда, он довольно смутно представлял себе, каким образом он осуществит выбор партнера. «Пусть только выйдет мой первый

том, — писал он, — и мне представится возможность познакомиться с подходящими лицами».

Однако вышли первый, второй и даже третий тома, а его надежды все не сбывались. После четвертого и пятого томов «лица» тоже не появились. Вероятно, теория самотека дала осечку, да и замкнутого, недоверчивого человека и закоренелого холостяка не тянуло к активным действиям, направленным на поиски избранницы. Ко всему прочему он с трудом привыкал к консервативному английскому образу жизни.

«Как я тоскую по ночлегу под открытым небом пустыни, — читаем мы в дневнике запись тех времен, — в том бесконечном пространстве, где без тщеславия, без забот о тысячах мелочей, которые мучают здесь человека, я мог, наслаждаясь свободой после окончания дневного перехода, вытянуться на циновке, а рядом — весь мой скарб, мои верблюды и мой конь. Я почти жалею, что добровольно наложил на себя эти оковы».

Правда, тому, что Барт оказался почти в изоляции, способствовал его крутой и раздражительный характер. Хотя Смит, приложив большие старания, все же смог убедить его вступить в Лондонское географическое общество и получить награду — Большую медаль, некоторые члены этого авторитетного общества затаили на Барта обиду, причину которой надо было искать в его манере поведения. С министерством иностранных дел в Лондоне у него начались разногласия. Оно рассматривало Барта как лицо, все еще состоявшее у него на службе, хотя сам Барт думал по-другому. Немалые трудности возникли у него из-за привезенных им в Европу выкупленных рабов — Доругу и Аббегу. Барт уговорил их сотрудничать с ним в создании словарей. Он предполагал, что в будущем они овладеют английским языком, а также каким-нибудь ремеслом и их будут брать в экспедиции в качестве специалистов. Теперь Барта обвинили в «работоторговле» — поистине абсурдная

мысль! Возмущенный до глубины души, он начал хлопотать о немедленном возвращении обоих африканцев на родину и 5 марта 1856 года отправил их в Саутгемптон, где они должны были сесть на корабль. Однако некий миссионер Шён переправил африканцев в миссионерскую школу Чатама. Барт заподозрил в этой акции происки ведомства иностранных дел и решил выступить с протестом. Позднее, однако, выяснилось, что миссионер действовал по своему усмотрению.

Между тем работа над книгой об африканском путешествии, которую Барт писал на английском и немецком языках, быстро продвигалась. Благодаря усиленной предварительной подготовке материала в ходе самой экспедиции он уже в мае 1857 года мог представить первые два тома. Больше всех заинтересовался этой работой Ю. Пертес^[31], о чем свидетельствует его письмо Барту от 5 октября 1855 года: «...От своего друга Петермана я узнал... что Вы намереваетесь наряду с английским изданием подготовить немецкое и что Вы не против того, чтобы передать мне этот труд для издания». Двухтомное немецкое издание появилось в 1859–1860 годах^[32]. Еще раньше увидели свет голландское, датское и американское издания. В 1860–1861 годах вышел четырехтомник на французском языке, в котором, однако, было много ошибок, и поэтому Барт отказался его авторизовать.

Вероятно, его труду не доставало объединяющего замысла. Хотя главная тема — маршрут путешествия — проходила красной нитью через все сочинение, множество второстепенных деталей утомляло читателя, многочисленные вставки, комментирующие узкоспециальные вопросы, вводили от основного содержания. Вот почему книга была с восторгом принята специалистами, но широкая читающая общественность ее недооценила. 16 мая 1857 года в журнале

«Спектейтор» была напечатана рецензия на книгу, в которой, в частности, говорилось: «Представленное произведение написано, несомненно, слишком обстоятельно и многословно; изложение могло бы быть более сжатым, а многие будничные детали и события повседневной жизни можно было бы вполне опустить, но тогда оно вряд ли бы выиграло, ибо детали свидетельствуют о такой степени достоверности описания путешествия через неизвестные нам страны, о какой можно только мечтать.

Однако любая книга вообще, если в ней слишком много внимания уделяется второстепенным предметам, не представляющим интереса, утомительна. На данном произведении, таким образом, лежит отпечаток известного однообразия, которого при переиздании можно было бы избежать. Далее, большая разница, как отправляется человек в путешествие для знакомства с миром: со скромными средствами, или вообще без оных, или же обеспеченный всем необходимым и могущий держаться независимо и солидно. Ведь и местные жители будут по-разному относиться к таким людям. Д-р Барт смотрел на вещи другими глазами, чем наши военные, служащие в армии и на флоте. Он был в такой же мере филологом, этнографом и историком, как и географом, и, хотя это привело к тому, что изложение то здесь, то там перегружено излишними подробностями, подробности эти все же делают книгу разносторонней и повышают, таким образом, ее познавательную ценность. Помимо сказанного хочется добавить, что пристрастие д-ра Барта к языкам помогло ему освоить местные языки и облегчило общение... Несмотря на изъяны в композиции, слишком большую педантичность в изложении материала, а также нагромождение несущественных деталей, произведения Барта содержат все же лучшее описание внутренней обстановки в африканских странах севернее 9 градуса широты, а сам

он является образцом ученого-путешественника: ему присущи терпение, выдержка, решительность и довольствование малым».

В мае 1858 года были выпущены заключительные тома его большого труда. Этот многотомный труд не стал, конечно, бестселлером, а его издание было весьма рискованным мероприятием. Издательство «Лонгман и К°» предусмотрительно выпустило первые три тома тиражом лишь 1250 экземпляров, но вскоре допечатало еще 1000 экземпляров. Однако потом число покупателей уменьшилось, так что последние тома можно было выпустить общим тиражом только 1000 экземпляров. Это ни в коей мере не было вызвано отсутствием интереса к тематике, ибо книги Давида Ливингстона, который с декабря 1856 года поддерживал с Бартом дружеские отношения и посвятил ему первое сочинение о своем путешествии по Южной Африке, были напечатаны тиражом 50 тысяч экземпляров и моментально раскуплены.

Как уже было отмечено выше, Барт, выполняя поручение английского иностранного ведомства, во время своей африканской экспедиции вынужден был устанавливать торговые связи. Лорд Кларендон, ознакомившись с отчетом о путешествии, в апреле 1857 года направил послания шейху Томбукту, а также правителям Сокото и Борну, в которых выразил благодарность за поддержку, оказанную экспедиции Барта, и пытался заодно придать конкретную форму торговым отношениям, которые Барту удалось установить. Кроме того, он вновь пригласил членов семьи шейха Эль-Баккаи в Европу.

Эль-Баккаи решил отправить в Европу миссию, в которой находились его зять и племянник. 22 июня 1857 года они прибыли в Триполи и собирались отбыть в Лондон. Однако приезд миссии пришелся там некстати: их продержали несколько месяцев и под сомнительным

предлогом отправили обратно домой. Барт, передавший в свое время приглашение в устной форме, воспринял эти акции как личное оскорбление. Его возмущение достигло предела, когда в 1858 году он получил письмо от шейха Эль-Баккаи, в котором тот дал волю своему негодованию по поводу действий английского правительства. Разумеется, он не сомневался в искренности Барта и считал его непричастным к этой афере. «Ну и пусть они так поступают, — писал Барт свояку. — Это еще раз говорит о том, что англичане в своем миссионерском лицемерии ничего не смыслят, и то, что я им предоставил щедрой рукой, они втоптали в грязь. Надо только, чтобы господа, живущие у Нигера и у озера Чад, знали, что я их не обманул».

Отношения Барта с иностранным ведомством все более обострялись, и дело кончилось полным разрывом. Среди прочих действий англичан, оскорблявших Барта, было и еще одно: когда 26 марта 1857 года к рекам Нигер и Бенуэ была отправлена пароходная экспедиция, организованная по его же инициативе, Барта даже не сочли нужным информировать об этом, хотя он принимал участие в подготовительных работах. Правда, вскоре члены экспедиции жестоко поплатились за это. Вблизи Раббы судно село на мель, так как путешественники пренебрегли советом Барта послать вперед пароход с меньшей осадкой. Руководитель экспедиции капитан Бейки вынужден был почти шесть лет жить на застрявшем в реке судне. После того как его удалось снять с мели, оно достигло Кано, а затем Сокото.

Жизнь крупного ученого осложняли и другие неприятные обстоятельства: ему так и не был вручен давно обещанный орден Бани; завязанные им торговые отношения не получили развития; даже многочисленные образцы товаров, которые он с огромными трудностями провез через пустыню, оставались лежать мертвым

грузом в нераскрытых ящиках. В письме Бунзену от 9 января 1858 года Барт высказал все, что у него наболело: «Интерес, который Вы проявляете к моему труду, окрыляет меня и придает новые силы. В целом я убежден, что мой труд воспринят здесь, как и в Германии, дружелюбно, хотя в Англии большая часть не признает его, по крайней мере публично. Как раз во время недавнего празднования рождества Христова я вынужден был вновь распутывать хитросплетения отвратительнейших интриг, о которых Вы даже не имеете представления... Положение вещей таково, что едва владею собой».

Все эти обстоятельства и побудили Барта как можно скорее покинуть Англию. Закончив последний том, посвященный путешествию, он 21 августа 1858 года отбыл в Германию.

Сбудется ли здесь его заветная мечта о независимости? Нашлась ли для него подходящая должность? С возвращением вновь встали проблемы будущего. Трехгодичное отсутствие привело к тому, что все прежние связи были прерваны, а Барт и теперь не желал закабалить себя службой. Больше всего он хотел бы путешествовать. Поскольку теперь присоединиться к африканской экспедиции у него не было возможности, он решил принять участие в путешествии на побережье Средиземного моря с целью его исследования.

Снова в Малой Азии

Прошло 11 лет с тех пор, как Барт впервые побывал в Малой Азии, и осенью 1858 года он вновь прибыл в Константинополь (Стамбул), чтобы отсюда начать путешествие в глубь страны. Уже здесь чувствовалось, что политическая и экономическая зависимость Турции от стран Запада, и прежде всего от Англии, усилилась. Начиная с 40-х годов в стране стали развиваться капиталистические отношения, ускорилось проникновение в страну западноевропейского капитала и подчинение ее законам мирового капиталистического рынка. Результаты сближения с Западом были двоякими: с одной стороны, заимствование капиталистического опыта в сфере производства, образования, управления и права, что шаг за шагом приводило к ликвидации закостенелых феодальных институтов, а с другой стороны, усиление полукOLONиальной зависимости от ведущих капиталистических стран, переросшей после Крымской войны в финансовое порабощение, что повлекло за собой рост цен. Барт во время своей поездки видел немало примеров ухудшения жизненного уровня народа.

25 октября 1858 года корабль пересек Босфор, пролив, подчиненный, согласно Лондонской конвенции 1841 года, международному режиму, и вышел в открытое море, а спустя два дня был в Трабзоне — исходном пункте экспедиции. Барт, сопровождаемый д-ром Мордтманом, поверенным в делах ганзейского союза в Константинополе, поставил себе целью вновь посетить те знаменательные места, где он уже бывал прежде, чтобы разыскать и изучить памятники, обследовать которые во время первого путешествия не удалось.

Он объездил важный культурно-исторический район, великое прошлое которого еще предстояло открыть. Уже в III тысячелетии до нашей эры здесь существовала высокоразвитая культура. Основанное в конце XVII века до нашей эры Хеттское государство оставило реликты, свидетельствующие об оживленных культурных связях с греками микенского периода. К началу I тысячелетия до нашей эры политическая карта Передней Азии сильно изменилась. В центре Малой Азии после распада Хеттского государства возникло Фригийское царство. Царей и представителей знати вначале хоронили в курганах. Позднее, переняв более высокую технику обработки камня, фригийские зодчие стали сооружать скальные могилы. При этом они переносили орнаменты деревянной архитектуры на произведения из камня, украшая фасады могил прекрасными узорами и скульптурами. Эти монументальные творения заинтересовали Барта: наряду с блестящим искусством фригийцев погребальный инвентарь захоронений содержал многочисленные сокровища прикладного искусства.

Оживленная торговля с греческими городами-государствами на западном побережье Малой Азии способствовала взаимному культурному обогащению. Например, фригийский алфавит представлял собой вариант древнегреческого, а фригийский царь Мидас занял важное место в древнегреческих легендах. В 103 году до нашей эры Фригия подпала под римское господство. Римляне разделили страну на провинции. Барт исходил бывшие провинции Понт, Каппадокию и Галатию. Переход через Малую Азию, столь исторически важную в прошлом землю, Барт решил предпринять верхом на лошади. Условия путешествия из-за возникших и на этот раз финансовых затруднений были не из легких. «Для проживания в палаточном лагере, — писал он, — под открытым небом было уже слишком

холодно, а из соображений экономии я не мог себе позволить запастись европейскими предметами первой необходимости (за исключением хорошего кофе и чая), так что мы были вынуждены полностью обходиться тем, что удавалось приобрести на месте»^[33].

Он еще застал теплую осеннюю погоду. Живописные горные ландшафты, яркое солнце, замечательные памятники древности — все это отвлекало Барта поначалу от тяжелых мыслей. Однако при всем своем интересе к красотам природы и к культуре Барт не упускал из поля зрения и проблемы современности. «И это поселение, — рассказывает он об одном из мест, где был устроен привал, — пришло в запустение... вследствие вымогательств правительства... Из 25 семейств только 5 еще не ушли, но и они во главе с нашим хозяином собрались последовать за ними».

Первый более или менее крупный пункт назначения был Кара-Хисар. Здесь Барту не удалось обнаружить следов античной культуры, но зато ему попала средневековая крепость на скалах, представлявшая для него большой интерес. 9 ноября путешественники пересекли изрезанную бесчисленными ущельями пограничную горную цепь между Ликсом и Ирисом и 14 ноября достигли наконец Токата. Два дня спустя группа прибыла под проливным дождем в Амасью, город, оказавшийся поистине сокровищницей для археолога.

После нескольких дней отдыха путешественники двинулись дальше, в область Бузук. «Весь этот район, — записывает Барт, — весьма желательно обследовать и выполнить топографическую его съемку». Во внушительных развалинах на городище Богазкёй он узнал сильно укрепленную столицу древней Птерии. К сожалению, он пробыл здесь слишком мало и не мог заняться систематическим обследованием этой территории.

Через холмы Капак-Тепе путешественники добрались до Йозгата в самом сердце Малой Азии, оттуда — до живописного древнего Кайсери, а затем — до расположенного неподалеку Уэргиба — красивого, чистого города, населенного приблизительно на две трети мусульманами и на треть греческими христианами. При возведении построек здесь были использованы, как отметил Барт в своих путевых заметках, старинные развалины: «Уэргиб с двух сторон — с западной и восточной — окружен отвесными туфовыми скалами, источенными во всех направлениях древними пещерными жилищами. Новые постройки большей частью примыкают к этим пещерам; одновременно эти огнестойкие жилища, сохранившиеся с древних времен, используются как хранилища».

2 декабря Генрих Барт прибыл в Кир-Шехр — живописный, оживленный город-сад, расположенный к юго-востоку от торгового центра Ангоры (Анкара). Главное, что Барта поразило здесь, это полный застой в местном производстве, что было связано с наплывом из Западной Европы готовых изделий. «Для европейца здесь может представлять интерес лишь высокая гора с крепостью на ней. У западного и южного подножия горы простирается город с его многочисленными древностями».

Покинув Анкару, путешественники выбрали юго-западное направление. Уже заметно похолодало, поэтому они ускорили темп движения. Недалеко от Сиди-Гази группа повернула на юг, чтобы добраться до фригийских царских могил. «К счастью, не было недостатка в солнечном освещении, и мы любовались этими прекрасными памятниками старины, которые предстали перед нами во всем великолепии... и разглядели все детали неглубокого захоронения. Однако солнце уже не грело, и пронизывающий холод был серьезным препятствием для точных зарисовок».

И все же Барт сделал здесь немало набросков, подробно описал многие захоронения, чем внес существенный вклад в историю открытия этого богатого культурным наследием края.

Зима обрушилась на путешественников внезапно — сильными снегопадами и холодами, так что группа поспешила к месту своего назначения. Последний отрезок пути был для них жестоким испытанием: «Дорога от Исник до Карамюрсея была самой утомительной во всей поездке, но я терпел, особенно когда сопоставлял свое теперешнее положение с тем, что испытал в Сахаре знойным летом 1855 года. Снежная вьюга продержалась целый день и не доставляла никакого удовольствия, ибо сопровождалась пронизывающим холодом; разумеется, дороги через горный хребет были отвратительны и даже опасны, только очень опытные проводники могли обнаружить их. Мы надеялись, что после перехода через гребень горы самое страшное останется позади, однако еще более невыносим оказался спуск к берегу залива. Когда мы спускались, снег начал таять, превратившись в льдинки. Их поднимал порывистый ветер и хлестал ими нас по лицу. Так, до предела измотанные, мы добрались до Карамюрсея и, к сожалению не найдя помещения с камином, должны были довольствоваться мангалом. Кроме того, мы прибыли лишь к вечеру, когда уже ничего нельзя было раздобыть, чтобы подкрепиться».

Теперь цель, к счастью, была уже близка. Рано утром они двинулись дальше и после полуночи, промерзшие и насквозь промокшие, прибыли в Скутари, а на следующий день переправились в Константинополь. Прекрасное, хотя и тягостное под конец путешествие было закончено. Это не было исследовательской экспедицией, стремившейся добиться новых научных открытий. Барту хотелось только расширить свои познания, которые он приобрел во время его первой

поездки по Средиземноморью и которые ограничились тогда прибрежным районом, изучив глубинные районы, и при этом прежде всего хозяйственную жизнь. Кроме того, многонедельное путешествие было попыткой бежать от личных неурядиц, которые посыпались на Барта по возвращении его из Англии. Втайне он даже надеялся найти себе должность в ганзейском консульстве в Константинополе, но и эта надежда не оправдалась.

Горькие разочарования

4 января 1859 года Барт вернулся в Берлин и, решив обосноваться здесь, снял на Шеллингштрассе квартиру. Дальнейшая его судьба в значительной степени зависела от друзей, Он знал, что сможет полностью на них положиться. Его патрон Бунзен писал ему накануне нового, 1857 года: «Вы очень красочно описали то, что принес Вам ушедший год. Меня радуют мудрость и точность Ваших наблюдений. Нет лучшей школы жизни, чем сама жизнь, а цена за приобретенную мудрость никогда не бывает слишком высокой. Разумеется, Вам было очень тяжело, но Ваше ревностное стремление к истине и самоотверженное служение великому делу, которому Вы посвятили последние годы в Африке и в Европе, помогли преодолеть все трудности и помогут в дальнейшем. Желаю Вам также удачи и здоровья после перенесенного почти сверхчеловеческого напряжения и лишений».

Ободряющее письмо послал ему и его учитель Бёк: «Если бы наши жизненные пути разошлись, я все равно бы помнил о Вас, даже если бы Вы и не достигли благодаря полным опасностям экспедициям всеобщего признания. Дружба идет от сердца, уважение — плод разума. Я же был к Вам сердечно расположен с тех самых пор, как познакомился с Вами...»

«Нестор» науки Александр Гумбольдт также заверил его в своем глубоком уважении в письме от 26 февраля 1859 года: «Я сильно сконфужен, дорогой коллега, что страх перед Вашим непреодолимым для меня третьим этажом... так долго препятствовал посетить того, кого мы хотели бы полностью назвать своим, того, кому мы обязаны открытием целой части света. Я на днях серьезно беседовал с Риттером и регентом^[34] о Ваших

пожеланиях и надеюсь, что все они будут удовлетворены».

Но судьбе угодно было распорядиться иначе: за очень короткий промежуток времени все три покровителя умерли: Карл Риттер — 28 февраля 1859 года, Александр Гумбольдт — 6 мая 1859 года, Кристиан Карл Иозиас Бунзен — 28 ноября 1860 года. Особенно тяжелой для Барта была потеря Риттера, хотя это печальное событие и стало поворотным этапом в его судьбе. Место Риттера как председателя Географического общества занял профессор Дове, а Барт был избран вторым председателем. Когда же Дове в апреле 1863 года в связи с загруженностью сложил с себя обязанности первого председателя, Барт занял его место. С особым энтузиазмом он работал над созданием фонда Карла Риттера — для поощрения путешествий, имеющих научные цели. К первым мероприятиям, проведенным с помощью этого фонда, относилось выяснение судьбы пропавшего без вести в Африке (в мае 1855 года) Эдуарда Фогеля. В Комитет фонда, основанный в июле 1860 года, вошли Генрих Барт, Юстус Пертес и Август Петерман.

Барт возглавил кампанию по сбору средств среди населения, в результате чего стало возможным учредить поисковую экспедицию, которой было дано задание «выяснить судьбу Фогеля, спасти документацию и завершить его научные начинания, а именно исследования района между Нилом и озером Чад». Но поскольку возглавленная Теодором Хейглином (1824–1876) экспедиция не придерживалась разработанного Бартом маршрута, он распорядился отозвать ее. Это привело к разногласиям с Петерманом, поддержавшим стремление путешественников по своему усмотрению изменить курс, так как он был заинтересован в разнообразной информации для своих «Географических сообщений».

Вторая организованная Бартом экспедиция для обеспечения сохранности наследия Фогеля (к тому времени сообщения о его трагической гибели подтвердились) под руководством Морица Бойрмана (1835–1863) не увенчалась успехом, так же как и третья, проводившаяся под руководством Клауса Деккена (1833–1865).

Богатый практический опыт и обширные знания позволили Барту стать главным консультантом в деле исследования Африканского континента. Обилие писем свидетельствует о большой поддержке, которую он оказывал ученым, а также и о том, как были важны его исследования в эпоху колониализма, которые вопреки чуждому человеку ненавистным буржуазным теориям были направлены на утверждение гуманности и человеколюбия.

В этот период своей жизни Барт развернул обширную публицистическую деятельность. Многие его труды были напечатаны, в частности, в «Журнале общей географии». Ученый снискал себе признание и как редактор и комментатор путевых заметок многих своих коллег.

С чувством глубокой симпатии Барт следил за всеми научными экспедициями. После возвращения Ливингстона в 1857 году он выступил с торжественной речью. Ливингстон, со своей стороны, посвятил ему свою книгу со словами: «Д-ру Генриху Барту посвящается эта книга с дружеским приветом и высоким признанием его заслуг в открытии Африки; от друга и соратника Давида Ливингстона. Лондон, 29 октября 1857 года».

С другими учеными, прежде всего с Георгом Швейнфуртом (1836–1925) и Герхардтом Рольфсом (1831–1896), он в качестве их покровителя поддерживал тесные дружеские отношения.

Не менее важными, чем финансовая помощь, были для начинающих путешественников рекомендательные

письма Барта. Теперь настал его черед поддержать такими письмами своих молодых коллег. Рольфс попросил его написать всем влиятельным лицам, в особенности Хамед эль-Баккаи в Центральную Африку, ибо никогда нельзя знать, куда забросит человека судьба в подобном путешествии, а Абд эль-Керим оставил везде после себя добрую славу.

Главным трудом всей своей жизни, в основе которого лежали результаты его экспедиций, а также путешествий, предпринятых им в одиночку, Барт считал «Физическую и историческую сравнительную географию Средиземноморского бассейна».

Среди небольших работ особое место по значению занимала статья «Негры и негритянские страны», написанная для «Германского словаря государств мира».

Она свидетельствовала о глубине его познаний в области африканистики и со всей определенностью характеризовала Барта как гуманиста. Он не только рассматривал в 1862 году африканца как равноправного «члена великой человеческой семьи», но и подверг уничтожающей критике «благотворное» влияние европейских культуртрегеров: «Деятельность... европейских наций ограничивалась переброской на побережье [Африки] подонков общества и, с одной стороны, приводила первобытные народы в соприкосновение с худшими сторонами христианского общества, с другой — превращала существовавшее там с древнейших времен местное рабовладение в пагубную работорговлю».

Заслуги Барта теперь были признаны не только у него на родине, но и в других странах, в частности в Англии, и, поскольку не было больше причин для столкновений, отношения его с британским иностранным ведомством улучшились. В 1862 году он был награжден давно обещанным орденом Бани. Однако

на приглашения вернуться в Англию, исходившие от такого влиятельного человека, каким был лорд Джон Рассел, Барт ответил отказом. Он больше не верил англичанам, о чем свидетельствовало его письмо свояку: «Я не доверяю английской политике. Сейчас, накануне гражданской войны в Америке, когда англичане рискуют остаться без хлопка, они ищут его в Африке и вновь будут домогаться дружбы с мусульманскими странами. В связи с этим влияние миссионеров должно быть временно ослаблено. Поделом этим лицемерам, которые не стеснялись обвинять меня в приверженности к рабству, когда я в тысячу раз больше сделал для истинного обращения негров глубинной Африки в другую веру, чем все их миссионеры, вместе взятые».

Однако что касалось Пруссии, то там для Барта все оставалось по-старому. Он, правда, получил обещанное ему пособие, но должность преподавателя высшего учебного заведения и тем самым регулярное жалование все еще заставляли себя ждать. Хотя Карл Риттер предложил философскому факультету его кандидатуру в качестве своего преемника, приглашение Барта на штатную должность заведующего кафедрой географии после смерти его учителя не состоялось. 27 октября 1859 года философский факультет на одном из совещаний рассматривал вопрос о преемнике Риттера. Кандидатами на должность были выдвинуты Генрих Киперт, Фердинанд Мюллер и Генрих Барт. Было решено отложить вопрос о назначении нового профессора, однако согласно распоряжению министра по делам культов 1 января 1860 года это место предоставили Киперту, который значительно больше соответствовал требованиям прусского правительства, чем Барт, настораживавший его своими гуманистическими идеями и политическими взглядами. О тогдашнем образе мыслей ученого можно судить из писем 1859 года: «... становится все более и более совершенно невыносимо

выслушивать все эти речи ультрапруссаков, которые не в состоянии видеть дальше собственного носа». «...Что принесет новый год в отношении политики? Для Германии наверняка ничего хорошего; раздробленность вовне и изнутри — вот судьба, которая, по моему мнению, постигнет Германию, пока воля народа не одержит победу».

И все же друзья Барта сделали попытку добиться для него звания действительного члена Академии наук, членом-корреспондентом которой он был с 1885 года. Ходатайство о присвоении ему этого звания возбудили три члена филолого-исторического отделения: специалист по истории древнего мира Г. Партей, востоковед Г. Петерман и историк Л. Ранке. С ходатайством ознакомили действительных членов Академии наук, после чего состоялось голосование. Однако принятие Барта в действительные члены Академии наук натолкнулось на сопротивление. Восемь членов Академии проголосовали за него, 13 — против. Само собой разумеется, что знающий себе цену, самолюбивый ученый воспринял это поражение как тяжкое оскорбление. Допустим, что недоброжелательность и интриги сыграли здесь не последнюю роль, но многие тогда считали, что немалую долю вины Барт все же должен был приписать себе, своей резкой манере поведения, которая многих от него отталкивала.

После почти шестилетнего пребывания в Африке, где Барт познал вкус свободы и независимости, теперь он не мог приспособиться к обывательско-консервативной среде. Ученый вновь уединяется, не переставая находиться в постоянном конфликте с окружающим миром. Правда, к своим друзьям он по-прежнему был внимателен и готов прийти им на помощь. Отныне с особенной силой в нем вспыхнули родственные чувства. Он охотно и сам обзавелся бы

семьей, да все еще не представлялось подходящей возможностью. «Во всяком случае, я не женюсь лишь бы жениться, — писал он в начале 1860 года, — а сделаю это, если встречу ту, к которой почувствую неудержимое влечение. Но это решит будущее. В настоящее время мое сердце совершенно свободно, хотя в воспоминаниях я и возвращаюсь с большой симпатией к нескольким представительницам слабого пола, с которыми меня время от времени сводила судьба».

Очень точно охарактеризовал Барта как человека его свояк Густав Шуберт: «О личной жизни Барта я хотел бы добавить следующее. В обиходе он отличался суровостью и скрытностью, и, безразличный ко всему будничному, в дружеском общении, как только разговор касался глобальных вопросов политики и науки, он превращался в увлекательного и экспансивного собеседника. О собственных заслугах Барт не любил распространяться, но, если о них все же заходила речь, он говорил с большой скромностью. Вследствие своей замкнутости Барт плохо разбирался в людях и часто придавал их выступлениям в печати большее значение, чем они того заслуживали. В письменном обмене мнениями он выражался весьма прямодушно, а иногда даже любил употреблять крепкое словцо... Особенно он считался с откликами в зарубежной печати, прежде всего Англии и Франции, но также России, Швейцарии и Италии. Со многими крупными учеными он состоял в оживленной переписке».

После того как в течение нескольких лет Барт тщетно надеялся получить должность ординарного профессора, провал его кандидатуры при голосовании нанес особенно сильный удар по его самолюбию. Но и это было еще не все. Его ходатайство о твердом жалованье также отклонили, а вместо этого лишь продлили ежегодное пособие. В 1862 году факультет вновь отклонил его кандидатуру на должность

ординарного профессора. После таких унижений чаша терпения была переполнена.

5 января 1863 года Барт писал министру по делам культов: «Старый год остался позади, начался новый. Все время я терпеливо ждал, чтобы данные мне письменные обещания были выполнены. Однако отныне я не могу больше оставаться в неизвестности и готовлю статью в газету, чтобы выпросить для себя постоянное место службы где-нибудь в другом месте, причем я твердо убежден, что там сумеют оценить по достоинству результаты моих трудов, которыми здесь всячески пренебрегают.

Пруссия, по чьей инициативе, при чьем содействии я участвовал почти шесть лет в опасной и сверх всякой меры тяжелой экспедиции в глубинные районы Центральной Африки, принесла меня в жертву Англии, чьи интересы мне совершенно чужды. Сейчас, когда меня со дня на день оставляют в неведении относительно моего будущего, похоже, происходит то же самое. Такое сомнительное положение, без какой бы то ни было поддержки я не в состоянии больше выносить и настоятельно прошу без дальнейших промедлений положить этому так или иначе конец».

В то время, когда Барт вел переговоры с университетом в Йене, где у него имелись шансы на получение долгожданной кафедры, ему сообщили, что прусское министерство по делам культов назначило его экстраординарным профессором. И он предпочел остаться в столице. Правда, это назначение не устранило проблему жалованья, и Барт, как и прежде, жил лишь на ежегодное пособие. Однако был сделан по меньшей мере первый шаг, который, правда, отнял очень много времени и сил.

С начала зимнего семестра 1863 года Барт приступил к чтению лекций в университете. На занятиях присутствовало до 60 вольнослушателей. По сравнению

с его прежними лекциями, которые он читал как приват-доцент, эти были более успешными. География и этнография имели, по его мнению, не только научное призвание, но и другое — интернациональное. «Что может быть для молодежи, — говорил Барт, — более поучительным, чем география и народоведение со всеми их окрыляющими характерными чертами? Лично для меня эти науки суть целое, и в то же время они — связующее звено в цепи всех других дисциплин и приобретают наравне с другими науками все большее значение...»

После того как в многочисленных трудах были описаны географические результаты большой экспедиции, Барт обратился к лингвистическим разработкам, задумав большую работу — учебник под названием «Собрание и обработка центральноафриканских слов»^[35]. Однако эта работа осталась, к сожалению, незавершенной.

О своей лингвистической деятельности Барт писал: «Как я работал? Знал я хотя бы основные, главные языки глубинных районов Африки? Отнюдь нет... За исключением берберского... Опираясь на арабские народные говоры, имеющие хождение на территории от Триполи до Мурзука, через которую пролегал путь нашей экспедиции, я с помощью освобожденных рабов-негров, которые сопровождали нас от побережья и которые родом были из глубинных районов Африки, многое записывал, а потом заучивал наизусть и таким образом овладел разговорной речью хауса и канури».

Видный французский исследователь Сахары Анри Дюверье (1840-1892), прославившийся прежде всего тем, что описал жизнь туарегов, считал своим долгом продолжить лингвистический труд Барта. Поскольку манускрипт находился у фирмы Юстуса Пертеса, он связался с д-ром Петерманом, чтобы помочь проконсультировать его о необходимых мероприятиях

по изданию этого труда. Последний, в высшей степени обрадованный, поручил ему довести этот труд до конца, а затем издать.

Барту все не сиделось дома. Его вновь и вновь тянуло в неизведанные дали. Захотелось продолжить начатое в 1862 году исследование стран Средиземноморья, и в 1865 году он пускается в странствие по западным провинциям Турции. Во время этого путешествия, так же как и во время предыдущих, Барт делает подробные описания, на основании которых он собирался создать обширный труд по данному региону^[36]. Еще в 1860 году он писал: «Я надеюсь, что смогу, если мне суждено прожить долгую жизнь, объединить множество разрозненных фактов и вывести общие закономерности. Передо мной стоят в основном две задачи: создание систематизированного труда по географии Африки, а также естественнонаучной, культурно-исторической и географической работы по Средиземноморскому бассейну. Обе они тесно связаны между собой и дополняют друг друга...»

Однако, несмотря на то что Африка и Средиземноморье всегда оставались родной стихией ученого, он как президент Географического общества без колебаний согласился войти в комиссию по исследованию Северного Полюса. Большая работа заглушила тревогу о личной неустроенности.

Когда Барт в 1865 году находился в путешествии по Македонии, Албании и Черногории, в Берлине его коллега Олхаузен обратился с ходатайством в министерство финансов. «С истечением этого года, — писал он, — возобновляется крайне неприятная ситуация как для меня, так и для всего ученого мира, при которой ученый, прославившийся крупнейшими достижениями, к тому же уже не первой молодости, будет вынужден покинуть столицу Пруссии и литературный центр Германии, чтобы влачить жалкое

существование где-нибудь в другом месте». Однако просьба о жалованье для Барта была снова отклонена, министерство обещало лишь продление выплаты пособия. Но Барт больше не нуждался в «великодушном» жесте. Его дни были сочтены. Во время пребывания на курорте — небольшого отдыха — он почувствовал недомогание, причина которого, как выяснилось позже, заключалась в неправильном лечении, назначенном в результате ошибочного диагноза. Вскоре обнаружился сильный воспалительный процесс в области желудка и кишечника, а спустя три дня после этого, 25 ноября 1865 года, в страшных мучениях Генрих Барт скончался. Поскольку причина смерти была неясна и некоторые сочли даже, что Барт намеренно отравился, известный врач-терапевт Рудольф Вирхов (1821–1902) по просьбе родственников произвел вскрытие. Оно показало прободение желудка. Похороны ученого состоялись 29 ноября 1865 года. Проводить в последний путь Генриха Барта пришли видные представители науки и культуры, а также многочисленные жители Берлина.

Наследие обязывает...

В «Географических сообщениях» был напечатан некролог Августа Петермана. «Его исследования, — говорилось в некрологе, — по вопросам истории, политики и языков раскрыли нам совершенно новую сферу деятельности и обнаружили поразительное количество важных данных. Все это он осуществил, будучи в крайне трудных условиях...» Поистине достойно восхищения, что он наряду с весьма обширными этнографическими и географическими исследованиями находил время и для такого в высшей степени трудоемкого дела, как топографическое обозначение маршрутов, которое и легло затем в основу его карт и, вероятно, никогда ни одним путешественником не было проведено с подобной тщательностью и терпением. Если учесть, что он каждые пять минут фиксировал показания часов и компаса, скрупулезно измерял скорость верблюжьего шага в различное время дня, а также записывал все, что имело отношение к направлению и протяженности пути, и, кроме того, записывал в дневнике все примечательное, встреченное им во время путешествия, и наряду с этим подробно расспрашивал нанятых проводников, принадлежавших чаще всего к представителям разных народов, обо всем на свете, чтобы затем воспользоваться этим для изучения многочисленных, совершенно неизвестных языков, — и все это в течение целых шести лет... то приходится только поражаться его работоспособности и энергии. Становится понятным, что эти его труды на много лет должны были стать фундаментальными первоисточниками, а все предшествовавшие они оставили далеко позади.

Барт был, безусловно, высшим авторитетом по странам северной части Центральной Африки, а его путешествия в эти районы по обилию новых открытий и плодотворным результатам, которые они дали для дальнейших экспедиций и исследований, можно сравнить лишь с результатами путешествий Кука к южной части Тихого океана и Александра фон Гумбольдта в Америку.

Однако после смерти имя выдающегося ученого все больше предавалось забвению. Гуманист Генрих Барт не вписывался в родословную посланцев колониализма, его труды не могли стать оправданием колониально-политических теорий и практики. Ведь он утверждал, что африканские народы отнюдь не нуждались в «помощи» белого человека, чтобы стать «цивилизованными». На многочисленных примерах Барт впервые доказал, что задолго до проникновения колониальных держав в странах южнее Сахары существовали высокоразвитые государства. Свободный от предрассудков и не подверженный идеям шовинизма и расизма, Барт всего себя посвятил служению науки.

С именем Генриха Барта началась новая эра в истории открытия Африки. Его научные выводы представляли ни с чем не сравнимую ценность для географа, историка, археолога, этнографа, социолога и языковеда. Не все, конечно, что написано им по Африке, было новым, но все его выводы и умозаключения имели уровень принципиально более высокий, чем многие распространенные до него теории.

Разумеется, его образ мышления и отдельные поступки, ограниченные буржуазным гуманизмом, не были свободны от ошибок. Путевые заметки Барта носят отпечаток идей раннего позитивизма. Он исходил из «позитивных данных» и не задавался вопросом о сути явлений. При этом, однако, Барт оставил нам в наследство колоссальное число фактов, изобилие

детальных описаний, в том числе и экономического содержания, которые для современной исторической науки трудно переоценить.

Значение деятельности Генриха Барта было заново открыто лишь в 50-е годы нашего столетия. Несомненно, немалые заслуги в пропаганде его научных трудов принадлежат Р. Италиандеру и Г. Шифферсу, хотя нельзя согласиться с их односторонней оценкой Барта как «аполитичного гуманиста». Молодая африканская историография также начала дискутировать вопрос о значении деятельности Барта. Так, историк-марксист Модилим Ачуфузи (Нигерия) охарактеризовал его как «самого замечательного из всех африканских путешественников», картографические зарисовки и заметки которого являются незаменимыми в деле изучения истории Судана.

Мы чтим Барта как прогрессивного ученого, который на службе мирного научного исследования и гуманизма приподнял завесу, опущенную над Черным континентом, и понял необходимость изучения географии в качестве не только «чистой» науки, но и науки как средства, сближающего народы всей земли.

Сочинения Г. Барта (на нем. яз.)

Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres ausgeführt in den Jahren 1845, 1846 und 1847. B., 1849.

Wanderungen durch das punische und kyrenaische Küstenland oder Magreb, Afrika'ia und Bar'a. (Zugleich Habilitation 1848). Bd. 1 (последующие тома не вышли).

Ober Reisen im nordlichen Afrika, in Syrien und Klein-Asien. In: Monatsber. über d. Verhandlungen d. Gesellschaft f. Erdkunde zu Berlin. N. F. Bd. 6. 1850, с. 43-63.

Nachrichten aus Timbuktu. In: Monatsber. d. Kgl. PreuB. Akademie d. Wiss. 1854, с. 178-181.

Beitrage zur Geschichte und Geographie des Sudan. In: Zeitschr. d. Dt. Morgenland. Gesellschaft. Bd. 9. 1855, с. 518-594.

Reisen und Entdeckungen in Nord- und Central-Afrika in den Jahren 1849 bis 1855. Tagebuch einer Reise inr Auftrage d. Britischen Regierung unternommenen Reise. Gotha 1857-1858. Bd. 1-5.

Kurze Skizze von Timbuktu in der Vergangenheit und Gegenwart. In: Zur Erinnerung an d. Feier des 30jährigen Stiftungsfestes d. Gesellschaft f. Erdkunde zu Berlin am 18. April 1858. B. 1858.

Reise von Assuan über Berenike nach Kossier im October und November 1846. In: Zeitschr. f. allgem. Erdkunde. N. F. Bd. 7. 1858. S. 1-31.

Das Becken des Mittelmeeres in natfirlicher und kulturhistorischer Beziehung. Hamburg, 1860.

Reise von Trapezunt durch die nordliche Halfte Klein-Asiens nach Skutari im Herbst 1858. Gotha 1860. (Trg. H. 3 zu Petermanns Geogr. Mitteilgn.).

Neger und Negerstaaten. In: Deutsches Staatswörterbuch. Hrsg. von J. C. Bluntschli. Stuttgart 1860.

Bd. 7, c. 219-247.

Sammlung und Bearbeitung Central-Afrikanischer Vokabularien. Gotha 1862.

Reise durch das Innere der Europäischen Türkei von Rustschuk fiber Philipoppel, Rilo (Monastir), Bitolia und Thessalischen Olymp nach Saloniki im Herbst 1862. B., 1864. Auch in: Zeitschr. für allg. Erdkunde. N. F. Bd. 15. 1863, c. 301-358; 457-538. Bd. 16. 1864, c. 117-208.

Литература о Г. Барте (на нем. яз.)

Ilialiaander R. Heinrich Barths Leben und Wirken. In: Barth, Heinrich: Im Sattel durch Nord- und Zentralafrika. Wiesbaden 1967, с. 283-379.

Keienburg E.: Der Mann, der Abd el Kerim hieß. Heinrich Barths Forscherleben in Wüste und Wildnis. B., 1966.

Schubert G. von: Heinrich Barth, der Bahnbrecher der deutschen Afrikaforschung. B., 1897.

Л. Е. Куббель

Послесловие

В истории изучения Африки XIX в. не было недостатка в ярких и выдающихся личностях. Обстановка во внутренних областях Африканского континента, время и общее состояние науки того времени делали любую попытку проникнуть на несколько сотен километров от побережья предприятием в высшей степени рискованным и опасным. Людские потери большинства европейских экспедиций бывали колоссальными — от половины до двух третей их численного состава, несмотря на то что к середине века уже был известен хинин. Поэтому «открытие» внутренних районов Африки европейцами (сами-то африканцы знали свою землю достаточно хорошо, и ни одна экспедиция не обходилась без африканцев-проводников) было по плечу лишь отважным и решительным людям. Их судьбы складывались по-разному, неодинаковыми были и практические результаты их деятельности, и далеко не всем удавалось вернуться на родину.

В этом смысле немецкий ученый Генрих Барт мог считаться на редкость удачливым. Он пробыл в малоизвестных областях Центрального и Западного Судана почти шесть лет, дольше, чем какой-либо европеец до него. Барт благополучно возвратился в Европу и получил признание своих научных заслуг, пусть и не всегда, по его мнению, достаточное. Наконец, он сумел собрать и доставить в Великобританию и Пруссию колоссальный по объему научный материал, в ряде случаев не до конца оцененный еще и сегодня. Таким образом, перед нами, казалось бы, блистательная научная карьера. И все-таки, читая жизнеописание

Барта, принадлежащее перу исследователя из ГДР В. Геншорека, сочувствуешь Барту, сожалеешь, что этот незаурядный человек так и не смог до конца раскрыть свои выдающиеся способности. Так в чем же дело?

Можно, конечно, заметить, что Барт обладал далеко не легким и не простым характером. Но дело заключалось не просто в его характере. Простолюдину, выбившемуся из низов ценой огромного упорства и самопожертвования — и собственного и родительского, нелегко было получить в Прусском королевстве — дворянско-помещичьем государстве — «место под солнцем», достойное его способностей и знаний. Цитируемая в книге переписка Барта с высокими сановниками достаточно хорошо показывает, насколько раздражал «их превосходительства» своими настойчивыми просьбами сын торговца, не имевший даже звания доцента. Барт же знал себе цену и не скрывал этого ни перед министрами прусского короля, ни перед лордом Пальмерстоном. Понятно, что это чувство гордости и собственного достоинства «плебея» не слишком нравилось власть имущим. Однако и не в этом было главное. Просто Барт пришелся не ко времени. До объединения Германии под эгидой Пруссии и создания Германской империи, до перехода немецкого капитализма в империалистическую стадию развития колониальный вопрос не занимал много места в кругу интересов прусской правящей верхушки, тем более что пока еще нечего было и пытаться конкурировать с Британией в торговле с африканскими странами. Отставание Пруссии 40-50-х годов от сильнейшей капиталистической страны мира было весьма жестокой экономической и политической реальностью. И понятно, что государственная поддержка экспедиции Барта представлялась королевскому правительству попросту бессмысленной.

Несколько по-иному обстояло дело в Великобритании. С 90-х годов XVIII в. ей принадлежало неоспоримое первенство в африканских исследованиях. Мунго Парк, Александр Лэнг, Хью Клаппертон, Джон и Ричард Лендеры и многие другие первооткрыватели принесли заслуженную славу британской науке. Их трудами была решена проблема течения Нигера, они первыми из европейцев познакомились с могущественными африканскими государствами Центрального и Западного Судана — Борну и Сокото. И все же полученные ими сведения оставались фрагментарными, а как раз с конца 40-х годов прошлого века правящие круги Британии готовились всерьез заняться «освоением» района нижнего течения Нигера и его притока Бенуэ. Да и более далекие области, например бассейн озера Чад, также заинтересовали англичан. Речь пока еще шла не о территориальных захватах, а о «свободе торговли», хотя и для этого нужны были глубокие знания африканских стран. Задача получить их и ставилась перед экспедицией Дж. Ричардсона, в которую Барт и Овервег вошли на правах добровольцев и которая отправилась из Триполи (служившего исходным пунктом всех британских экспедиций через Сахару) в 1849 г.

Британское правительство ничего не имело против участия в экспедиции Ричардсона двух немцев. В конце концов при сохранении общего руководства за британским подданным и неукоснительном выполнении главных практических задач — в первую очередь установления торговых отношений и заключения соответствующих договоров с африканскими правителями — важные сведения, собранные этими немецкими учеными по географии, этнографии, климатологии, другим областям знаний, могли оказаться весьма полезными. А денежное содержание

добровольцам не было обременительно для правительства ее величества королевы Виктории.

Оставшись волею судеб один после смерти своих спутников, Барт с присущими ему добросовестностью и педантизмом выполнял политико-коммерческие функции, возлагавшиеся до того на экспедицию в целом. В этом отношении в Лондоне не могли предъявить к нему никаких претензий. Но Барт был прежде всего ученым, и научные интересы неизменно оставались в центре его внимания. А это как раз и раздражало чиновников всех уровней в лондонских канцеляриях: этот задиристый немец и признания и наград-то требовал не столько за выполнение инструкций кабинета, сколько за какие-то свои научные заслуги, которые чиновную публику если и занимали, то лишь постольку-поскольку...

А научные заслуги эти действительно были огромными. Генрих Барт был первым европейцем, посетившим Борну, Сокото и другие суданские государственные образования, со специальной и многогранной научной подготовкой. Историк, археолог, лингвист, географ, климатолог, он сумел нарисовать небывало полную для того времени картину центральных областей Судана — от озера Чад до внутренней дельты Нигера; положил начало изучению языков многих народов региона, впервые познакомил Европу с блестящими памятниками средневековой арабоязычной письменности, созданными в долине Нигера. Барт с живейшим интересом общался с жителями тех стран, где бывал, причем делал это без становившегося уже к тому времени обычным у многих европейцев чувства презрительной снисходительности к «туземцам».

К этому надо добавить, что Барт-ученый не только видел, понимал и осуждал омерзительную язву работорговли, но и весьма убедительно и, увы, верно

предсказывал те разрушительные последствия, которые принесла африканцам европейская, прежде всего британская, «свободная торговля» во внутренних областях континента.

Человек угловатый и далеко не всегда «удобный» в обращении, Барт не делал секрета из своих взглядов, выражая их и устно и в печати. И это опять-таки не способствовало взаимопониманию между ним и прусской, а также британской бюрократией (не лучше относилась к нему, впрочем, и купеческая верхушка его родного Гамбурга). В результате ученому с мировым именем, прославленному путешественнику приходилось вести годами унижительную борьбу за штатное место в каком-нибудь из прусских государственных университетов.

Знакомя советского читателя с книгой В. Геншорека, мы исходили из того, что своей неутомимой научной деятельностью на ниве изучения географии, истории, культуры африканских народов и результатами этой деятельности Генрих Барт заслужил почетное место в ряду тех, чьим усилиям мы сегодня обязаны нашими знаниями об окружающем нас мире и населяющих его народах. И это место дает ему право на доброжелательное внимание советской читательской аудитории.

Л. Е. Куббель

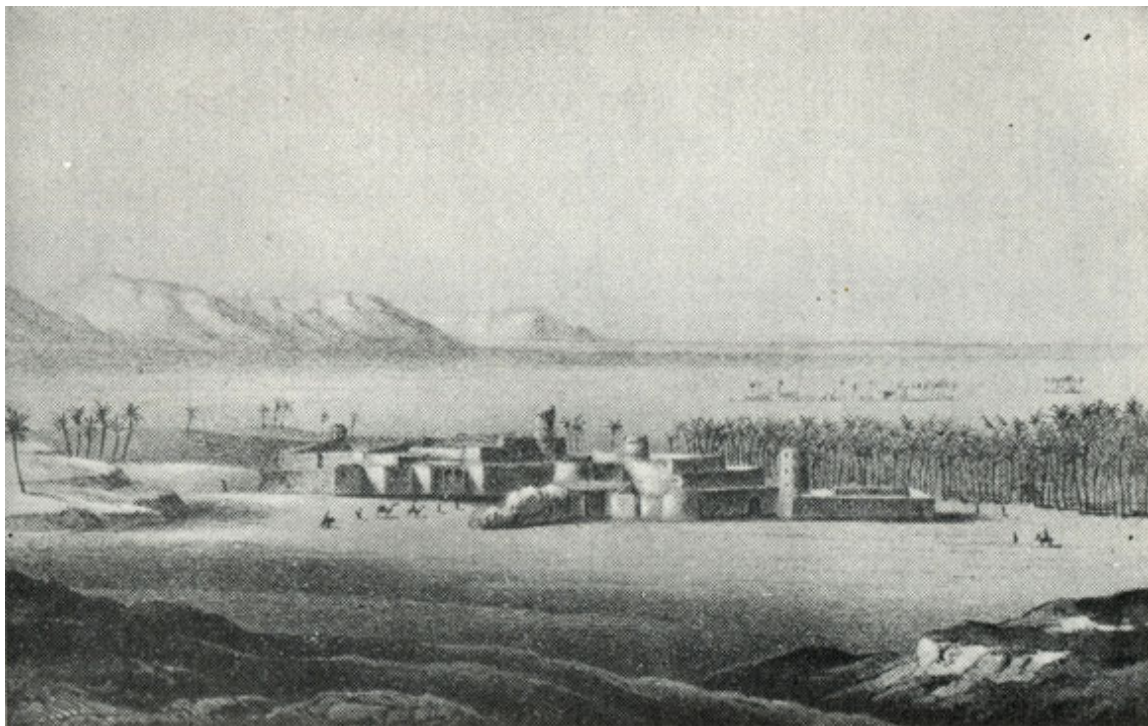
Иллюстрации

Адольф Овервег (1822-1852)

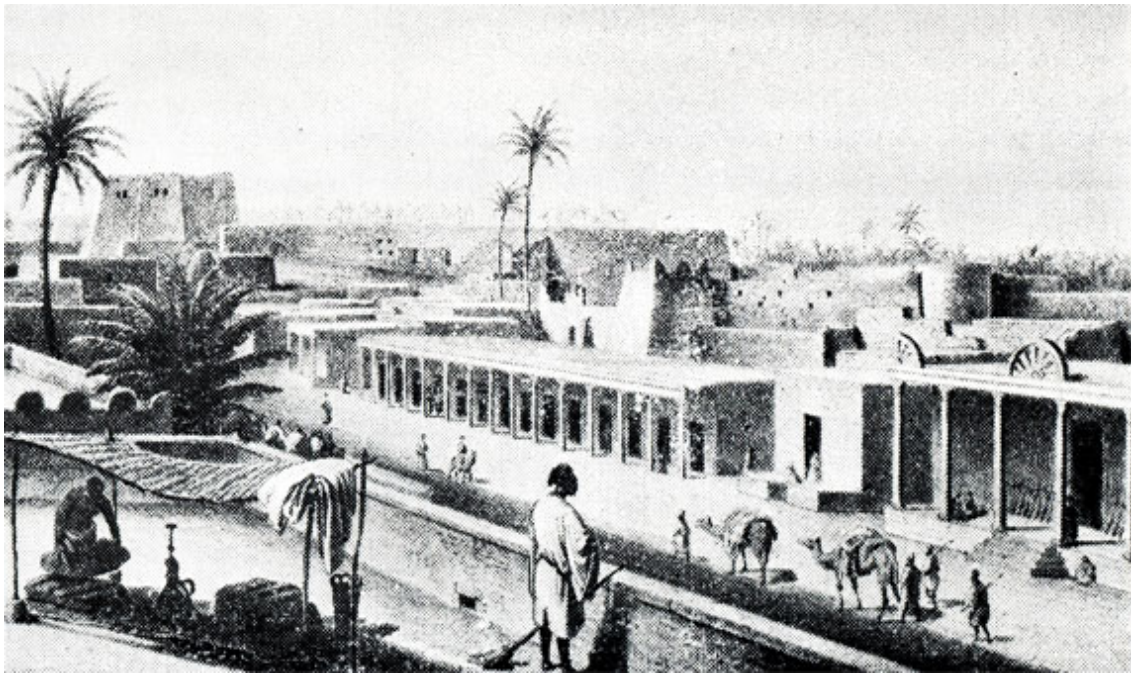
Александр Гумбольдт (1769-1859)

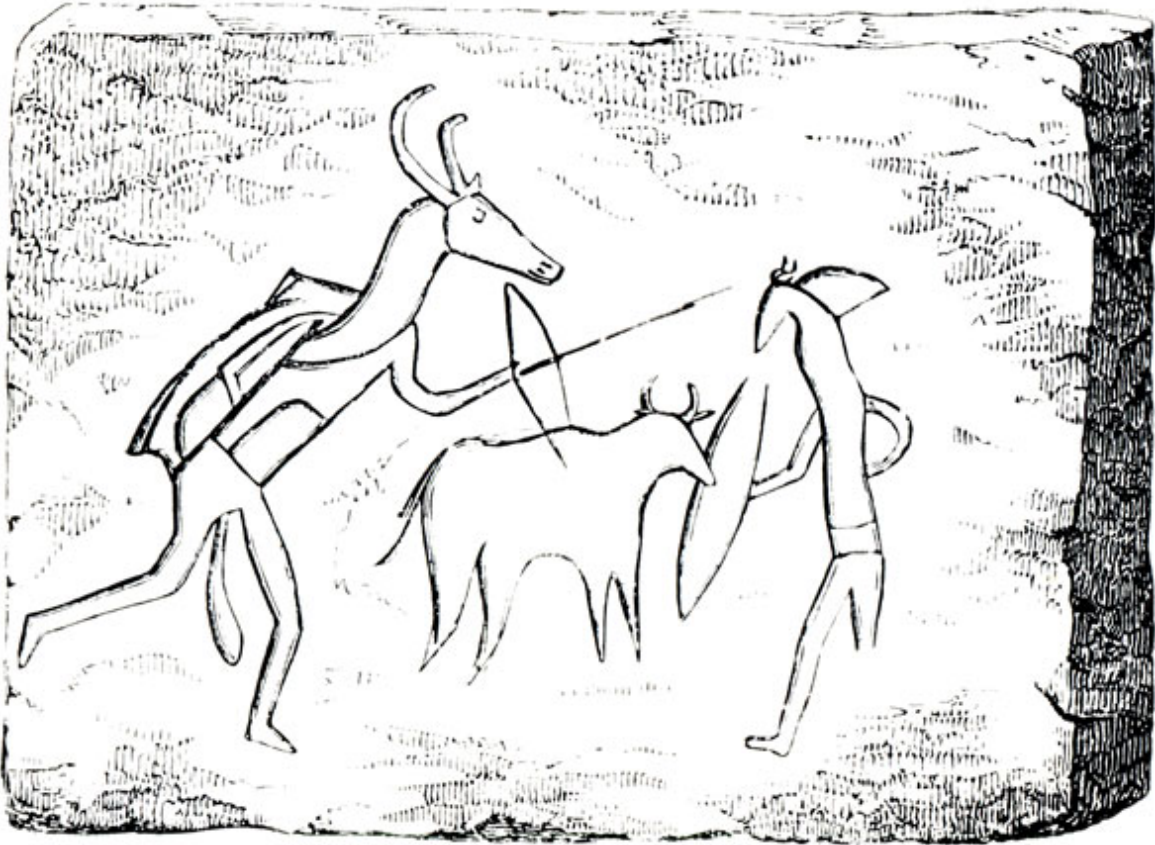
Оазис Мизда

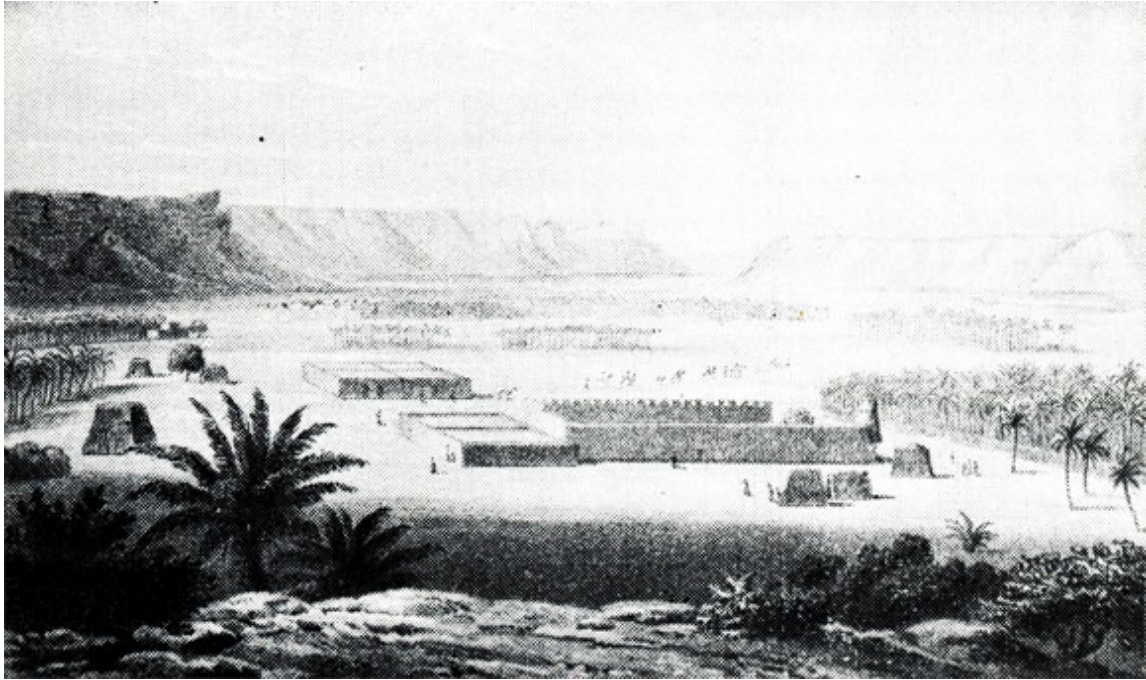
Лагерная стоянка близ Эдери

Мурзук

Наскальные рисунки, обнаруженные Г. Бартом

Гат

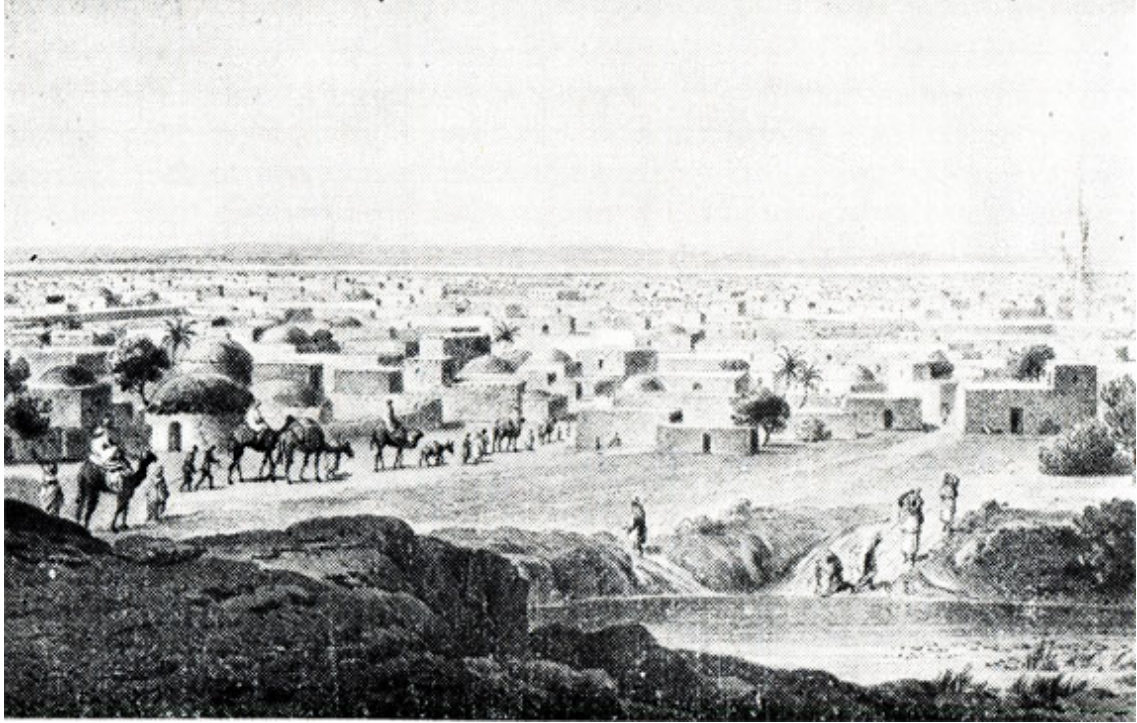

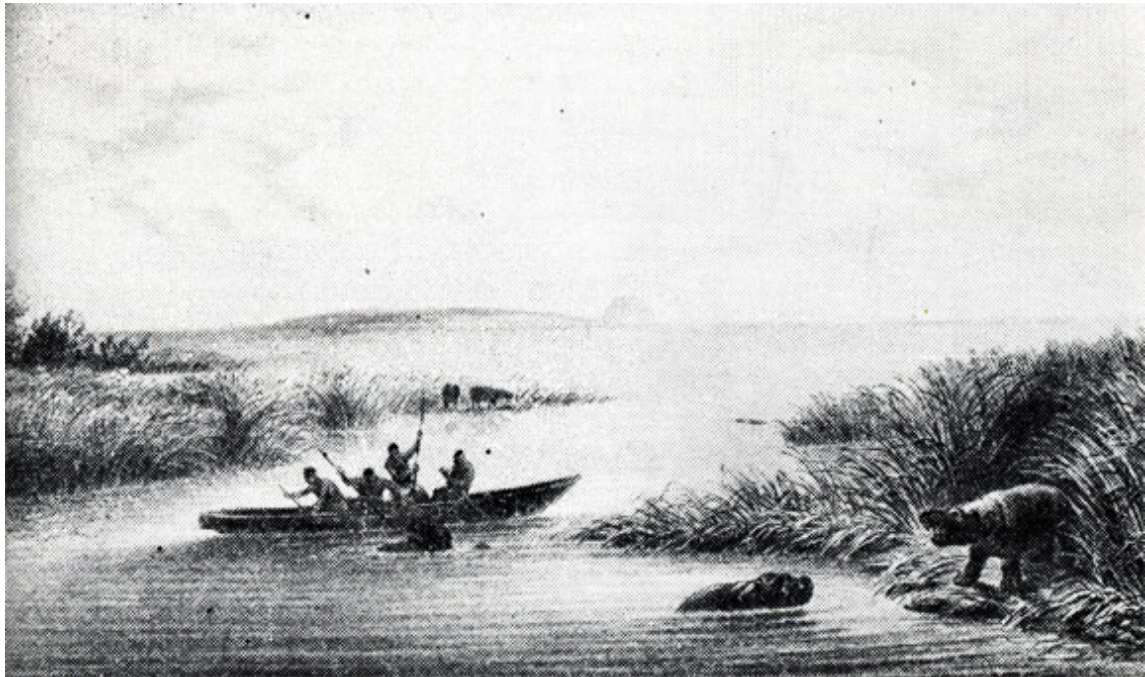
Тингеллуст

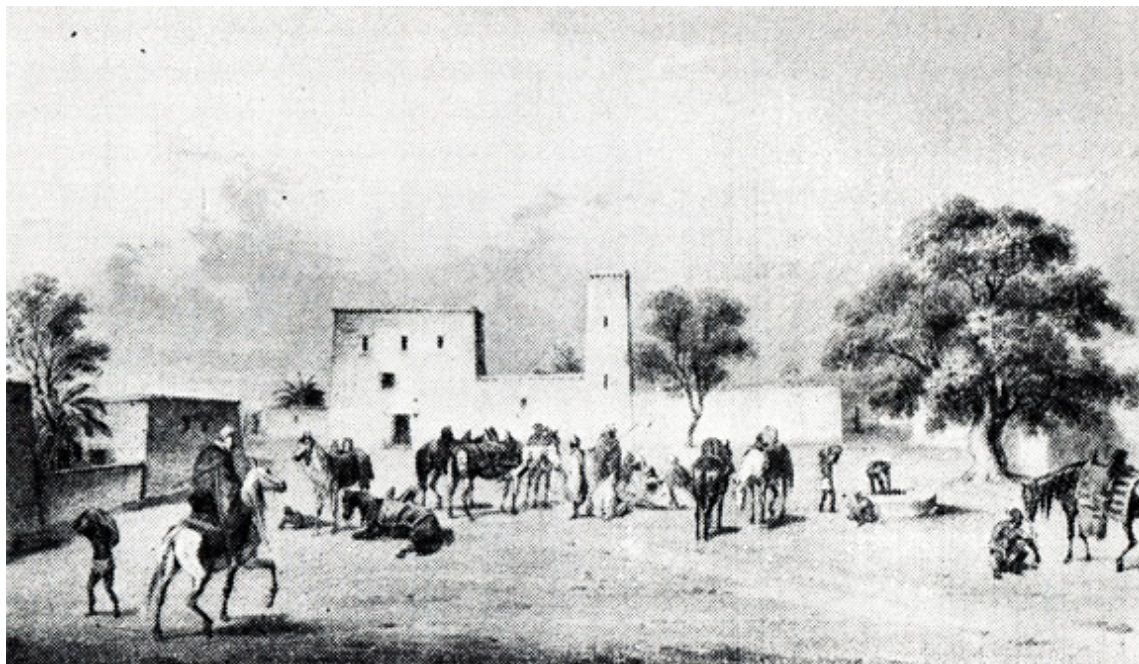
Агадес

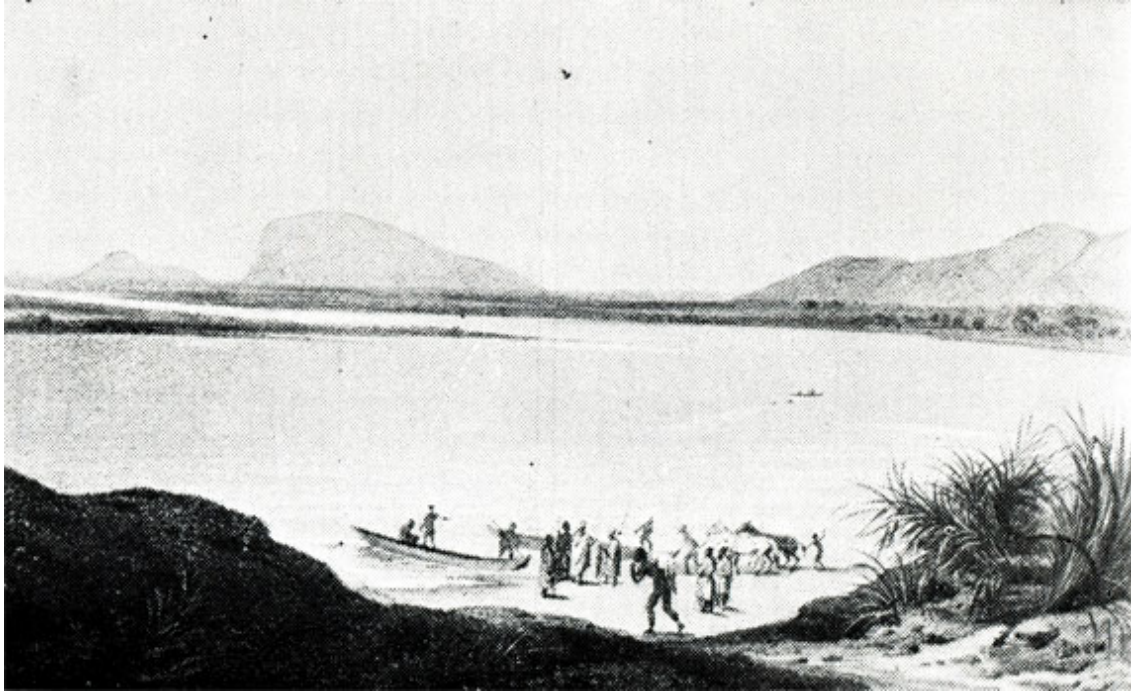
Кано

Озеро Чад

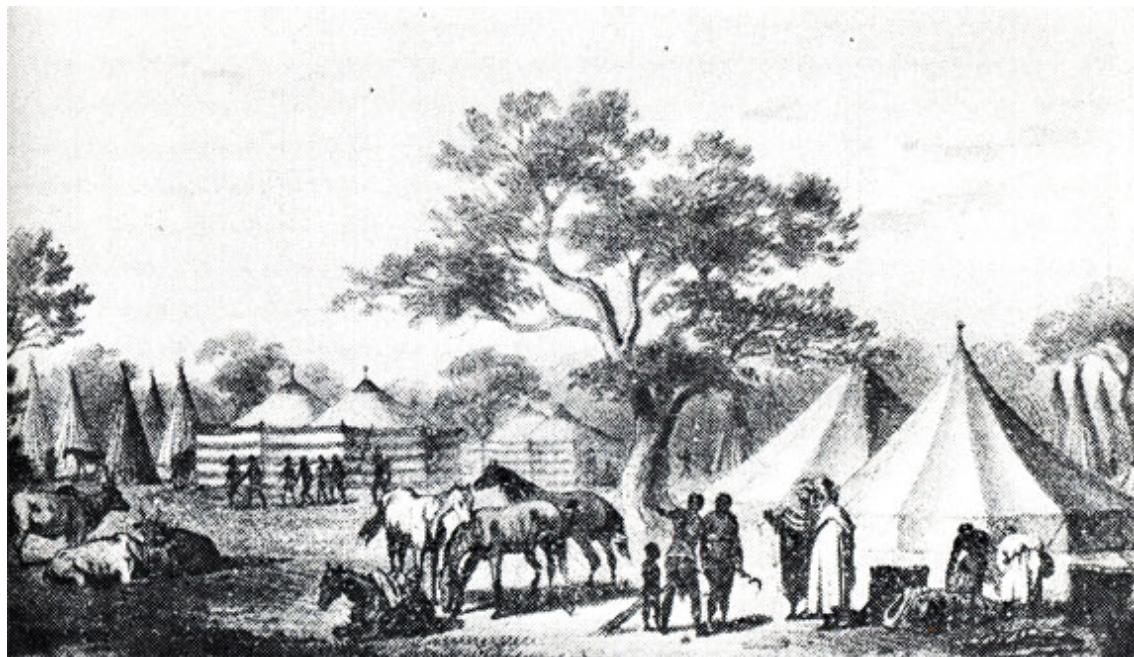
Дендал в Кукаве

Место слияния рек Бенуэ и Фаро

Музгу

Палаточный лагерь в Музгу

Внутренний дворик в Музгу

Вождь племени канембу

Вождь племени музгу

Вступление султана в Масенью

Бывшие рабы Ф. Аббега и Д. Доругу

Базар в Сокото

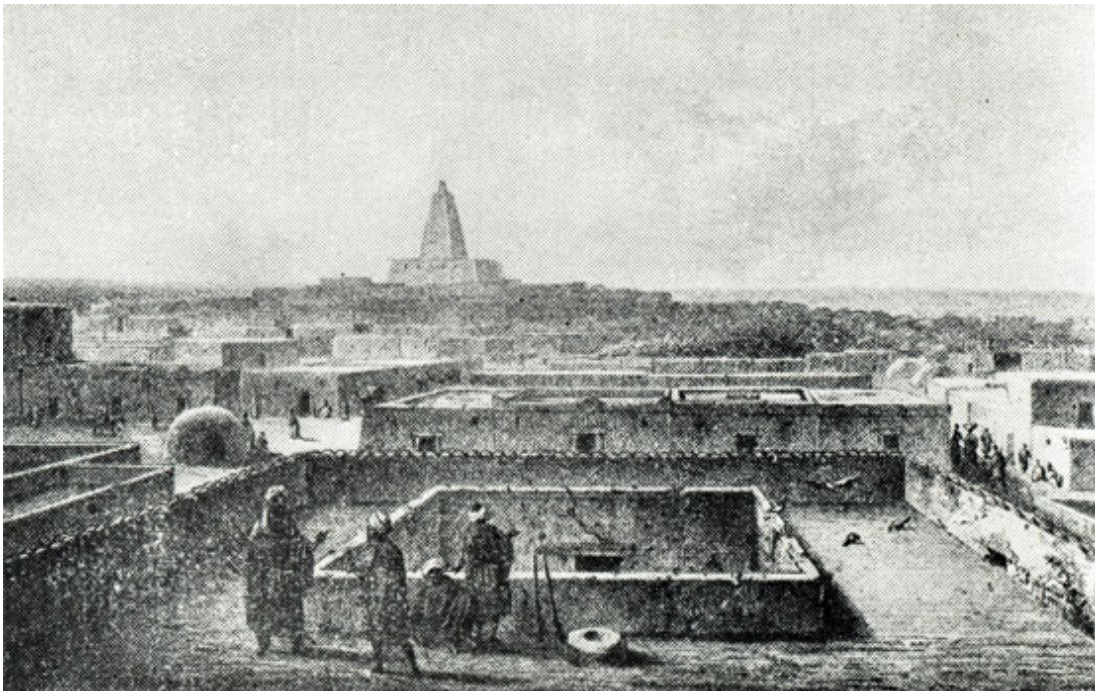
Соляная долина Фога

Поселение в Сонгае

Вступление каравана в Томбукту

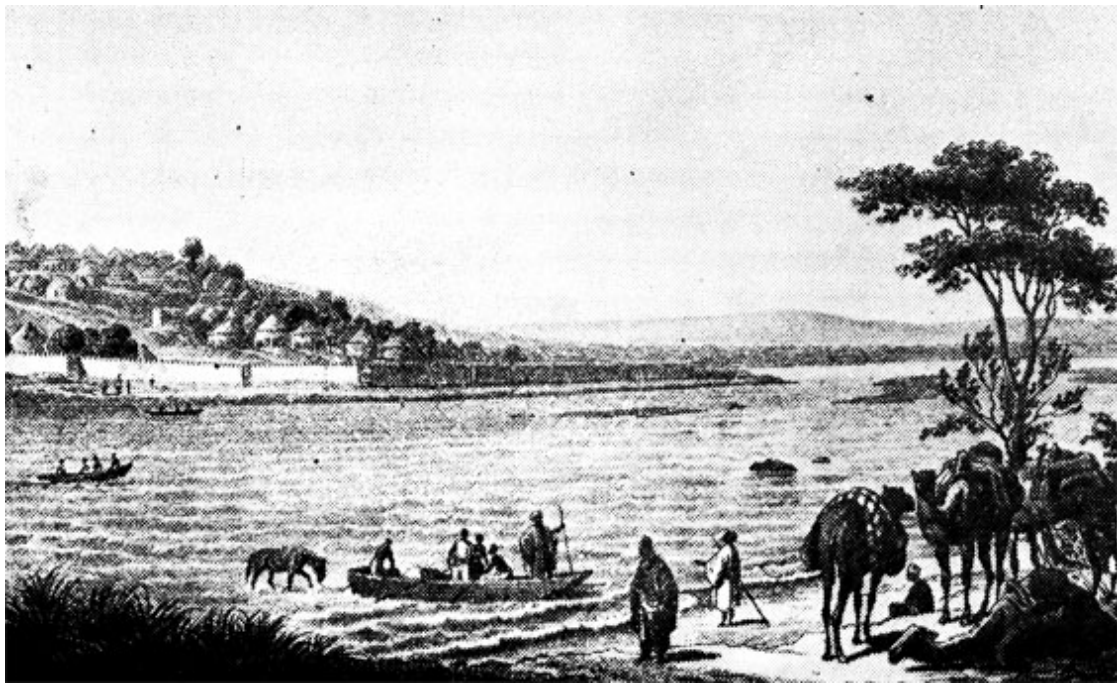
Томбукту

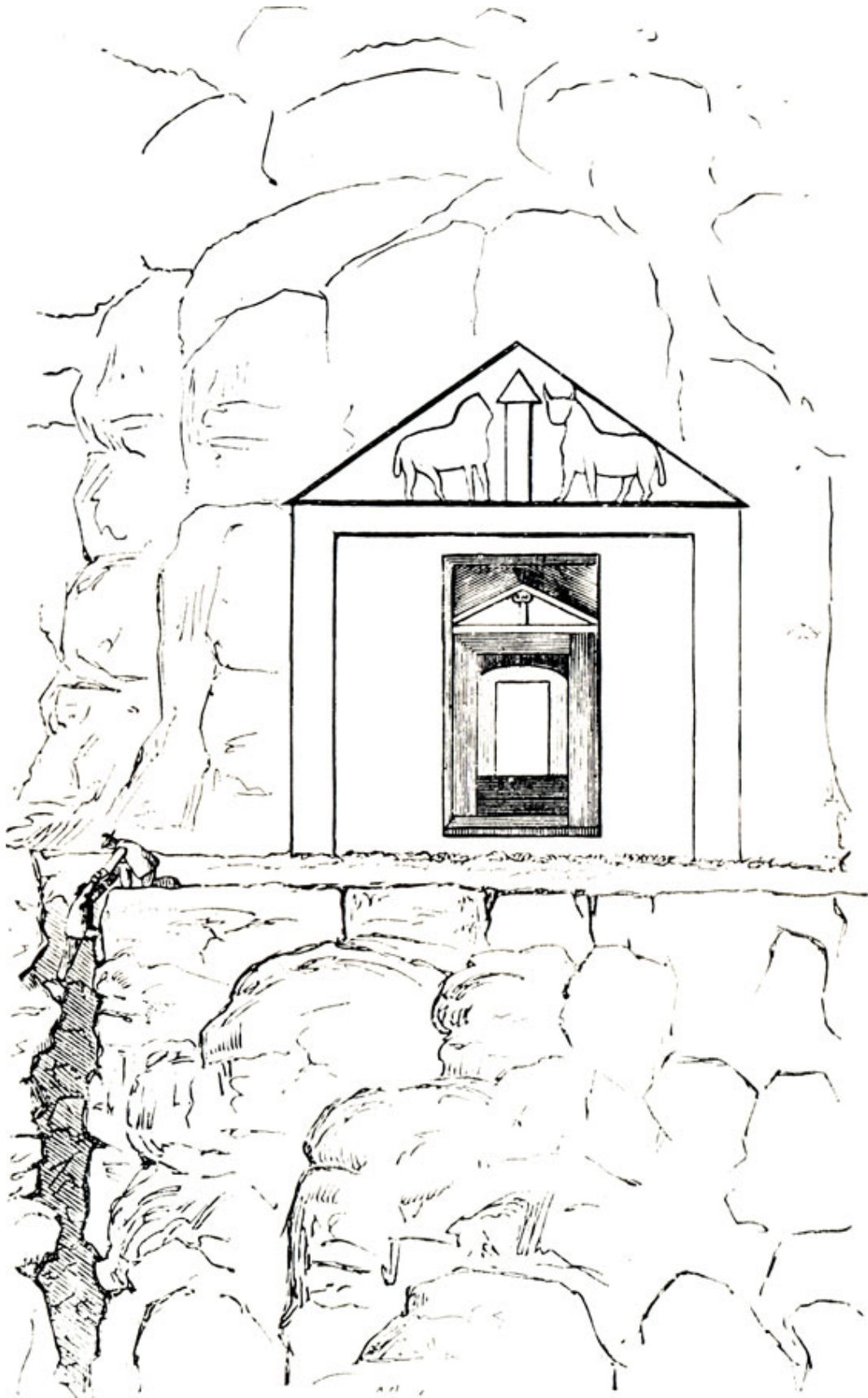
Палаточный лагерь шейха Эль-Баккаи близ Томбукту

У города Сай

Река у города Сокото

Чертеж фригийских царских могил

Автор из ГДР, историк, писатель и публицист, предлагает советскому читателю книгу о выдающемся немецком ученом и путешественнике прошлого века Генрихе Барте, о главном деле всей его жизни — Большой африканской экспедиции, а также о других путешествиях, в частности по странам Средиземноморья. Результаты исследований Барта по Африке до сих пор лежат в основе многих современных представлений о прошлом африканских народов, их культуре, языках и обычаях. Книга построена преимущественно на дневниках, которые Генрих Барт вел на протяжении всех своих путешествий.

Мы чтим Генриха Барта как прогрессивного ученого, который на службе мирного исследования и гуманизма приподнял завесу, опущенную над Черным континентом...

В. Геншорек
Академия наук СССР

Ордена трудового красного знамени институт
востоковедения

Вольфганг Геншорек

20000 километров по Сахаре и Судану

Издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы

Москва

1985

Wolfgang Genshorek

ZWANZIGTAUSEND KILOMETER DURCH SAHARA UND
SUDAN

Leipzig, 1982

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев, А. Б.
Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А.
Симония

Сокращенный перевод с немецкого Е. Л. Шохиной

Ответственный редактор, автор послесловия и
примечаний Л. Е. Куббель

Геншорек В.

Г 34 20000 километров по Сахаре и Судану. Жизнь и
дела Генриха Барта, пионера в исследовании Африки.
Сокр. пер. с нем. Е. Л. Шохиной. Послел. и примеч. Л. Е.
Куббеля. М.: Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

160 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Г1905020000-214 Без объявления
013(02)-85

ББК л 8

© VEB F. A. Brockhaus Verlag. Leipzig, DDR, 1982.

© Перевод, послесловие и примечания: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

Вольфганг Геншорек

20000 километров по Сахаре и Судану

Жизнь и дела Генриха Барта, пионера в исследовании Африки Утверждено к печати Редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор Р. Г. Стороженко. Младший редактор Г. А. Аристова. Художник Л. С. Эрман. Художественной редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор Л. Е. Синенко. Корректор И. И. Чернышева

ИБ № 14602

Сдано в набор 30.04.85. Подписано к печати 15.10.85. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 3. Иллюстрации отпечатаны на бум. «Люксоарт». Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 814+0,84 вкл. Усл. кр. — отт. 9, 56. Уч. — изд. л. 9,84. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5822. Зак. № 411. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1 3-я типография издательства «Науке». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28.

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее в тексте цитируется литература, список которой приведен в конце книги.

2

Во время колониальной войны французской администрации в Алжире в 1844 г. французские войска, преследуя отступавшего вождя алжирского освободительного движения Абд ал-Кадира, перенесли военные действия на территорию Марокко.

«Карлсбадские постановления» были приняты в Карлсбаде (Карловы Вары) по инициативе австрийского канцлера К. Меттерниха 20 сентября 1819 г. и направлены на подавление революционного движения в странах Германского Союза (Пруссии, Баварии, Вюртемберге, Саксонии и др.). Отменены в обстановке революционного подъема в апреле 1848 г. союзным Бундестагом.

Речь идет о революции 1848-1849 гг., охватившей все германские государства, хотя и подавленной главным образом прусскими войсками, но все же приведшей в 1850 г. в конечном счете к «дарованию» королевской властью первой Конституции Пруссии.

5

Barth H. Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeers ausgeführt in den Jahren 1845, 1846 und 1847. B., 1849.

6

Имеется в виду «Закон о социалистах», изданный правительством Бисмарка в 1879 г.; этим актом запрещались печатные издания и собрания членов Социал-демократической партии Германии, созданной в 1875 г.

7

Гальванический круг — гальванометр в виде кольцевого проводника, лежащего в плоскости магнитного меридиана; помещенная в центре кольца магнитная стрелка показывает отклонение от этого меридиана.

Энгельс Ф. К истории первоначального христианства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 22, с. 468.

Речь идет о берберских династиях: правивших в Тунисе и восточной части Алжира — Хафсидах (1225–1574), в Центральном и Западном Алжире — Абд ал-Вадидах (1236–1337) и в Марокко — Меринидах (1269–1465), а также сменившей их младшей ветви того же племени бану марин — Ваттасидах (1428–1549).

10

Аридизация Самары началась еще в III тысячелетии до н. э. и завершилась уже в I тысячелетии н. э. Неолитические культуры в Сахаре сохранялись до рубежа нашей эры (городище Дар-Тишитт в Мавритании).

11

Доллар (иногда — талер), о котором идет речь здесь и далее, это испанское серебряное песо, так называемое *peso duro*, с середины XVII до середины XIX в. служившее основной международной валютой в Латинской Америке, Южной и Юго-Восточной Азии и Северной Африке. Делилось на 8 реалов, откуда иногда его обозначение «восьмерная монета» (*peso de ocho*).

12

Существует и другая датировка правления мансы Мусы I Кейтаа, а именно 1312-1337 гг., которая представляется более точной.

Город Дженне основан намного раньше указанного здесь времени. Раскопки американских археологов супругов Мак-Интош в начале 80-х годов обнаружили следы старого поселения на холме Доборо, в 3 км от нынешнего города. Это городище Дженне-Джено (Старый Дженне) датируется III в. до н. э. Уже тогда город был важнейшим центром торговли во внутренней дельте Нигера: здесь обменивались зерно, скот, рыба и железные орудия на соль, медь и изделия из нее, поступавшие из Сахары и Северной Африки. Сонгайской державе город был подчинен не в 1468-м, а в 1473 г.

Страны хауса были подчинены сонгайским аскией ал-Хадж Мухаммедом I в 1514-1515 гг., но ненадолго. Уже в 50-е годы XVI в. сын Мухаммеда, аския Дауд, безуспешно пытался восстановить в хаусанских городах власть сонгайских царей.

Обучение талибов (по-арабски «ищущие [знания]») в Томбукту было ограничено сравнительно узким кругом богословских, правовых и грамматических дисциплин, представленных практически не изменившимся до сего времени собранием трудов средневековых арабоязычных авторов. Притом оригинальный элемент преподавания был сведен к минимуму, и дело ограничивалось многократным комментированием или просто заучиванием наизусть одних и тех же текстов на протяжении многих поколений.

Антропологические отличия, о которых здесь идет речь, наблюдаются отнюдь не у всех групп народа фульбе, рассеянного от Атлантического океана до озера Чад. В наибольшей степени они выражены у бороро — чисто скотоводческих кочевых (и самых отсталых в социально-культурном отношении) групп. Большинство остальных фульбе в той или иной степени смешаны с негроидным населением и зачастую неотличимы от него внешне; к тому же они ведут комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство.

С начала XIX в. в Борну при сохранении номинального главы государства — султана из древней династии Сефува (Сефава) — фактическим правителем страны стал мусульманский богослов Мухаммед аль-Амин Эль-Канеми, носивший арабский титул «шейх» (букв. «старейшина», в произношении на языке канури — шеху) и занимавший официально пост главного судьи государства; первый министр шеху носил также арабский по происхождению титул вазири (в произношении канури). Барт имел дело уже не с самим Эль-Канеми (умершим в 1837 или в 1838, а не в 11835 г., как указано чуть далее), а с его сыном Умару (годы правления — 1838–1881).

(Точные цифры человеческих потерь от работорговли сейчас установить невозможно, а их оценки разными исследователями расходятся подчас не менее чем на порядок. Советский историк С. Ю. Абрамова склонна оценивать потери только от европейской работорговли XVI–XIX вв. (а существовала еще и более древняя и не менее развитая ближневосточная) в 60–70 млн. человеческих жизней, отоваривая, впрочем, весьма ориентировочный характер любых предлагаемых цифр. См.: Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978, с. 251. И виновниками таких потерь были не сами по себе европейские государства, а европейский капитализм эпохи первоначального накопления капитала.

Гелетма — имеется в виду борнуанский по происхождению титул галадима, который с XVII в. носил высший государственный сановник Борну — наместник его западных областей. Влияние борнуанских образцов политической организации было настолько сильно, что этот титул бытовал и у восточных (багирми) и у западных (хауса) соседей Борну. См.: Ольдерогге Д. Западный Судан в XV-XIX вв. Очерки истории и истории культуры. — Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 53. М. — Л., 1960, с. 98-102.

«Господин Людвиг Баварский» — король Баварский Людвиг I (1825–1848). Известен как меценат и сам не чужд был изящной словесности, однако не пользовался читательским успехом — не в последнюю очередь из-за крайне вычурного, тяжелого и претенциозного языка своих сочинений.

Реку Бенуэ Барт действительно «открыл» вторично: первыми из европейцев к ней вышли в октябре 1830 г. Джон и Ричард Лендеры. См.: Зотова Ю., Куббель Л. В поисках Нигера. М., 1972, с. 227.

Речь идет о столице, построенной фульбским правителем области Масина Секу Амаду Лоббо в гористой области Бандиагара, на правом берегу Нигера, и названной им Хамдаллаيه (букв. «Слава Аллаху!»).

Повелитель верующих — имеется в виду правитель фульбского султаната Сокото в Северной Нигерии Али ибн Мухаммед Белло (1842–1859), хотя в принципе мусульманская правовая теория допускала ношение этого титула, равнозначного званию руководителя всей мусульманской общины, лишь халифами, т. е. преемниками основателя ислама Мухаммеда, происходившими из арабского племени бану курайш.

Говорить об «открытии Нигера» в таком контексте не вполне правомерно: к 50-м годам прошлого века на среднем и нижнем течении реки уже побывали М. Парк, У. Аудни, Х. Клаппертон, Р. Кайе, братья Лендер, не говоря уже о миссионерах и экспедициях, пытавшихся подняться в 30-40-х годах вверх по реке от ее дельты.

Махди (араб. мессия). В первой половине XIX в. в обстановке неоднократных вспышек в Западном Судане мусульманских «войн за веру» (джихада) настроения, связанные с ожиданием прихода мессии, были достаточно широко распространены среди исламизованного населения.

Лев Африканский. Африка — третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть. Л., 1983, с. 305-306.

Речь здесь идет о недостаточно пока подтвержденных сколько-нибудь серьезными документами сообщениях о якобы имевшем место пребывании в Томбукту в XV в. итальянского купца Бенедетто Деи, в XVII в французского моряка Поля Эмбера и в начале XIX в. американского моряка Роберта Адамса. Первым европейцем, достоверно побывавшим в этом суданском городе в 1826 г., был Александр Лэнг, а двумя годами позже, в апреле — мае 1828 г., здесь провел две недели Рене Кайе.

Dubois F. Tombouctou la Mystérieuse. P., 1897.

Утверждение, будто Барт нанес на карту «общее течение реки» Нигер, довольно далеко от истины: он не поднимался по течению выше Томбукту и не спускался ниже устья Бенуэ. Что же касается верховий Нигера, то их вообще впервые достиг почти четвертью века позже, в 1878 г., француз Пьер Солейе.

Фридрих Хорнеман в 1798–1801 гг., отправившись из Египта, достиг нижнего течения Нигера в районе г. Рабба, где и умер. Швейцарец Йоганн Людвиг Буркхардт по поручению Британского африканского общества совершил в 1813–1814 гг. путешествие от Асуана через Нубийскую пустыню к порту Суакин на Красном море. См.: Зотова Ю., Куббель Л. В поисках Нигера, с. 59–74; Горнунг М. Б., Липец Ю. Г., Олейников И. Н. История открытия и исследования Африки. М., 1973, с. 168.

Юстус Пертес — владелец одной из крупнейших в Европе полиграфических фирм, специализировавшейся на публикации карт и географической литературы, в частности журнала «Mitteilungen aus Justus Perthes' geographischer Anstalt», чаще известного как «Petermann's Geographische Mitteilungen» — по имени крупного немецкого картографа Аугуста Петермана (1822-1878), с 1854 г. управлявшего картографическим производством фирмы Пертеса в Готе.

Barth H. Reisen und Entdeckungen in Nord- und Central Afrika in den Jahren 1849 bis 1855. Bd. I-V. Gotha: Justus Perthes, 1857-1858.

Это и дальнейшие высказывания Барта приводятся по изданию: Barth H. Reise von Trapezunt durch die nordliche Halfte Klein-Asiens (см. список произведений Г. Барта в данной книге).

Регент — речь идет о будущем (с 1861 г.) короле Пруссом и (с 1871 г.) императоре Германском Вильгельме I, провозглашенном в октябре 1858 г. регентом королевства Прусского в связи с душевной болезнью своего старшего брата короля Фридриха Вильгельма IV (1840-1861).

См.: Barth H. Sammlung und Bearbeitung Central-Afrikanischer Vokabularien. Gotha, 1862.

См.: Barth H. Reise durch das Innere der Europäischen Türkei. — Zeitschrift für Allgemeine Erdkunde. Bd. 15, 1863; Bd. 16, 1864.